

[Polaris]

ВСЕВОЛОД

ВАЛЮСИНСКИЙ

ПЯТЬ

БЕССМЕРТНЫХ

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

СССХХХІ

Salamandra P.V.V.

**Всеволод
ВАЛЮСИНСКИЙ**

ПЯТЬ БЕССМЕРТНЫХ

Роман

Том I

Salamandra P.V.V.

Валюсинский В. В.

Пять бессмертных: Роман. Предисл. С. Пакентрейгера. Послесл. А. Агафонова. Т. I. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 138 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCXXXI).

В 1935 г. нелепый случай оборвал многообещающий творческий путь советского фантаста В. В. Валюсинского. «Пять бессмертных» — его первый роман, мрачная история о научных поисках и обретении бессмертия и глобальной войне между капиталистической Америкой и «Великим Союзом» социалистических Евразии, Африки и Австралии.

В С. ВАЛЮС И Н С К И Й

на тв

БЕССМЕРТН

ПЯТЬ БЕССМЕРТНЫХ

От издательства

В тех случаях, когда издательство находит нужным прийти на помощь читателю, оно обычно снабжает выпускаемое им произведение предисловием. Практика, однако, показала, что, во-первых, предисловие это не читается, пока само произведение, к которому дается предисловие, не заинтересовало читателя, а, во-вторых, многие, прочитав самое произведение, так и не возвращаются к забытому вначале предисловию.

Передаваемый нами в настоящее время на суд читателей роман Всеволода Валюсинского «Пять бессмертных», несомненно, вызовет немало толков, вызовет немало всякого рода размышлений среди читателей, особенно среди молодой части читателей, которые с охотой читают произведения, рисующие отдаленное будущее.

Преимуществом романа Вс. Валюсинского является то, что он не только дает богатую пищу фантазии читателя, но и толкает его ум на размышления по целому ряду вопросов. В качестве пособия для тех, кто желал бы разобраться в вопросах, этим романом подымаемых, мы помещаем в виде приложения к роману статью тов. А. Агафонова. В этой статье проводится параллель между романом Вс. Валюсинского и двумя другими, наиболее популярными среди наших читателей, утопическими романами. Далее в статье подчеркиваются положительные и отрицательные стороны романа «Пять бессмертных».

Надеемся, что помещенная в конце книги статья принесет читателю свою пользу.

РАДОСТЬ ЧЕЛОВЕКУ

Есть художники-друзья, мужественные, крепкие, бодрые. Они несут человеку радость. Среди утопистов и фантастов больше всего таких художников. Но и фантасты бывают мрачные, злые и желчные, напоминающие того Гейневского пессимиста, который вышел из душного госпиталя в цветущий сад, вдохнул ароматный воздух и нашел, что мир воняет.

Легко представить себе, какие благоуханные запахи уловил бы такой человек не в цветущем саду, а в более прозаическом месте. Если бы даже над этим местом светило весеннее солнце, и тогда желчный фантаст растравил бы себя и других мрачными перспективами того, что солнце должно неизбежно погаснуть, как погаснет его собственная жизнь.

А есть фантасты-скептики: солнце, может, и не так скоро погаснет, но кому же оно светит?

Один из таких скептиков, Булгаков, года полтора тому назад дал волю своей иронической фантазии, плодом которой явилась насмешливая повесть «Роковые яйца». Мораль этой повести сводится к тому, что свет революции, посеянный великанами, достался жалким, ограниченным, тупым и ползучим змеям, превращающим великое в ничтожное и смешное.

Всеволод Валюсинский не принадлежит ни к числу Гейневских пессимистов, ни к числу скептиков типа Булгакова. Он — верный, мужественный друг человека труда, человека борьбы за достойную жизнь человека, который окончательно и навсегда хочет скинуть с себя ярмо исторических неправд.

И свет революции расцвел в романе Валюсинского радостной утопией. Всеволод Валюсинский обладает даром воображения, вооруженным современными знаниями биологии и социологии. И если, по примеру всех утопистов и сказочников, он разужоривает прогнозы науки вымыслом социально-утешительным, то это потому, что ему доступна и понятна генеральная тенденция развития нашей эпохи.

Он не как скептик Булгаков подошел к маленькому отрезку времени и маленькому отрезку современной действительности, выбрав ограниченные, злые и темные ее стороны, раздув их в гиперболлизированную карикатуру. Он взял основную восходящую линию развития советской государственности в масштабе международном на протяжении нескольких будущих столетий — и нарисовал жес-

точайшую борьбу этой новой исторической силы, опирающейся на моральную и революционную силу угнетенных всего мира, с хищными, беспощадными силами капитала.

Чтобы полной мощно изобразить грядущие столкновения этих смертельно враждебных друг другу сил, Валюсинский, как художник-утопист, пользуется фантастической идеей, имеющей корни в евгенике, в омоложении, в теориях продления человеческой жизни, — идеей создания бессмертного человека, — и вплетает ее как основную интригу в битвы двух миров: федерации социалистических республик Старого Света и капиталистической Америки. Америка намерена использовать бессмертие, открытое советским ученым Кургановым, в интересах королей золота, а Союз Социалистических Республик — в интересах пролетариата.

Очень выразительно и рельефно зарисован грядущий строй американского сверхкапитализма, в котором средневековое рабство переплетается с изощреннейшими системами механизированной эксплуатации. И в противовес заштрихованы первые очаги социализма: висящие в воздухе города-сады, заводы-храмы в республиках труда, очень длительное время переживающих тяготы хозяйственного перестроения.

С первых страниц Валюсинский приобщает читателя к той трагедии, которую разделяют истинные подвижники науки новой эпохи, посвящающие все свои помыслы и энергию расцвету социализма. Открытие бессмертия, опыты его воплощения в жизнь покупаются дорогими жертвами со стороны самих ученых. Бессмертие получается в результате пересадки известных долей мозга между лицами разного пола. Двое смертных дают одного бессмертного и бесполого человека. Другой обязательно гибнет.

Валюсинский, таким образом, вдвигает и личную интимную человеческую трагедию в общие рамки своего социально-утопического романа и увлекательно, — порой несколько сентиментально, порой не без юмора, — воспроизводит психологические переживания своих персонажей. Персонажи его и внешне и внутренне осязаемы, разнообразны, богаты. Будучи национальными олицетворениями разных культур, они вместе с тем несут высшую интернациональную идею вооружения труда наукой и, хоть все взято в сказочном свете, порой кажется, что сама справедливость освобождения человека от социального и биологического рабства трепещет в их руках.

Роман Валюсинского приобретает ныне еще особый интерес потому, что он с большой четкостью и ясностью рисует тех механических и газообразных драконов, которые откроют свою пасть

в грядущей войне, прообраз которой англичане показали в Нанкине, когда огненным плащом, как панцирем, закрыли нескольких своих соплеменников, окупив их жизнь тысячью жизней китайцев.

Но аэроплан фантазии, на котором несет вас Валюсинский, взмывает над превратностями гражданских войн и подводит к той грани, когда гибнет социальное рабство, но гибнут и бессмертные. Тогда лишь занимается полная заря освобождения человека от рабства биологического.

Конечно, роман Валюсинского — утопия, социальная сказка, но она расцвела после грозы нашей революции на советской почве, она продиктована любовью к нашей республике и радостным предвосхищением ее великого будущего.

Взыскательные и строгие читатели отметят грехи в этом романе, но наряду со многими увлекательными достоинствами они почуют самое большое и ценное — радость мужественную и бодрую, которую автор несет человеку труда и его друзьям.

Они почуют, что образы бессмертных — только сказочные символы, в которых воплощена реальная, неиссякаемая воля людей угнетенного труда и угнетенной мысли смыть с лица земли позорное иго рабства, в каких бы формах оно ни проявлялось.

С. Пакентрейгер

ВВЕДЕНИЕ

Если бы старушка Луна, теперь волей человека омоложенная, давшая приют многочисленному населению, вдруг вышла из повиновения, тряхнула океанами Земли, вызвала извержения, потопа, грозя гибелью человеку и его культуре, вероятно, это не родило бы большего смятения умов, чем известие, полученное всеми 26 мая. Разнородные чувства потрясли сознание каждого. Необъятные и заманчивые открылись перспективы.

Вместе с тем, слепой, животный страх смерти наводнил ужасом миллионы маленьких, бьющихся человеческих сердец.

Смерть! Она казалась неизбежной, а потому и естественной. Как стадо, обреченное бойне, щиплет траву, дерется, даже предается любви, не обращая внимания на то, что один за другим исчезают куда-то сотоварищи, — так несчастный человек жил под ежеминутной угрозой гибели. Но жил, как будто собирался жить вечно. Только тогда, когда смерть становилась совсем рядом с ним, он вдруг забывал о своих неотложных делах. И с какой же безумной энергией боролся с нею! Как жадно цеплялся за жизнь! Как страстно желал хоть на минуту отдалить свой конец!

Но все-таки мирился со своей судьбой. Главным его утешением была всеобщность страшного закона гибели, равная для всех, обязательная и неминуемая.

Теперь, когда головокружительное известие поставило каждого лицом к лицу с такими возможностями, о которых никто не смел думать, разом пробудился извечный, тысячелетиями скрываемый и сдерживаемый страх смерти. Как будто только сейчас все увидели глубину пропасти, над которой стояли всегда. И не радость, а страх, — тот страх, который в театре при крике «пожар» заставляет людей терять голову и по трупам детей и женщин прокладывать себе кулаками дорогу к выходу, — навалился и придавил сознание человечества.

Это было затишье перед ударом грома, перед паникой и

давкой, готовой вспыхнуть у выхода, — у выхода к жизни.

Население земного шара, расколотое на две половины до крайности обострившимися классовыми схватками, приняло это известие, как пороховой погреб принял бы залетевшую раскаленную искру.

«Рано, слишком рано», — подумал один из европейских ученых, прослушав отрывистую хоккограмму, которую кто-то взволнованным голосом прокричал на весь мир из Восьмого Города.

Крик был понятен всем, потому что давно по всей Земле исчезли различные языки и наречия. Они уступили место общему, легкому и богатому англо-славянскому языку.

«Рано. Не слишком ли поздно?» — думали многие, когда услышали этот крик. Они боялись, что не найдется для них места на предстоящем пиршестве жизни...

— Всем, всем, всем!.. — ревели темные пасти мегафонов, подвешенные высоко над землей к сияющим, ослепительным шарам люмиона. Казалось, эти искусственные ночные солнца сошли с ума. Так сказочны и странны были слова, летевшие оттуда, сверху. На той стороне Земли, где в это время была ночь, люмион вспыхивал багровым светом.

— Всем, всем!.. Слушайте Восьмой Город! Смерти нет! Смерть побеждена. Сегодня пять бессмертных пришли к нам на Биологическую Сторону... Им по двести пятьдесят лет. Им по двести пятьдесят лет!.. Они здоровы и молоды... Они вышли всех сделать бессмертными!.. Нет старости, нет смерти!..

Был момент, когда все население Земли перестало двигаться. Так напряженно, так жадно, боясь проронить слово, слушали голос из Восьмого Города. Миллионы маленьких резонаторов в нижних, верхних и средних городах, во всех поясах земного шара, везде, где только могли быть услышаны человеком, одновременно повторяли:

— Нет старости! Нет смерти!..

Среди блестящих, чистых и светлых заводов, в вагонах-снарядках магнитных дорог, на бесчисленных летательных

машинах, метеорами мчащихся в самых высоких слоях атмосферы, и реками льющихся улицах, в глубочайших шахтах, по всем направлениям земных недр, среди леса стальных мачт магнитных установок обоих полюсов, за толстой броней наполненных жидким гелием стен мегурановых заводов, — везде миллиарды человеческих сердец сжались в предчувствии чего-то сладостно-жуткого. Были забыты все дела и интересы. Как будто только сейчас проснувшись от глубокого сна, все в оцепенении слушали невероятную, великую весть.

Ясно осозналось всеми, что настоящий момент есть начало какой-то совсем новой эры, что весь многотысячелетний труд истекавших потом и кровью человеческих поколений имел единственной своей, хотя и неосознанной, целью — личное бессмертие. На самой ранней ступени культуры эта цель была уже сокровенной мечтой человека. И недаром человек наделял бессмертием своих богов, создавал религии, сулившие ему загробную жизнь. Не загробной жизни желал он, а горячего солнца, свежего воздуха, теплой постели на ночь, сытного обеда после трудового дня, сладкой боли творчества, наслаждений, право на которые он завоевал. Даже со страданием не хотел он расставаться. Он не желал ложиться в могилу. Он хотел ласки, дружбы, хотел радостной физической любви. Жаждал движения все вперед и вперед, хотел быть участником в сборе посеянной им жатвы. И вместе того, точно разрушаемый смертельным ядом, заживо разлагался. Яблоня, им посаженная, давала плоды только на его могиле...

А теперь — теперь все громче и настойчивее кричал на весь земной шар голос из Восьмого Города:

— Слушайте! Никто не будет стариться и умирать. Мы будем бессмертны... Слушай-те! Никто не...

Голос внезапно прервался. Странный треск шел из умолкших рупоров. Потом все стихло. Тишина продолжалась несколько секунд. Опять появился сигнал Восьмого Города. Другой, резкий, металлический голос внятно сказал:

— Слушайте! Успокойтесь, — то, что вы слышали сейчас — ложь. Это сумасшедший, безумец хотел...

Так же внезапно оборвался и этот голос. И снова чуткая, напряженная тишина. Никто не двигался. Все ждали еще чего-то. Машины не остановились. Механизмы еще двигались, как во сне продолжая свою работу. Но человек, одушевлявший их движения своей бдительной мыслью, забыл о них. Минуту спустя на всей темной стороне Земли сначала потускнели, а затем, вспыхнув несколько раз красным отблеском, погасли шары люминона. Вся Америка погрузилась во мрак. В других частях света был день. Сильный ураган пронесся по меридиану с севера на юг и произвел большие опустошения. В обеих приполярных областях началось, каждую минуту усиливаясь, небывалое полярное сияние. Оно сопровождалось сильнейшей магнитной бурей. Мощная волна прилива поднялась с Тихого океана. Она затопила низкие прибрежья Азиатского материка и северные берега Австралии. Такие места, как Япония, вулканические архипелаги Полинезии, Камчатка и другие острова, расположенные вблизи молодых и древних вулканов, подверглись разрушительным извержениям и землетрясениям. Повсеместно начались грозы. Полил беспросветный дождь.

Стоило человеку на одну минуту отвести пристальный взгляд от регуляторов сложных приспособлений, невидимой сетью опоясавших земной шар, стоило на момент дать волю скованным волею его силам Земли, чтобы сразу же начались гибельные катастрофы. Слишком сложны были взаимоотношения могучих сил, прирученных человеком, чтобы могло пройти безнаказанным даже минутное отсутствие бдительного руководства ими. А оно отсутствовало. Все человечество пребывало некоторое время словно в столбняке. Только сразу вслед за тем начавшиеся катастрофы на воде, в земле и в воздухе заставили очнуться тех, кто находился на местах у силовых магнитных и мегурановых установок. Они стремительно бросились к своим аппаратам, чтобы восстановить нарушенное силовое равновесие. Они теперь знали цену жизни!

Последний раз нечто подобное произошло лет полтора-два тому назад. Внезапные извержения на Южном полюсе отразились гибельными катастрофами по всей Земле. Извер-

женные массы активных мегурановых пород произвели столь сильную и своеобразную ионизацию атмосферы, что это надолго внесло расстройство во все электрические явления и на многие месяцы заставило отказаться от услуг электричества.

Теперь этот самый мегуран стал одним из сильнейших источников всякой энергии. При его помощи человек стал хозяином Земли и Луны. Малейшая ошибка, допущенная в обращении с ним или в расчетах, могла привести к полному краху.

Несмотря на то, что потрясшее всех известие, казалось, должно было в сильнейшей степени повысить инстинкт самосохранения и увеличить страх смерти, нашлось очень много таких, как выяснилось впоследствии, людей, которые тотчас же покончили жизнь самоубийством. Очевидно, на слабую, неустойчивую психику это действовало слишком ошеломляюще. И рассудок их не выдерживал.

Считая самоубийц, а их было немало, а также павших во время катастроф, вызванных всеобщим ошалением, число погибших на всей Земле в течение первых пяти минут после крика «нет смерти» достигало шести миллионов человек.

Таков был первый шаг бессмертия на Земле.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Теплым осенним вечером по прямому, как стрела, неширокому каналу (он соединял бассейны и аквариумы небольшой биологической станции с открытым морем), в пузатой белой лодке молча ехало трое людей. Двое гребли. Третий, постарше, сидел на носу и курил. Проехав канал до залива, они положили весла. Лодку тихо покачивало. Высокий блондин с рубцеватым шрамом на красивом лбу тоже закурил. Он лег в лодке на спину, заложил руки под голову и загляделся в небо. В сгущавшихся сумерках красноватыми огоньками вспыхивали огни папирос. Все трое перед тем три дня не выходили из бетонированных подземных камер, где производили свои исследования, и теперь чувствовали себя очень усталыми. Никому не хотелось говорить.

Над горизонтом поднималась полная луна. Стало призрачно виднее. Лежавший в лодке приподнялся. Опершись на локоть, положил голову на руку и, глядя на молочно-белую луну, будто продолжая ранее начатый разговор, медленно сказал усталым, но очень мягким голосом:

— Странно это все-таки... Сегодня я нашел у Весты яичники совершенно атрофированными. Матка сморщена. Конечно, у нее не может быть больше щенят. Да и у Боба тоже резкие признаки атрофии и притом исключительно в области половых органов.

— Что, Веста еще жива? — спросил старший.

— Жива. Я не думаю пока ее подробно исследовать. Посмотрим, что дальше будет. А у вас что?

— Все то же. Все привитые теряют, и очень быстро, и первичные и вторичные половые признаки. Я давно и глубоко убежден, что нам так и не удастся исключить этого последствия. Я бы даже сказал, что это нормально и, если можно так выразиться, «биологически логично».

— То есть?

— То есть... гм... с некоторых пор, мне кажется, вы все начинаете понимать, в чем дело, и мне думается, что скоро нам придется бросить работу в этом направлении, тем бо-

лее, что мы сейчас ближе к решению вопроса, чем вы думаете. Но это в порядке вещей.

Двое других, что были помоложе, внимательно посмотрели на сильного мужчину лет, пятидесяти, с большой темной бородой. Он был без шляпы. Легкий ветерок временами шевелил его уже заметно поредевшие волосы.

— Да, это в порядке вещей, — продолжал он, затаившись и выпуская дым, — сейчас я заходил наверх к Гете и Лине. Они пожертвовали тремя из своих кроликов, вскрыли и исследовали. Я видел препараты.

— Ну?

— То же, что у нас.

Опять помолчали. Луна поднималась все выше. Густой парк, подходивший стеной к самому морю, был похож на серебряный лес. Вдали над ним виднелись прозрачно-белые стены зданий лаборатории. Море дышало едва заметно.

— Скажи, Курганов, — сказал лежавший в лодке, — что ты обо всем этом думаешь? Меня особенно интересует, насколько мои предположения сходны с твоими. В особенности после того, как вот Биррус, — он кивнул головой в сторону все время неподвижно сидевшего третьего спутника, — после того, как он обратил мое внимание на одну особенность. Да ведь ты видел сегодня.

Курганов, казалось, не слышал его слов. Наклонившись через борт, он смотрел некоторое время в воду, потом медленно выпрямился и обвел глазами сидевших.

— Кто хочет вмешиваться решительно и дерзко в закон природы, как это делаем мы, — начал он, — тот пусть не удивляется неожиданным результатам. Я бы считал вернейшим признаком неудачи, если бы все наши питомцы, как ни в чем не бывало, плодились и размножались.

Лежавший в лодке быстро сел и молча вопросительно уставился на Курганова.

— Да, — продолжал Курганов, и в голосе его послышались звенящие нотки, — это биологически логично. Этим сразу и вовсе устраняется вопрос о перепроизводстве организмов в случае их индивидуального бессмертия. Мы не должны удивляться исчезновению всяких половых особенностей,

как физических, так и психических... Каково назначение пола? Размножение. Размножение, преследующее сохранение вида, противопоставляющее себя индивидуальной смерти. Все животные, живущие в условиях постоянного и интенсивного их истребления, отвечают на это усиленной плодовитостью и тем уравнивают убыль. Но, заметьте, все организмы, размножающиеся бесполым путем, бессмертны. Клетка, делящаяся пополам и создающая два себе подобных жизнеспособных существа — вот основной принцип размножающегося бессмертного, так же и все половые клетки нашего тела тоже бессмертны. Если после отца остается сын, то в нем продолжают жить отданные ему отцовские половые клетки, — и так далее без конца. И я и ты, мы все, все живущие, являемся носителями бессмертной плазмы тех клеток, которые первые на этой планете дали начало органической жизни. Только с момента возникновения пола, полового размножения, выступает на сцену обязательная, физиологическая смерть. Иначе говоря: умирают самцы и самки... Организмы стоят перед дилеммой: умирай или делись! А регенерация, восстановление утраченных органов у многоклеточных, — это почти размножение делением, и если неполовые, гермафродитные формы умирают, то это лишь средний случай. Мне довольно знать, что из каждой половины разрезанной морской звезды или земляного червя восстанавливается целый, нормальный организм. Это уже почти бессмертие. Искусственные, бесполое формы растений, какова роза и многие другие, явление того же порядка. Да и тех, которые при половом размножении дают усы, отростки от корневища, клубни, вообще обладающих такими частями тела, которые, не неся специальной функции размножения, могут образовать полный материнский организм, — тех, повторяю, мы не вправе назвать в полной мере смертными. Но мы хорошо знаем, что у весьма многих растительных форм этот второй способ является преобладающим, главным, а иногда и исключительным средством сохранения вида. Ну, а можно ли назвать подчиненными естественной смерти хотя бы кусты ивы, растущей от одного корневища, которое, отмирая с одного конца, нарастает с другого и таким образом,

давая побег, а иногда и всей колонией передвигаясь в пространстве, существует неопределенно долгое время? Если бы нам было предложено определить среднюю долговечность этого растения, что бы мы взяли за основу? Срок жизни листа один, веток — другой, корневища — третий: корневище теоретически бессмертно. Мы — листья, смертные недолговечные листья, живущие на непрерывно существующей основе; но наше корневище — зародышевая плазма... Она живет все эти миллионы лет, она, черт возьми, великолепно устроилась!

Большая сова бесшумно пролетела над лодкой. Мягкими, упругими движениями меняя направление полета, как будто отскакивая от невидимых препятствий, она скоро исчезла в синем ночном воздухе. Все проводили ее глазами.

— Органическая жизнь, — снова заговорил Курганов, — в самом своем принципе противоречит смерти. Старение, обращение организма в негодность, понижение его функций и, наконец, смерть не имеют ничего общего с изнашиванием. Если бы вы ничего не знали про операцию и должны были определить причину смерти тех трех кошек и собаки, которым была сделана прививка номер второй, что бы вы сказали?

— Я... я сказал бы, — тихо ответил Карст, — так звали высокого блондина, лежавшего в лодке, — я бы определил это как смерть от... старости...

— Какого возраста были эти животные?

— Им еще не было и по году.

— Совершенно верно, это были почти котятка. А умерли они от старости. Все вы тогда называли это отравлением, потому что знали о прививке. Интоксикация?* Действительно, старый организм не представляет разве чистейшего примера отравления? Чем я отличаюсь от тебя, от Бирруса, от всех тех, кто меня моложе? У меня склероз, испорченная нервная система, седина в волосах и тысячи других анатомических и физиологических порч. Так что же, я не отравлен?

* Отравление (Здесь и далее прим. авт.).

— Но ведь Марс и Веста, — сказал молчавший до сих пор Биррус, — ведь они поправились. Не больше, чем через месяц после того, как Карст впервые на привитых номером вторым испыовал твою пересадку бэтной доли продолговатого мозга, они стали вновь совершенно сильны и здоровы. Только...

— Так неужели ты думаешь... — с сильнейшим волнением перебил его Карст, обращаясь к Курганову, став при этом на колени. Биррус наклонился и с напряжением всматривался в бледное лицо Курганова. Лодка под ними слегка закачалась.

Курганов молчал, устремив взор на темный морской горизонт. Потом медленно поднял голову и, глядя в упор в глаза Карсту, сказал негромко, но отчетливо:

— Да, думаю. И не только думаю, но совершенно уверен в том, что Боб, Веста и кролики Геты и Лины — бессмертны. *Бессмертны и... бесполы.*

Карст грузно опустился на скамейку лодки, облокотился о борт и уронил голову на руки. Глухие рыдания потрясали всю его крепкую фигуру. Биррус отвернулся.

Послышался плеск весел, и в сумерках лунной ночи со стороны канала показалась вторая лодка.

— Курга-а-а-нов!.. Би-и-и-иррус!.. — разнесся по воде крик.

— Гоп! — отозвался Курганов.

Раздался смех и усиленное плескание весел. Через минуту можно было различить две белых женских фигуры, сидящих рядом в лодке и усиленно гребущих. Лодка поворачивала то в одну, то в другую сторону. Из-под весел летели брызги.

— Эх, вы, ученые женщины, — смеясь, сказал Курганов, когда вторая лодка подъехала ближе, — никуда вы в лодке не годитесь. Впрочем, вам не хватает немного.

— Чего же это?

— Ума.

Одна из женщин, маленькая брюнетка с наружностью, выдававшей еврейское происхождение, схватила весло, подняла его над водой, и, стараясь придать голосу угрожающий

щий тон, сказала:

— А ну, повторите-ка еще раз.

— Что же вы сделаете?

— Обрызгаю всего с ног до головы.

— Гм... Вы не хотите, значит, узнать, чего вам не хватает.

Я только хотел сказать, что...

Теплые соленые брызги полетели на него из-под весла, ударившего по воде. С комической поспешностью Курганов переполз по дну лодки и спрятался за Карстом, сидевшим все еще в прежней позе.

— Простите, больше не буду, — нараспев взмолился Курганов, — если не меня, то Карста пожалейте. Он совсем не виноват.

— Перестань, Гета, — обратилась к стоящей с занесенным веслом девушке ее спутница, — ты какая-то сумасшедшая.

Та бросила весло в лодку и, словно сердясь, села и отвернулась, подперев рукой щеку.

— Вот устойчивость, — тихо смеясь, сказал Биррус, — миллионы лет назад женщины были точно такими же, как сегодня вот эти две особы. Никакая ученость им нипочем. Они все-таки первым делом женщины.

— И хорошо, что это так, — отозвался Курганов, вытирая платком лицо. — В этом их главная ценность. А если...

— Слышите, что он говорит? — вскричал Биррус. — Он говорит, что главная ваша ценность — в вашей глупости.

— Я этого не говорю, я имею в виду...

— Полно, — перебил его опять Биррус, — это все равно. И Гета и Лина хорошо знают, что будь на их месте мужчина, даже мальчик, он сразу бы стал правильно грести, хотя бы сел в лодку первый раз в жизни.

— Ну, ладно, ладно, не спорим, — отозвалась Гета, снова показав лицо, — можете по праву наслаждаться своим мужским умственным превосходством, хотя... Биррус сам гребет немного лучше меня.

— Положим, — начал было тот, но Гета не слушала его. Она внимательно всмотрелась в неподвижно склоненного Карста и, подняв брови, быстро спросила:

— Что такое с Карстом?

— С Карстом? — серьезно переспросил Курганов. — Ничего особенного. Ему немного жалко кое с чем расставаться.

— С чем расставаться? В чем дело?

— Погодите, скоро узнаете. Карст, бери весло. Поедем, пожалуй. — Он потряс его за плечо. Тот медленно выпрямился, ни на кого не глядя, взял весло и стал прилаживать его к уключине.

Биррус сделал то же самое. Гета, не сводившая все время испуганного взора с Карста, всегда такого жизнерадостного и веселого, сразу как-то примолкла и перестала расспрашивать. Почувствовала, что произошло что-то очень значительное, и насторожилась, угадывая недоброе.

— Возьмем их на буксир, — сказал Курганов. — Лина, в вашей лодке есть цепь на носу?

— Нет, кажется. Впрочем, я сейчас посмотрю.

Балансируя в покачивавшейся лодке, Лина перешла на нос. Цепи не оказалось.

— Пусти, Лина, — сказала Гета, тоже пробираясь к носу, — я привяжу. — Она сняла с себя шелковый пояс-шнур, одним концом привязала его к кольцу, ввинченному в выступ матицы.

— Ну-ка, подгребитесь еще. Так.

Минуту спустя две лодки, — одна с гребцами, другая на буксире, — въезжали в канал. Здесь, среди деревьев, было почти темно. Курганов смотрел на белые, беспомощно и покорно склоненные фигуры девушек, и ему казалось, что он и его товарищи разбойники, что они похитили этих девушек и везут куда-то далеко, в свои мрачные пещеры.

«А они сидят, как... обреченные, — подумал он, и это слово заставило болезненно сжаться его сердце. — Да, действительно обреченные», — повторил он про себя.

Ему стало страшно, что он сам и эти четыре столь близких ему человека должны скоро перешагнуть черту чего-то неведомого. При мысли об этом он испытывал то же, что на краю пропасти: боишься и едва удерживаешься, чтобы не броситься вниз головой. Он хорошо понимал слезы Карста. Этот большой, нервный человек давно уже сам догадывал-

ся, к чему привели их опыты... Он самому себе боялся признаться в этом. Когда Курганов, покинув их, дал Карсту определенные задания, последний не знал, насколько близко уже решение задачи. Он работал сам, следил за работой Бирруса и всех остальных, и ему все время казалось, что они решают одну из кропотливых, но не столь значительных задач в ряде сложных работ, которые должны были привести к цели.

И вот теперь он почуял, что Курганов кое-что знает, но пока не считает нужным делиться этими знаниями. С подозрительностью человека, долгое время отмахивающегося от догадок, он внимательно и со страхом следил за работой и поведением Курганова. По всему было видно, что Курганов за это время в своей шарлоттенбургской лаборатории проделал все, что делали они здесь. В первый же день своего приезда Курганов потребовал в нижнюю камеру всех самок морских свинок, которым сделаны были прививки. Умертвив одну из них мортилом, он сразу принялся за исследование молочных желез. Карст знал, что будет дальше: Курганов вскрыл у свинки брюшную полость. Действительно, он ловко и быстро вытащил матку с обоими яйчниками и яйцеводами. Карст в это время находился в другом углу комнаты за работой у микротомы*. Он не спускал глаз с лица Курганова, видел, как у него при первом же взгляде на извлеченные органы слегка расширились глаза, и едва заметная усмешка прошла по губам.

Когда Курганов перенес на стеклянный столик простые кусочки окровавленного мяса и, стоя спиной к дверям, наклонился над ними, Карст тихонько вышел из лаборатории. Он поднялся наверх и, пройдя несколько бассейнов, сел на скамейку. Он чувствовал себя разбитым и усталым... Нервы были натянуты. Ему казалось, что он сходит с ума. Работа, преследующая цель столь головокружительную, что все они избегали даже говорить о ней вслух, пришла к концу. Они

* Инструмент для получения так называемых оптических разрезов, для изучения препаратов под микроскопом.

поймали жар-птицу, они первые из смертных. И что же? В какой страшный тупик привела их эта трудная дорога? Если истина такова, как он догадывается, то... Он не смел останавливать на этом своей мысли. Он знал, что сделает и второй шаг и третий, что должен и не имеет теперь даже права отказаться от розыгрыша той игры, в которой принимал такое большое участие. Правда, руководил всем Курганов. Но он редко появлялся у них. Обыкновенно, проверив работы, он не делал никаких обобщений и выводов. Он только указывал, что надо делать, выяснял, чем надо ограничиться. Все знали цель его работы. Каждый по-своему оценивал достигнутые результаты. Сейчас один только Карст догадывался об истине и не смел признаваться самому себе. Он, как и остальные, всеми силами стремился к достижению цели. Он чувствовал, что она близка. Ему казалось, что несбыточная человеческая мечта вот-вот воплотится в формулу. Чудесной сказкой станет на других основаниях построенная жизнь.

«Что ж, — думал он, — если это уже конец работы, то Курганов больше молчать не станет. Но как, как скажет он это? Кто же решится?.. А Гета?»

При мысли о Гете Карста как будто что-то дернуло изнутри. Он сразу сел на скамейку, выпрямившись.

Гета — маленькая, черная еврейка с шапкой спутанных, точно сажей присыпанных волос — заняла в его жизни большое место. Ему казалось: вот настанет, наконец, счастливый день, когда цель их работы будет достигнута, когда они смело и счастливо скажут на весь мир вслух то слово, которое не дерзает произнести язык, и все это будет служить фоном и рамкой к главному, к самому главному и значительному в его жизни: любви его к ней.

«Бессмертие, — бывало, думал он, глядя на ее склоненную над работой головку, — мое бессмертие в ней. Она — тот сосуд, в котором мое “я” может жить. Ах, как давно и как просто решен этот вопрос!»

Карст был слишком умен, чтобы не понимать, что Гета тоже любит его. Он сам не знал, чего боялся, но никогда с ней об этом не говорил. Он ценил и не хотел лишиться того

удивительного состояния, когда оба знают свой секрет, оба молчат, главное и значительное все откладывают... а теперь... Как много он научился понимать в ее взгляде! Каждое ее движение, легкое дрожание рук, помогающих ему в сложной и серьезной работе, — насколько яснее все это говорило ему, чем самые значительные слова!

Всего неделю назад с ним произошел удивительный случай. При воспоминании о нем ему казалось, что солнце стало светить вдвое ярче — и силу, ух, какую бодрую силу он в себе почуял! Карст, великан Карст, так привыкший сдерживать себя, при воспоминании об этом ложился, если его никто не видел, на пол, кувыркался через голову, крепко ударял себя кулаками в выпуклую сильную грудь, с удовольствием прислушиваясь к гулкому звуку ударов. И потом сам с собой тихо смеялся своему настоящему и грядущему счастью.

Это было всего неделю назад. Он в одном углу мастерской был занят окрашиванием и высушиванием препаратов. Гета у большого стола, вот уже более часу не вставая с места, сидела за микроскопом. Работа приближалась к концу. Карст, положив на решетку последнее стеклышко, встал и приготовился убирать инструменты, когда Гета, не отрывая глаза от окуляра, тихо позвала его:

— Карст, идите сюда!

Он подошел. Гета откинулась, посмотрела на него, сощурилась, и уступила место у стола.

— Посмотрите, какое перерождение. Эти клетки совсем имеют вид соединительнотканых.

Карст сел и, наклонившись над микроскопом, стал наблюдать. Гета стояла рядом. Он смотрел на белый, яркий круг с бледно окрашенными причудливыми узорами тонкого среза ткани, но мало понимал из того, что видел. Он чувствовал только, что рядом с ним Гета. Он ощущал ее дыхание на своей шее.

— Вот так еще лучше видно, — сказала она, обнося кругом него руку и подводя рычажок диафрагмы.

— Хорошо теперь? — спросила она каким-то странным голосом, почти шепотом. Карст почувствовал, как ее маленькая ручка мягко легла ему на голову. Он, не шевелясь, про-

должал сидеть в прежней позе, но крепко закрыл глаза. Рука его, лежащая на столе, сильно впилась и сжала его край.

— Очень... хорошо, — прошептал он едва слышно.

Нежно-нежно, как мать, ласкающая больного ребенка, она несколько раз провела рукой по его волосам. И этот сильный, большой человек чувствовал, что такого счастья ему больше не пережить!

Послышались шаги на лестнице. В соседнюю комнату, тихонько насвистывая, вошел Биррус. Хотя стоило Гете только убрать с головы Карста свою руку, чтобы Биррус не обратил на них никакого внимания, они оба почему-то испугались, как школьники. Карст вскочил и бесцельно стал передвигать на столе инструменты. Гета растерялась, наклонилась к полу, делая вид, что ищет что-то. Биррусу сразу бросилась в глаза напряженность поз. Продолжая насвистывать, он слегка поднял брови, чуть усмехнулся и, круто повернувшись на каблуках, быстро вышел. Послышались его удаляющиеся шаги на лестнице, стук дверей, и все стихло.

Карст, как мальчик, стоял все так же у стола, не смея обернуться, и чувствовал только глухие удары сердца. Он хорошо понимал, что сейчас не только имеет возможность и право предпринять что-то важное, но даже обязан сделать решительный шаг, иначе Гета может составить совсем ложное мнение об его отношении. А ему этого совсем не хотелось.

«Чего же еще ждать? — думал он. — Разве может представиться более удобный случай? И что подумает она, если... если я так и останусь стоять?»

Но, думая именно так, он оставался стоять и все так же бессмысленно передвигал по столу разные предметы. Он попросту боялся. Несмотря на свои тридцать два года, он был нетронутым девственником. Проводя жизнь между наукой и спортом, он до сих пор как-то не имел случая сблизиться с женщиной. Он берег себя для лучшей и единственной, которую, был уверен, рано или поздно должен был встретить. И встретил, наконец, здесь, на Кургановской опытной станции.

«Беречь себя?» — Да, он действительно имел право так

думать. Высокий блондин, атлетического телосложения, он был, в самом деле, красив. Особенно красив был его высокий умный лоб с белым рубцом, следом ожога кислотой, полученным при небольшом взрыве в лаборатории. Как все мужчины, не знавшие близости женщин, он смотрел на них особенными глазами.

И вот теперь он чувствовал, что надо, обязательно надо что-то сделать, что-то сказать, но не находил в себе сил. Геты он не видел. Она стояла сзади, наверно, тоже не шевелилась, так как он не слышал даже ее дыхания.

Он чувствовал ее взгляд на своей спине. Странная неловкость спутывает все тело, ни минуты нельзя больше... Эх, как глупо, как глупо! И для самого себя неожиданно, словно его толкнула посторонняя сила, он быстро обернулся и стал к Гете лицом. Та стояла, прислонившись к столу, беспомощно, по-детски, опустив руки и голову. Глаза ее были закрыты.

— Гета! — крикнул он и сам не узнал своего голоса.

Мягкая, горячая волна прокатилась по всему телу. Мощный инстинкт завладел его волей. Надо только отдаться этой силе, и все выйдет хорошо. Он быстро и решительно пошел кругом стола туда, где, словно обиженная и одинокая, стояла маленькая женская фигурка.

На лестнице опять послышались шаги, смех, и в комнату быстро вошли, говоря и перебивая один другого, Биррус, вторая ассистентка Лина и вечно веселый и улыбающийся толстяк Уокер. Не замедляя шагов, Карст прошел мимо Геты навстречу вошедшим и, не останавливаясь, дальше на лестницу и вверх. Он шел, так странно глядя и так решительно, что все примолкли и невольно уступили ему дорогу. Кажалось, он ничего не видит.

— Чего это он? — спросил Уокер.

— Не знаю, — ответила Гета, наклоняясь над столом и, чтобы скрыть дрожание рук, принялась за уборку инструментов.

После этого им ни разу не удалось остаться наедине. Гета и Лина, почти не выходя, работали в верхних отделениях. Потом приехал Курганов...

Карст перебирал в памяти малейшие подробности этого случая, сидя на скамейке и не шевелясь. Так бы просидел он, наверное, до вечера, если бы его не позвали. Потом они несколько дней работали с Кургановым. Работа эта требовала такой точности и внимания, что некогда было ни о чем другом подумать. Только сегодня, когда явилась возможность передохнуть и Курганов предложил проехаться в лодке, Карст решил завести разговор о том, что мучило его последнее время. Из первых же слов Карста, сказанных в заливе, Курганов понял, что тот уже знает все.

Да, Карст, — и не один он, а, вероятно, и Уокер и Биррус — начинали понимать, что случайное, побочное явление, которое, казалось, легко устранить, является неизбежным, обязательным спутником их трудов. И они сами испугались того, что нашли.

Он еще как-то оставался наружно спокоен, пока никто вслух не произнес, не назвал вещей своими именами. Но теперь, в лодке, услышав от Курганова подтверждение своих догадок, он чутьем угадал, что иначе не может быть. Нервы его не выдержали.

«Бессмертны и... бесполы», — стояли в его ушах слова Курганова и камнем давили мозг. Если бы он раньше мог представить себе, к чему приведет их работа, то вряд ли нашел бы силы и решимость принять в ней участие.

«Мало того, — думал он, — что бессмертие одного покупается ценой жизни другого. К этому присоединяется еще мертвое и пугающее, что так смело и спокойно Курганов называл своим именем».

Пока ехали каналом, Карст усиленно налегал на весло и старался занять свое внимание чем-нибудь посторонним. Не глядя на лодку, где сидели Гета и Лина, он внимательно следил за лентой близкого берега. Было почти совсем темно под сводом переплетшихся над узким каналом ветвей больших дубов. Лодка быстро скользила по неподвижной воде. Поднятые ею волны с шумом набегали на песчаные берега.

Все молчали. Курганов смотрел на неясные фигуры своих спутников, обдумывая свое и их прошлое, неведомое и вместе с тем властно влекущее к себе будущее. Ему казалось, что

он видит сон, странный сон, который, проснувшись, постарается поскорее забыть.

Но это не был сон.

Вскоре въехали они в освещенные воды маленькой пристани, где в небольшой выемке оставались лодки. Оттуда широкая лестница, обсаженная высокими кедрами, вела к террасе. Со стороны канала все это казалось входом во дворец. Глаз искал на ступенях воздушную восточную фигуру из сказок Шехерезады, танцующую в лунных лучах танец семи покрывал. И действительно, какая-то белая фигура виднелась на темном фоне дерев; на нижних ступенях стоял в халате с засученными рукавами и с сигарой в зубах толстяк Уокер. Он вышел полюбоваться ночью и подышать свежим воздухом.

— А я собирался ехать встречать вас, — сказал он, — жалко, что вы вернулись. Теперь один, конечно, не поеду. А ночь, ночь-то какова!

— Да, ночь хороша! — как-то серьезно ответил Курганов, подтаскивая лодки в выемку пристани. — Такая ночь, такая ночь, что кто молод и кто имеет возможность, должен... должен не спать, — неожиданно закончил он, — а мы, старики, можем уйти куда-нибудь в укромное место, сесть на камушек и поплакать.

Все тихо пошли наверх. По дороге Уокер с хохотом рассказывал, как сегодня человек, поставлявший им животных, обиделся, когда ему показали Ксеркса и сказали, что это та самая собака, которую он доставил месяц тому назад.

— «Помилуйте, — говорит, — вы смеетесь, что ли, надо мной? Правда, похожа, но той было почти двадцать лет. Она от старости не могла стоять на ногах, слепая почти и глухая. А эта, — говорит, — ей еще и двух лет нет. Что вы меня, за маленького считаете?» Ха-ха-ха! Конечно, я сказал ему, что пошутил.

Завязался разговор. Геты не было. Она задержалась у лодок, отвязывая свой пояс, служивший буксиром. Узлы сильно затянулись. Она никак не могла их развязать. Карст, заметив ее отсутствие, тихонько отделился от компании и вернулся к лодкам.

— Что вы там делаете?— спросил он.

— Да вот, развязываю, — отвечала Гета, не поворачивая головы, — и ничего не могу поделать. Не так надо было завязать. Теперь вот затянулось все. — И она снова принялась теревить твердый узел.

— Пустите, я сделаю.

Гета вышла из лодки. Карст, став на ее место, занялся узлами.

— Ну и напутано же! Лучше разрезать, — с усилием улыбаясь, говорил он, — придется, кажется, разрезать в трех местах. Да-а.

— Не смейте резать. Ведь мне нужен пояс, а вовсе не лодку отвязывать. Оставьте лучше так пока. Зачем мне ваши куски?

В ее голосе послышались капризные нотки, но Карст уже отвязал и с поясом в руке повернулся к ней. При свете луны Гета увидела его бледное лицо. Ее поразило какое-то новое, скорбное выражение его красивых глаз. Молча взяв пояс, она смотрела его в клубок, повернулась и тихо пошла к террасе. Карст шел сзади. Легкое белое платье Геты, не стянутое поясом, просвечивая на фоне огней террасы, позволяло видеть ее маленькую, точеную фигурку.

«Вот она идет и не знает, что я ее всю вижу», — подумал Карст. И вдруг опять знакомое чувство горячей волны обдало его. Тело сделалось странно легким: опять он почувствовал, что надо только отдаться этой неудержимой силе.

«Совсем как тогда», — успел только подумать он, в несколько прыжков догоняя Гету.

Услыхав его быстрые шаги, Гета остановилась и закрыла лицо руками. Карст совсем не знал, что будет делать. Уголком мозга он чуял, что сделает как раз то, что нужно, и отчасти с любопытством этого ожидал.

Гета не издала ни звука, когда сильные руки быстро подняли ее на воздух. Она крепко схватила Карста за шею и спрятала лицо в складках широкого чесучового пиджака. У Карста свалилась с головы шляпа. Он этого не заметил. Он свободно и уверенно пошел со своей ношей. И опять тем же уголком мозга удивился тому, что идет прямо в самую тем-

ную чашу парка, хотя не предполагал, что сделает так.

«Вероятно, и дальше так будет, — мелькнула мысль, — вот сейчас, так же... Само собой...»

Он почувствовал слабость в животе и ногах.

Парк был стар и запущен. Развесистые деревья сливались наверху в шатер. Здесь был почти полный мрак. Только местами, пробиваясь сквозь черные стволы дубов, лунный свет фантастическими бликами заливал небольшие поляны.

Карст, не останавливаясь, шел в глубь парка и крепче прижимал к себе, казалось, спавшую белую фигурку.

Все инстинкты, старые как мир, рожденные еще тогда, когда в лесу, похожем на этот парк, вокруг огней собирались какие-то люди с каменными топорами у пояса, все ощущения, давно похороненные в недрах сознания, теперь властно вышли из тьмы и нераздельно завладели его волей.

Он углублялся в темную чашу со своей ношей. Ему казалось, что он помнит, как миллионы раз когда-то и где-то он делал то же самое, но никак не мог вспомнить, когда это было. Это было неясное, но давно знакомое чувство.

«Вот это и есть, вероятно, инстинкт», — пронеслось у него в голове. И сразу ему представились те бесчисленные поколения живых существ, которые предшествовали ему. Как морской песок, производила их земля. Они рождались и гибли. Они цеплялись за жизнь. Все эти миллионы лет несчастные смертные существа разного пола рвались друг к другу и в объятиях своих искали давно утраченную идею бессмертия.

Каким-то, в самых тайниках сознания заложенным чутьем он понял всю истину и правильность работы Курганова. Он хочет создать бессмертное существо, сливая два пола в один. Но это ужасное оплодотворение требует смерти, личной, обязательной смерти одного из супругов, вступающих в этот страшный брак.

«Бессмертны и бесполы», — опять припомнились ему слова Курганова. Он с новой силой почувствовал всю очевидную неизбежность этого, и ему стало холодно.

«Как странно, — мелькнула мысль, — то, для чего не хватало у меня силы мозга, чему не помогли все мои знания,

сейчас, в короткий момент, я осознал и понял одним толчком обостренной интуиции... А ведь Курганов знал...»

Все эти мысли одновременно пронесли в его голове, пока он переходил одну из залитых лунным светом прогалин. Дальше была такая черная тень под сводами далеко раскинувшихся вширь столетних дубов, что почти ничего не было видно.

Зачарованный и ведомый посторонней силой, он направился прямо туда.

Под одним из старых деревьев, между гигантским спрутом раскинувшихся корней, где толстым слоем лежали сухие прошлогодние листья, он вдруг остановился, как будто искал именно это место. Он стал на одно колено, наклонился, чтобы положить Гету на это мягкое ложе, но руки, теплые, тонкие руки, охватившие его шею, не разжались, а только сжимали все сильнее и крепче.

И, наклоняясь ниже, вместе с пряным запахом земли и переглевших листьев, он успел уловить последнюю, молнией блеснувшую мысль:

«Как это просто и... красиво!»

Час спустя, у морского берега, где темной стеной кончались густые заросли парка и беспорядочные валы дюн казались при свете луны застывшими в могучем размахе волнами, под одним из крайних деревьев, прислонившись спиной к стволу, сидела Гета. Карст лежал на земле, положив голову ей на колени. Оба молчали. Гета тихонько гладила его по голове и делала это так мягко и осторожно, как будто боялась причинить ему боль.

Мягко и радостно светилось ее лицо. Тихий покой выражала вся ее склоненная фигура. В ней трудно было узнать кипучую девочку Гету, которая еще сегодня вечером устроила водяное сражение с Кургановым.

Они поменялись ролями. Всего час назад Карст, могучий и сильный, как дикий зверь, схватил беспомощную, закрывшую руками лицо, слабую девочку и унес в темную чащу леса. Тогда она с радостной покорностью подчинилась его

силе. А теперь он казался себе маленьким и слабым. Ему хотелось сжаться в комок и спрятаться у нее на груди, подчиниться исходящей от нее благодатной силе материнства.

Она сама ощущала в себе эту силу. Глядя по голове этого большого, крепкого человека, она время от времени ласково повторяла:

— Мальчик мой!

В ее устах эти слова казались не странными, а понятными и хорошими.

Было тихо. Со стороны дома слабо доносились звуки рояля. Это играл Биррус. За большим расстоянием нельзя было уловить мелодии. Звуки то усиливались, то почти вовсе умолкали. Казалось, что где-то далеко играет целый оркестр.

— Мальчик мой, что с тобой было сегодня в лодке? У тебя было такое нехорошее лицо, — тихо спросила Гета, продолжая гладить голову Карста, спрятавшего лицо в складках ее платья.

Он взял ее маленькую руку и прижал к своим закрытым глазам.

— Не спрашивай об этом. Не надо. Когда-нибудь, завтра. Все равно от этого никуда не уйти.

Столько тоски, безнадежной и покорной, было в его голосе! Гета сразу поняла: случилось значительное и неотвратимое, что касается сейчас и ее не меньше, чем Карста. Ей стало страшно. Охватив руками его голову, она подняла ее, заглянула с тревогой в глаза, спросила настойчиво и умоляюще:

— Милый, скажи сейчас, а то я буду все время беспокоиться. Скажи, что случилось. Как только я увидела тебя там в лодке, так сразу почувствовала, что у тебя какое-то несчастье. Ну, скажи же! Тебе самому будет легче, когда поделишься. Ведь ты любишь меня? Ведь скажешь? Да?

С камнем на сердце слушал Карст эти робкие просьбы. Что же он мог сделать? Сказать, что, может быть, даже завтра уже им обоим придется или умереть, или страшной ценой купить бессмертие? Он чувствовал, что Курганов недавно появился здесь. Сказать ей сейчас все, потом бежать вместе, бросить Курганова и отказаться от всего?

Бросить Курганова? Нет, он хорошо понимал, что не сделает этого.

«Как я сейчас скажу ей об этом? — думал он в ужасе. — Сегодняшний день — столь великий для нас обоих, — неужели я испорчу ей ее маленькое счастье? Пока она ничего еще, по-видимому, не знает, а Курганов не любит говорить раньше времени. Завтра, через неделю, месяц — в конце концов, узнает и она, но сегодня...»

Он сделал страшное усилие и заставил себя весело смеяться.

— Полно, ничего особенного, — сказал он, садясь и привлекая ее к себе, — я пошутил, хотел посмотреть, как ты отнесешься. Дело гораздо проще. Курганов сказал мне, что скоро едет сам и возьмет меня с собой...

— А тебе не хотелось ехать? — живо спросила Гета. Она сразу поверила ему, потому что очень хотела этому верить.

— Да, ужасно не хотелось. А теперь еще больше хочется.

— Почему же это? — в ее голосе появились шаловливые нотки.

Он крепче прижал ее к себе и стал тихонько на ухо говорить то, что всегда говорят люди в такие моменты, чего сами не могут потом повторить и что очень трудно, если вообще возможно, передать на бумаге.

— Слушай, — вдруг сказала Гета, — Курганов тогда сказал, что тебе трудно с чем-то расставаться... Значит, он догадывался, что ты... — она мило смутилась и едва слышно кончила, — любишь меня?

— Да, наверно, догадался.

— А разве нельзя никак тебе остаться?

— Не знаю, но надеюсь, что если попрошу, то он не будет настаивать. Зачем я ему там?

— Милый, не уезжай, мне теперь без тебя дня не прожить. Никакая работа на ум не пойдет. Все это время, с тех пор, как, помнишь, у микроскопа, ты ушел, а я потом работала наверху с Линой, мне казалось, что я с ума сойду. Все из рук валится. Кролики эти надоели страшно. Завтра Курганов велел приготовить препараты селезенки. А Лина все возится с яйцеводами. Вчера вскрывали двух самок. У всех

что-то странное. Матки сморщены. Яичники и яйцеводы потеряли свою форму. А у самца яички вовсе атрофировались. Курганов взял препараты и унес с собой мозги всех троих.

Она помолчала и потом прибавила:

— Все одно и то же. Зря только уродуем животных. Правда, они «молодеют», как говорят Биррус, но зато тяжело на них смотреть: какие-то они все одинаковые...

Карст с улыбкой думал о том, как странно в этом одном маленьком существе соединяется практикант-биолог с прелестной женщиной.

«Конечно, ученой назвать ее нельзя, и вообще женщина вряд ли может быть ученой. Из всех нас один только Курганов может так называться. Она — дельный, аккуратный работник. Курганов не взял бы ее к себе, если бы она ничего не стоила. Гета — милая, умная, интересная женщина. Но если бы я встретился с мальчиком, обладающим ее психикой, ее характером, ее знаниями... Разве бы я провел с ним пять минут без скуки? Если бы сегодня в лодке этот мальчик стал брызгать водой, как это сделала Гета, разве всем нам показалось бы это естественным и милым? Гм... значит, мы все время считаемся с ее полом. Но с полом заставляет считаться наш собственный пол. Наша мужская психика также находится в самоподчинении... Гормоны... Но это же пустой звук. И все остальное в нашей психике подчинено каким-либо гормонам... Кажется, не совсем так. Женщина, лишенная пола, лишится и своих психических особенностей. Бесполоая Гета — мой воображаемый мальчик — не стала бы в лодке брызгать водой, потому что это было именно женское кокетство. Но что же бы тогда осталось? Ведь если предположить, что...»

— Карст!

Он вздрогнул и, словно очнувшись, растерянно взглянул на Гету.

— Я говорю, а ты вовсе не слушаешь, я тебе интересное рассказываю, а тебе и дела нет. Может быть, ты спать хочешь?

— Нет же, я слушаю, внимательно слушаю.

— Повтори, что я сказала.

— Ты говорила... говорила... — Карст с комической серьезностью упер палец в лоб, — погоди, сейчас...

Гета звонко рассмеялась.

— Не можешь припомнить? Как же говоришь, что слушал?

— Ну да, помню, ты говорила о кроликах.

— Ха-ха-ха! Да это давно было. После того я рассказывала совсем о другом.

— О чем же?

— Не слушал, так вот теперь не скажу.

Карст, кряхтя, стал на колени.

— Прости меня, окаянного, повтори снова, я, конечно, очень виноват, но заслуживаю снисхождения и даже одобрения.

— Как это? Почему?

— Да потому, что я думал все время только о тебе.

— Правда?

— Правда.

— Ну ладно, я снова расскажу, только ты скажи, когда забудешь о том, что я рассказываю.

Он засмеялся.

— Как же я могу сказать, что забыл? Это все равно, что сказать: «я сплю».

— Ну, слушай. Я рассказывала о том, как третьего дня поссорилась из-за тебя с Линой...

— Из-за меня?

— Ну да, из-за тебя. Она говорит, что люди большого роста всегда и во многом умственно отсталы. То есть не то, что умственно, а она иначе выразилась: нравственно-этически, кажется. Речь шла, конечно, сначала не о тебе. Она по какому-то другому случаю об этом заговорила. Да это и не ее собственное мнение. Просто где-то вычитала. Но дело не в этом. Я, конечно, стала с ней спорить. Напомнила ей о великих и в то же время больших людях. Но она не хочет слушать: «Это, — говорит, — только военный гений. Ни один ученый или художник не был очень большого роста».

Карст со смущением взглянул на свое огромное тело. Она заметила его взгляд, улыбнулась и продолжала:

— Я ей и говорю, что, может быть, не бывает каких-ни-

будь особенно выдающихся людей, но это не значит, что высокий рост служит признаком какой-то отсталости. А она говорит мне: «Ты ничего не понимаешь». Стала доказывать, что рост тела выше нормального не может не отзываться на росте и развитии мозга, подавляет его, вызывает разные корреляции* и все такое... Я, конечно, возражала! А она, — представь себе, что она мне сказала!

— Ну, что?

— «Это, — говорит, — ты потому только споришь, что за своего Карста заступаешься». Как тебе это нравится? Ей какое дело?..

— Откуда же она знает? Разве ты ей говорила?

— Ничего не говорила. Но, верно, знает. И кроме того...

— Ну, а ты что на это?

— Я... — Гета торжествующе на него посмотрела, — я ей говорю: «Если так, то я тоже знаю, почему ты споришь. Потому что тебе нравятся маленькие». — «Кто же это?» — спрашивает. Ха-ха-ха! А сама даже позеленела. «Ну, конечно, — говорю, — Гаро». Она со злости даже языка лишилась. Стоит и смотрит на меня. Глаза выпучила. Как будто я бог знает что сказала. Ведь все знают, а она какую-то тайну устроивает.

— Разве все? А я вот, например, как раз и не знал.

— Неужели? У них давно роман. Я часто вижу, как вечером, когда мы с ней уходим к себе, он выходит и все прогуливается под окнами. А Лина увидит сразу и берется за голову: болит голова, надо пойти освежиться. Ну, и уходит. Разве трудно понять? Она и притворяться-то по-настоящему не умеет. Зато я вчера, как только увидела, что Гаро пошел в парк, ей и говорю: «А что, — говорю, — Лина, у тебя голова не болит?» — «Нет, — говорит, — а в чем дело?» Я ее подвела к окну и показываю — тот в это время как раз в окно посмотрел. Меня ему не видно, он рукой и махнул — Гета показала, как Гаро махнул рукой. — Совсем у меня Лина смутилась, чуть не заплакала. А все-таки пошла. Все-таки пошла! — И Гета звонко рассмеялась.

* Взаимные отношения.

Карст взглядом биолога присматривался внимательнее к Гете, как будто в первый раз в жизни увидел ее. Его поразило, насколько законченно художественной была каждая черта ее лица. Несмотря на это, оно было несколько ассиметрично и прямо или сбоку имело различные выражения. Карст вглядывался в ее улыбающиеся темные глаза, разрезом похожие на египетские.

«Поздно ты родилась, — думал он, — жить бы тебе тысячи три лет назад где-нибудь в Ханаане...» — и он вообразил себе Гету в древней обстановке и в восточных костюмах.

Вот она идет по большим каменным плитам от колодца с глиняным кувшином на плече, упершись одной рукой в бок и опустив темные, длинные ресницы, от которых, кажется, на все лицо падает тень. Проезжий купец, остановившийся у колодца, поит своих верблюдов. Он выронил из рук сосуд с вином, заслонил глаза ладонью от солнца и посмотрел ей вслед с удивлением... Как Елеазар, он спрашивает у черной и сморщенной, как сушеная фи́га, старухи: «Кто эта девушка?» Вот она лунной ночью, такой же светлой, как эта, лежит на плоской кровле, подложив красный коврик. Она подперла щеки руками и о чем-то задумалась. Все спит, и лишь изредка тишину нарушает сопение верблюдов, лежащих внизу в небольшом дворике. О чем думает она?

— О чем думаешь ты? — спросил Карст, заглядывая в ее глубокие глаза.

Гета усмехнулась.

— Как это странно, вчера еще мы были как будто чужие друг другу, а сегодня...

— Ну, ну, что сегодня?

Вместо ответа Гета стремительно бросилась к нему.

— Ведь ты же любишь меня? Я ни одного дня не проживу, если с тобой что-либо случится.

И она, как незадолго перед тем Карст, прижалась к нему, как к надежной защите от чего-то страшного, что может нарушить едва родившееся счастье.

Карст встал и поставил на ноги Гету.

— Пойдем. Поздно слишком. Или, вернее, рано.

Он чувствовал, что не выдержит долго своей роли. У него

слова не шли при виде ее радости и неведения. Им овладела страшная усталость.

Взявшись за руки, как дети, они тихо пошли к дому берегом канала. Луна бледнела. Наставал предрассветный час, когда воздух странно непрозрачен, предметы плоски, мертвы и кажутся плохо нарисованными.

Гета шла, помахивая сорванным прутиком. Всю дорогу тихо и спокойно говорила она об «их» будущем. Карст, сжав зубы, молчал и смотрел себе под ноги. С лицом, светящимся тихой радостью, Гета говорила о том, как они устроят свое гнездо где-нибудь поблизости лаборатории, как будут вместе работать, как она будет дожидаться его поздно вечером...

Вдруг она остановилась. Схватив Карста за руку, посмотрела радостно расширенными глазами:

— Ведь кончим же мы когда-нибудь работу! Карст, что будет, когда Курганов добьется своего? Ведь мы будем вечно молоды! Вот как сейчас! И мы без конца будем... Даже если хоть через тридцать лет мы добьемся, то это ничего не значит. Мы вернем себе молодость и счастье. Ха-ха-ха! — вдруг рассмеялась она, — представь себе: мы уже старички, сморщенные, горбатые, зубов нет, шам-шам-шам, и вдруг... вдруг опять мы оба... Или потом, например, когда-нибудь, через много, много лет тебя спросят: «Сколько лет вашей жене?» — «Сто сорок три года». Ха-ха-ха! Карст, да что же ты как будто недоволен чем-то! Чего ты молчишь? — она притворилась обиженной. — Я понимаю, ты думаешь о том, как я тебе надоем за такой долгий срок. Конечно!

— Да, но подумала ли ты, сколько же у нас будет...

Гета сильно покраснела, но справилась с собой, рассмеялась, как колокольчик. Ударив Карста прутиком по руке, бросилась бежать по прямой аллее к террасе.

— Кто раньше?

Карст тоже помчался, но нарочно не торопился, чтобы дать ей прибежать первой. У самой террасы он ее догнал и схватил за руки.

— Ну, а теперь таким же ходом спать, Лина уже давно спит, — сказала Гета, взглянув на темные окна верхней комнаты.

Кошачьим движением она подскочила и поцеловала Карста, как будто укусила, потом крепко, по-мужски, пожала руку.

— У тебя измученный вид. Иди спать. Завтра увидимся в шестом отделении. Скучная у меня работа, — она поморщилась, — препараты, препараты, конца этому не будет... Ну, я пошла.

И, кивнув ему еще раз, она быстро направилась к дому.

Карст жил в небольшой пристройке. Он уже было двинулся туда, но вспомнил, что на пристани, под террасой, у него осталась шляпа, и вернулся обратно.

«Вот здесь я ее уронил», — думал он, направляясь к тому месту, где схватил Гету. Шляпы там не было. Он оглянулся кругом и заметил, что она лежит на одной из скамеек около пристани.

«Кто же ее туда положил? Странно». — Он надел шляпу и побрел к себе.

Никаких мыслей в голове не было. Он шел, как автомат. Целая неделя нервного напряжения, закончившаяся такими потрясениями, выбила его из колеи. Он испытывал состояние тяжелой реакции. Ему самому казалось странным его состояние. Неодолимая усталость и апатия ко всему завладела им совершенно.

Придя в свою комнату, он едва заставил себя раздеться, бросился в постель, не притронувшись к оставленному на столе ужину. В тумане пронеслись перед его глазами все события сегодняшнего дня. Потом словно черный колокол накрыл его сознание. И все исчезло.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Готово?

— Да, сейчас.

Уокер быстро добривал голову второго кролика. Первый, с голым теменем, похожий на католического епископа, лежал на толстом стеклянном столе возле Курганова. В другом конце Биррус и Гаро возились у автоклава*. В воздухе пахло эфиром.

Гаро, — маленький, черный, как жук, — суетливо бегал от одного шкапа к другому, потом к автоклаву. Полы его белого халата метались по воздуху, будто догоняли его. Инструменты были почти готовы.

Курганов взял обоих кроликов и каждого крепко сжал зажимами небольших станков. Зверьки лежали на животах. Головы их были опущены через край подставки; в таком положении теменные части их были наиболее доступны оператору. Головы обоих кроликов почти касались одна другой, носом к носу. Яркий свет ртутных ламп падал сверху, проходя сквозь бледно-синие абажуры. Операции и пересадки, которые производились на продолговатом мозгу, требовали почти полного отсутствия красных и обилия ультрафиолетовых лучей. Только после длинного ряда неудач и многолетних опытов удалось Курганову выяснить эту необходимость. С тех пор работа пошла более успешно.

Кролики были усыплены ликкилом. Курганов вообще не допускал работы над животными, кураризованными и без наркоза. Он старался по мере возможности облегчить их страдания.

Гаро и Уокер подошли к столу с готовыми инструментами и, придвинув несколько меньших столиков, поставили на них принесенные тазики. Операцию производил сам Курганов. Биррус помогал. Остальные подавали инструменты.

* Плотно закрывающийся котел для кипячения при высокой температуре.

— Сегодня мы прибегнем к доказательству от противного, — говорил Курганов, натягивая резиновые перчатки, — и этот опыт многое выяснит. Оба кролика — самцы. Сразу после этих возьмем двух самок. Сегодня же вечером сделаем у двух пар перекрестную пересадку. Сколько осталось старых кроликов?

— Всего три. Очень трудно доставать старых животных. Собак и кошек легче. Кроликов никто не держит до старости.

— Тогда перекрестную сделаем на собаках. В этом случае, при пересадке между животными одного пола должен получиться обратный результат. Это не нейтрализация мужского начала женским, а только усиление уже существующего взаимоотношения между организмом и его полом. У нас получится самец в квадрате, и из второй пары такая же самка. Это, вероятно, вызовет и разрушение весьма ускоренное.

— Старость, — тихо заметил Уокер.

— Да, старость, — просто ответил Курганов, поворачиваясь к столу.

Разговор прекратился. Быстро, привычными движениями Курганов делал большую трепанацию*.

Скоро вся задняя часть черепа была отвернута, как крышка консервной коробки, и держалась только на кожном лоскуте. Обнажился мозг. Настал самый трудный момент операции. Надо было, не повредив полушарий большого мозга, добраться до продолговатого. Наконец, показался, как называл его Курганов, «сам хозяин». Курганов быстро перенес руки на второго кролика. Прямо большим скальпелем без стеснения вскрыл ему череп. Отделив всю его заднюю часть, взял за уши и бросил в ведро. Этот кролик должен был все равно сейчас умереть. Кроме того, дорога была каждая секунда. Разрезав, не вынимая, большой мозг, он едва уловимым движением отделил кусочек продолговатого мозга из области, которую они между собой обозначили через β . На платиновой петле перенес кусочек на продолговатый мозг первого кролика. Потом, быстро поставив на место основа-

* Вскрытие черепа.

ние мозга, завернул костный сегмент и стал накладывать металлический шов.

— Чистая работа, — заметил Уокер, посмотрев на часы, — шесть минут. Карст на собаке делал в десять. Но там легче. Операционное поле больше и притом у кроликов уши мешают.

Гаро унес оперированного кролика, а другого бросил в ведро, — он уже был мертв. Вскоре вторая пара кроликов, теперь самок, появилась на том же столе. С такой же аккуратностью и быстротой им была сделана пересадка бэтной доли продолговатого мозга.

— Вероятно, достаточно одной клетки, — говорил Курганов, снимая халат, — но приходится пересаживать порядочный кусок. Впрочем, это не вредит. Действительно, по способу Карста можно очень легко и точно найти бэтную долю. Судя по животным, она и у человека находится там же.

Уокер, покачиваясь, курил папиросу и, против обыкновения, был серьезен.

— Конечно, — сказал он, — и в этом случае приходится рассматривать продолговатый мозг как железу, а получаемый результат — как действие ее секрета. Но я все думаю, нельзя ли получить этот секрет в чистом виде, не производя пересадки. Может быть, вполне возможно приготовление препарата бэтной доли. В таком случае, от одного животного можно сделать пересадку сразу многим, а не одному только.

Курганов с любопытством на него взглянул.

— Нет, — сказал он, — я у себя работал над этим и тоже сначала так думал. Мне удалось выяснить, конечно, приблизительно, механизм этого процесса. Продолговатый мозг не есть железа и секретов не выделяет. Действие его на весь организм в этом отношении можно до некоторой степени уподобить каталитическому. Непосредственно он влияет на большой мозг. Тот уже совершает все остальное. Здесь имеет место не выделение, а излучение. Это, очевидно, обуславливает и необходимость отсутствия красных лучей.

— Да, но это еще не вполне доказывает, что нет жидких выделений хотя бы в не поддающихся наблюдению количествах. И жидкости химически неустойчивые могут реакти-

ровать на фотохимическое раздражение. Картина может получиться точно такая...

Курганов засмеялся.

— Конечно, — сказал он, — это первое и самое естественное предположение, но есть некоторые обстоятельства, именно указывающие на излучение.

— Например?

— Ну, вот мне, например, удалось установить, что на расстоянии, не превышающем трех сантиметров от живого продолговатого мозга, экран, покрытый бромистым мегураном, сильно флуоресцирует. Интенсивность этого явления все время изменяется. Мне не пришлось долго заниматься этим вопросом. Все же я установил, что это излучение не подвержено законам преломления и отражения и ничем не поглощается, по крайней мере, теми твердыми телами, какие у меня были под рукой. Этот вопрос требует специальной работы. По всей вероятности, ему принадлежит большое будущее, но это дело физиологической ультрахимии. Нас же в данном случае интересует результат явления и возможность его практического приложения, а не выяснение его сущности. Кроме того, работа эта чрезвычайно трудна. Приходится иметь дело с центром управления главнейших жизненных процессов. Малейшее нарушение его функций уже прекращает это явление.

— Гм... это так, но мне кажется, что, прежде чем практически использовать, необходимо проникнуть в самую сущность явления. Только тогда, уже с полным пониманием процесса, приступить к его утилизации. Тогда, конечно, исключаются и возможные ошибки. Я предполагал, что теперь, при точно проверенных результатах, необходимо именно заняться изучением для изыскания или других путей, или... ну, по крайней мере...

— Более дешевой цены, — кончил за него Курганов.

— Да, я именно так я хотел сказать.

Наступило молчание. Курганов стоял у стола. Казалось, он внимательно рассматривал на свет узкие стеклышки микроскопических препаратов. Прищулив глаза и всматриваясь в одно из них, он, после минутного молчания, вдруг спросил:

— Ну, а времени нам хватит для этого?

— То есть, как времени?

— Жизни.

Курганов с легкой усмешкой оглянулся и посмотрел на остальных. Гаро был занят чисткой инструментов. Биррус курил сигарету и так опустил на грудь голову, что длинные его волосы совсем свесились на лоб. Уокер слегка вытаращил свои немного навывкате рачьи глаза и, казалось, был озадачен.

— Жизни? — переспросил он. — Конечно, жизни может не хватить, но... но за нас кто-нибудь другой кончит, хотя... — он потер себе лоб. — Это совсем невозможно! — вдруг крикнул он. — За кого же мы поручимся, что он не...

— Стоп! — смеясь, сказал Курганов. — Стоп, довольно. Всякому овощу свое время. Подумайте над этим, каждый как умеет, а остальное предоставьте мне. Завтра я уеду и вернусь не раньше, чем через месяц. К тому времени будьте ко всему готовы. Кажется, все уже, за исключением наших сотрудников, отдают себе ясный отчет в происходящем. Тем лучше. Пусть поживут спокойно. Вас всех попрошу раньше времени ничего не обсуждать. И вообще забыть об этом.

Он отодвинул от себя ящик с препаратами, встал и, ни на кого не глядя, направился к выходу. Когда за ним закрылась дверь, Уокер внезапно сорвался с места и бегом, похожий на катящийся шар, бросился вдогонку.

— Курганов! — крикнул он, сбегая по лестнице.

Тот остановился внизу и ждал его. Уокер подбежал вплотную.

— Только одно слово: скажи, мы сделаем *это*?..

— Да, сделаем!

Лицо Уокера приняло неопределенное выражение. Трудно было бы, глядя на него, прочитать его мысли. На его обычную улыбку легло выражение растерянности, удивления... Он был похож на человека, забывшего собственное имя, в смущении старающегося его вспомнить. Он хотел что-то сказать, но так много мыслей собралось в его голове, столько нетерпеливых вопросов, что он так и остался с открытым ртом. Он тихонько спустился на ступеньку лестницы. Кур-

ганов двинулся дальше. На пороге остановился. Минутку подумал и, обернувшись к Уокеру, сказал:

— Вот что: сегодня вечером ты, Карст, Биррус и Гаро, одним словом, все, кроме ассистенток, придете ко мне во вторую камеру. Надо поговорить, я вижу, что больше нельзя откладывать.

Он вышел. Раздался звонок на обед. Все обитатели Кургановской станции стали сходиться в небольшой пристройке с громадными окнами, служившей столовой и выходившей сзади дома в парк. Все население дома состояло из двенадцати человек. Восемь составляли ученую половину. Остальные четверо были негры, несшие всю хозяйственную работу. На них лежало наблюдение и уход за животными, приготовление пищи, уборка и содержание помещений и т. п. Они уже три года служили у Курганова. Достал он их через Африканскую Биржу Труда. Привезенные ими рекомендации оказались вполне верными. Это были люди недалекого ума, но неподкупной честности, аккуратные, исполнительные и, что у негров редко встречается, довольно молчаливые. Старшим и руководителем их был рослый мужчина лет сорока. Он всем ведал и распоряжался. А дела им было достаточно. Станция представляла большой двухэтажный дом с надстройками и нижними подземными помещениями. Там производились работы, требующие абсолютного отсутствия естественного света и постоянной температуры. Кроме того, дом был окружен различными службами, внешним видом напоминавшими усадебные постройки доброго старого времени. Но это не были хлева, конюшни, каретники, сеновалы и ледники. В одних находились запасы провизии; в других стояли аэрона, служившие средством сообщения; в третьих находились мегурановые батареи, снабжавшие энергией всю станцию.

Помещения со всеми оборудованьями и большой площадью земли были предоставлены Рабочим Советом Северо-Западной Области в пожизненное владение и пользование Курганова. Эта станция была чем-то вроде переходящего приза. Ею владел всегда лучший биолог Области. В случае его смерти Совет назначал ему преемника. Право подбора сот-

рудников было предоставлено владельцу биостанции. На деле всегда получалось так, что около него группировались лучшие силы. Так как работа развertyвалась в определенном направлении, то естественно, что эти его сотрудники продолжали начатое. Самим ходом дела определялось, кто будет и может быть преемником. На практике всегда умершего главу этой обособленной кучки ученых замещал один из его учеников и часто по непосредственному указанию бывшего руководителя. Совет только утверждал и санкционировал такое решение. Ясно было, что работа биостанции требовала преемственности. Перемена руководства чрезвычайно пагубно могла бы отразиться на результатах работы. С этим приходилось весьма считаться, так как за последние двадцать пять лет самые важные открытия в области физиологии, медицины, эмбриологии и во многих других отделах биологической науки вышли именно из этого учреждения и сразу стали одним из могучих и необходимейших средств обороны и борьбы человека с враждебными силами природы.

Так, Фор, — предшественник Курганова, — избавил человечество от туберкулеза и, как в свое время оспа, эта ужасная болезнь должна была отступить от человека.

Интересно отметить историю борьбы с этим бичом.

Главным руководящим органом, когда больше половины поверхности земного шара и две трети его населения объединились в одно рабочее государство, занимавшее Евразийский, Африканский и Австралийский материки, был Главный Совет Труда и Оборонь. Это название сохранилось за ним с давних пор, хотя функции его претерпели значительные и глубокие изменения, конечно, в связи с развertyвавшейся неудержимо вширь и вглубь деятельностью человека. Это был один из отделов Рабочего Совета. Необходимость его существования определялась еще далеко не улаженным вопросом в области классовых группировок. За океаном лежал огромный материк — Америка. Там жизнь пошла по иному руслу. Там до сих пор удержались старые порядки и слегка замаскированный некоторыми внешними украшениями капиталистический строй. Сложность и многообразие хозяйст-

ва более чем в полумировом масштабе требовали централизации. Кругом Совета Труда и Оборона были, конечно, объединены все научные организации. И вот, когда шествие туберкулеза приняло стихийно угрожающие размеры, и медицина, столь сильная в других случаях, беспомощно опускала руки, СТО обратился с воззванием ко всему миру. Он созвал всемирный конгресс для выработки плана борьбы с этим бедствием, или, по крайней мере, для изыскания путей, которые могли бы привести к победе.

Так как вопрос этот одинаково касался всех, то и американские ученые откликнулись и явились на конгресс. Съезд происходил в Северной Африке, в Александрии, и продолжался более полугода. Ничего определенного он не дал, но были приняты некоторые решения профилактического характера. Была выработана специальная система физического воспитания. Она должна была выправить организм человека.

Вертикальное положение тела вносило расстройство в деятельность многих органов. Организм проделывал сложные и глубокие внутренние перегруппировки. Процесс этот к тому времени еще далеко не закончился. Движения рук при работе, имеющие, в конце концов, точкой опоры грудную клетку, и большей частью согнутое положение, иной, чем у животных, изгиб позвоночника, несоответствующая положению статика внутренних органов и многое другое способствовало обратному развитию органов дыхания. У подавляющего большинства объем грудной клетки был чрезвычайно мал. Легкие — этот важнейший орган человеческого тела — были на пути к дегенерации и атрофии. Естественно, что они представляли прекрасную и слабо сопротивляющуюся среду для бактерий.

До тех пор, пока существовало земледелие, хотя и механизированное, струя здоровой крови еще вливалась в города и поддерживала тонус человеческой породы. Какие ни делались усилия для оздоровления масс, занятых на заводах, фабриках, в научных и иных областях, — все пропадало даром. Не помогал спорт, так как он был неправильно поставлен и часто приносил больше вреда, чем пользы. Не помо-

гала внимательнейшая охрана труда, особенно в Великом Союзе, ни прекрасные условия, в которых протекала человеческая деятельность.

С момента открытия панита — прекрасного искусственного хлеба — сразу все хозяйственные, экономические и прочие взаимоотношения перевернулись вверх дном, исчез и вполне определенный тип человека — целый класс работников земли. Все ушло в города и, бросив прерии и степи, стало работать на панитовых заводах, пошло в шахты, пошло туда, где теплый воздух дрожит от ритмичного темпа машин, где поработанные силы с яростью ищут выхода, но скованы волей человека, где отдельная личность теряется, становится одним из тех нулей, сумма которых равна бесконечности.

Все это тоже делало более доступным и легким внедрение и распространение смертоносной палочки. Постановления конгресса заключались, главным образом, во всеобщем введении обязательной дыхательной гимнастики, которая должна была проводиться с самого раннего детства. Охране Труда было предложено на всех производствах поставить дело так, чтобы каждый мог, по крайней мере, десять минут в течение каждого часа проделывать дыхательную гимнастику. Номера ее были составлены конгрессом на основании всех данных биологической науки. Это была прекрасная мера, но положительного результата можно было ожидать только во втором или третьем поколении. И она ни на волос не приблизила решения вопроса. Казалось, в поединке с палочкой было поставлено на карту самое существование человеческой породы. До сих пор живые организмы во всей истории своего развития подчинялись внешней среде и, благодаря медленности изменения ее условий, успевали приспособляться. В тех же случаях, когда эти изменения наступали внезапно или вообще протекали слишком быстро, громадное большинство погибало. Теперь в ход эволюции был внесен новый фактор — разумная деятельность человека. В результате получилось слишком быстрое изменение условий существования. Это и внесло полный разлад в сложные взаимоотношения между средой и организмом.

Во всяком случае, именно так обстояло дело в течение двенадцати лет после конгресса, когда Фор — предшественник Курганова — подарил миру свой туберколь, и с этого дня последний, страшный враг был обезоружен. Медицина могла обратить все свое внимание в другую сторону, где страдания вызывались без присутствия бактерий путем расстройств функциональных. Это представляло еще огромное поле работы.

Биостанция в разное время сделала еще несколько не менее важных открытий. Учреждение пользовалось огромнейшим авторитетом. К голосу его прислушивались с уважением. Ему была предоставлена полная свобода внутреннего управления. Поэтому, когда после смерти Фора стала известна его воля о передаче биостанции в ведение Курганова, его ученика и сотрудника по работе, давшей в результате туберколь, Рабочий Совет без всякого колебания утвердил Курганова в его правах. Он дал ему необходимые средства на продолжение работы и предоставил на его усмотрение подбирать сотрудников.

Вот уже шесть лет Курганов работал на своей станции. До сих пор еще ни один научный журнал не получил хотя бы краткой заметки о том, что там делается и что служит предметом исследования. Радиоаппараты, по приказанию Курганова, были сняты и убраны. Сама биостанция находилась на большом расстоянии от крупных культурных центров и вне постоянной связи с остальным миром. Вначале, после смерти Фора, когда Курганов только еще вступил в управление и владение станцией, прилетали и приезжали многие члены ученых обществ. Они расспрашивали, не передал ли Фор Курганову какой-либо важной работы для выполнения и окончания, или Курганов сам определил, над чем будет работать. Встретив сухой прием и видя полное нежелание со стороны Курганова и остальных работников чем-либо поделиться, ученые мало-помалу прекратили свои посещения. Кургановская биостанция оказалась предоставленной самой себе.

Уединенное положение всей этой научной усадьбы способствовало серьезной вдумчивости. Прекрасная местность

предоставляла возможность здорового и благотельного отдыха. С одной стороны здания лабораторий были охвачены громадным старым парком, с другой — морем. Это было старое Балтийское море, но теперь на нем не видно было ни одного дымка паровой трубы. Ни одного паруса не видно было на девственной линии горизонта. Лишь иногда быстро проплывали какие-то низкие, широкие суда без всякой оснастки, скорее похожие на китов, и не чувствовалось на них присутствия человека. Скрепя сердце, моряки примирились когда-то с пароводом и с горестью расставались с бесчисленными узелками, веревочками, блоками и со всей тряпичной оснасткой паровых судов. Но все-таки пар победил и оттеснил паруса! Следующее поколение уже привыкло к пароводам и с иронией посматривало на холстину. Труба, дымящая труба — чем она выше и чем больше дымит, тем приятнее сердцу — в ней вся сила! Это, так сказать, голова судна и все выражение лица. И вот, когда убрали трубу и вместо пароводов пошли большие моторные суда, их вид сначала сильно резал глаз. Не хватало самого главного. Эти посудины казались кургузыми, обрубленными, непонятными...

Долгое время дело спасали мачты для подъема фонарей и флагов, для работы лебедок и т. п. Но что это были за мачты! Какие-то глупые, короткие жерди, без рей, голые... Было время, когда их положение стало совсем критическим. Но и тут подвезло. Их потребовала радиопередача. Они остались, но стали еще более тонкими и несчастными, похожими на удилища. Когда же, наконец, и радиопередача научилась обходиться без мачт, пришла им настоящая смерть.

И вот теперь взгляд, привыкший к прежнему оборудованию судов, не нашел бы в зрелище современных морских караванов никакого утешения. Это было нечто низкое, серое и плоское.

Из верхних окон Кургановской станции всегда можно видеть вереницы этих судов, темными полосками продвигавшихся на горизонте.

Здания лабораторий соединялись с морем каналом. Спорт сохранил в употреблении лодки. Четыре стояло их у малень-

кой пристани под террасой. На крыше небольшой башенки, увенчивавшей все здание, была площадка. Оттуда открывался вид на все окрестности. Канал, проходивший к морю сквозь гущу парка, казался зеленым коридором, как будто какой-то великан, играя, провел палочкой по земле, и морская вода влилась в образовавшуюся борозду. На другую небольшую террасу выходила столовая. Ее огромные окна были снаружи оплетены почти сплошь зеленой стеной хмеля.

Обед обыкновенно бывал в три часа. Первым в столовую пришел Курганов, затем Гета и Лина, а вслед за ними Гаро, Биррус и Уокер. Последний за пять минут успел уже успокоиться. По обыкновению, разводя руками, он со смехом что-то рассказывал. В интересных местах рассказа оборачивался и останавливался, чем затруднял движение своих спутников.

— Хе-хе-хе! — раздавался его смех, — ну, представьте себе мое положение. Двенадцать кругов сделал, пока нашел. А тот расставил ноги фертом и кричит что-то, — да разве слышно?

— Ты и тогда смеялся? — спросил Гаро.

— О, нет. Не смеялся. Это, кроме шуток, могло плохо кончиться. Конечно, я отчасти сам виноват... но и он тоже хорош. Все объяснил с немецкой точностью, только главного не сказал.

— Да ведь ты его не спрашивал.

— Поди теперь сам, хе-хе, да спроси.

— И пойду.

— Ну и сломаешь шею.

— Посмотрим.

— Что у вас там за спор, — спросил Курганов у вошедших, — может, и я приму участие?

— Да, жалко, что никто не видел, — сказал Биррус, садясь за стол, — очень жалко. Стоило посмотреть.

— А что такое? — спросила Лина.

— Спросите Уокера. Пусть сам расскажет.

— Да представьте себе, — выпучивая глаза и продолжая улыбаться, отозвался толстяк, — конечно, я очень рад, что никто не видел, но мог бы в крайнем случае сказать, что на-

рочно вертелся. Ну да, нарочно. Для практики. Для практики.

Гаро криво усмехнулся.

— Я бы все равно не поверил, — сказал он.

— Как вертелся? — опять спросила Лина уже со смехом.

Гета молчала и, казалось, не замечала ничего вокруг себя. Она была сегодня бледнее обыкновенного. Темные, синие жилки проступали под глазами. Иногда только какое-то странное выражение, напоминавшее улыбку, проходило по ее лицу, словно ее озаряла хорошая, радостная мысль. Но внезапно лицо делалось безучастным и строгим. Карста в столовой не было. Он задержался и должен был сейчас прийти.

— Как вертелся? — переспросил Уокер. — По воздуху, сударыня, по воздуху. Я, видите ли, пожелал сегодня утром полетать на новом аэроме с мегурановым мотором. А единственный у нас специалист по этой части — Пфиценмейстер. Вот он мне все и показал, все органы управления и все такое...

— Вы и полетели...

— Я и полетел. Сначала все шло гладко, пролетел над морем, потом кругом парка. Хочу, наконец, спуститься. И вдруг вспомнил, что он мне не показал, как выключается мотор. Я думал, — той же пуговкой, которой пускается. Ничего подобного.

— Ну, и как же потом?

— Да вот, хе-хе-хе, летал без конца в кружок и отыскивал где эта проклятая кнопка. А тот кричит, руками показывает, ничего не понять. Насилу нашел. И тогда сел по всем правилам, будто век на нем летал.

— Но как же можно было решиться лететь на незнакомом аппарате, да еще одному?

— Нет, это безопасно, — сказал Биррус, — эти самолеты не падают никогда. Можно заставить его парить на одном месте и преспокойно улечься спать, как у себя дома, на кровати. Он, кстати, напрасно летал по кругам, пока искал кнопки. Мог остановиться и хоть целый день заниматься изучением аппарата.

— Да, — добавил Гаро, — или кричать, чтобы принесли длинную лестницу и сняли его оттуда.

— Мог! — ворчал Уокер, наливая себе тарелку супа, — если бы мог или даже знал, что могу. Знаете этого длинного, — какого толку можно ожидать от такой трески? «Так — направо, так налево, так — вверх, так — вниз». Больше ничего. Хе-хе-хе!..

Разговор об его полете носил такой характер, какой в свое время носил бы разговор о неудачном опыте езды на велосипеде.

Послышались шаги — в столовую вошли Карст и Пфиценмейстер. Последний был временным гостем на биостанции. Завтра утром его должен взять на борт большой аэрон. Путь ежедневных рейсов аэрона проходил, по удобной для станции случайности, как раз над этим местом. При появлении аэрона давался сигнал, тот останавливался и повисал в воздухе. Путешественник отвозился к нему на маленькой авиэтке.

Пфиценмейстер был типичным представителем германской породы и притом определенной марки. Высокий и худой, с лицом, изборожденным морщинами, он, точно у него срослись позвонки, всегда ходил прямо, подняв вверх подбородок, прищулив глаза и заложив одну руку за спину. Он не сгибался даже тогда, когда должен был поднять что-нибудь с пола. Имея длинные руки, он легко доставал, что было нужно. На слова был скуп: когда говорил, можно было подумать, что он сердится или делает выговор. Пфиценмейстера недолюбливали здесь.

Пфиценмейстер прилетел на днях вместе с Кургановым. Завтра утром он собирался покинуть станцию. Это был член Западного Ученого Общества, один из тех, кто посещал еще иногда Кургановскую станцию в качестве гостя, конечно, с явной целью что-нибудь пронюхать и выведать. Работа Курганова сильно интриговала высшие научные сферы. Высказывалось даже неудовольствие, что он никого не посвящает в нее, не пишет в научных журналах. Оригинальничает, — говорили некоторые, — изображает таинственного ученого отшельника на берегу моря. Высидживает, как курица, хе-

хе, великие вещи!

Находились и такие, что прямо говорили: Курганов просто-напросто ничего не делает. Ему, дескать, нечем и делиться. Но в глубине души каждый был уверен, что, рано или поздно, Курганов выступит с чем-то важным. Иначе ему никто бы не простил его долгого затворничества. Он должен был во что бы то ни стало оправдать себя. Пфиценмейстер, несмотря на самое горячее желание проникнуть в суть работы станции, по самой природе совершенно не соответствовал своей роли. Все работники Кургановской станции были скупы на слова, когда дело касалось их работы. Курганов держался с Пфиценмейстером изысканно вежливо, предупредительно, всем своим поведением давал или, вернее, именно ничего не давал понять.

Курганов посетил однажды крупную западную биотехническую станцию. Ему пришлось там присутствовать на одной из лекций известного физиолога Шопе. Во время лекции на экран проектировались микроскопические препараты. И вот внезапно в темном зале кто-то поднимается и решительно идет к Курганову. Черная тень длинной фигуры падает на экран и покрывает изображение. Раздаются возгласы неудовольствия. Лектор умолкает, призывает к порядку. Темная фигура, не обращая внимания, ломится сквозь узкий проход к тому месту, где сидит Курганов. Дают свет, и Курганов видит длинного тощего старика, с невозмутимой физиономией пробирающегося к нему сквозь тесные ряды стульев. Потом выяснилось, что как только старик узнал о присутствии в зале Курганова — редкого гостя — он сразу же к нему направился. Когда дали свет и увидели виновника беспокойства, на многих лицах появились улыбки. Все с интересом ждали, что будет дальше. Пфиценмейстера и его деревянную решительность хорошо здесь знали. Он мог подолгу оставаться совершенно безучастным, неподвижным, будто лишенным внешних чувств. Но если начинал что-либо делать, то обнаруживал непреодолимую инерцию.

— Пфиценмейстер! — резко крикнул он на весь зал, подошел вплотную к Курганову и придавил его своими острыми коленями.

— Курганов, — представился, в свою очередь, тот, вставая с усилием.

— Очень рад, — продолжал Пфиценмейстер, — желаю вас посетить; теперь же. — Как всегда, казалось, что он страшно зол и делает строгий выговор.

— Милости прошу, — ответил, чуть улыбаясь, Курганов. Если вы свободны, можете отправиться вместе со мной завтра утром. Я лечу на двадцать пятом номере. Он у вас, кажется, отправляется, в десять?

— Совершенно верно. В десять, С удовольствием. — Он дернул Курганова за руку и, громко шагая, удалился на свое место. Больше за все время лекции он ни разу не пошевелился и не произнес ни слова.

Вот таким-то образом появилась за столом на Кургановской станции эта странная фигура. Он был, между прочим, знаком с устройством и управлением маленьких аэронов с мегурановыми моторами. Поэтому, когда сегодня утром Уокер, показывая гостю аэрогараж станции, подвел его к новому, недавно полученному аппарату, Пфиценмейстер немного оживился и сказал:

— Ага, это «Хиль». Знаю. Летал.

Курганов тоже знал управление аппаратом, но до сих пор, за недостатком времени, не обучил пользованию им остальных. Уокер, давно желавший на нем полетать, ухватился за слова Пфиценмейстера и попросил подробных объяснений. Тот сделал это в уже известной читателю форме. Уокер, по природе достаточно беспечный, недолго думая, выкатил новенький «Хиль» на площадку перед гаражом. И... дело кончилось бесконечным летанием Уокера вокруг станции, попеременными криками и возгласами, то сверху, то снизу. Голос, доносившийся сверху, был испуганный и плаксивый, а снизу — резкий и сухой, будто кто ломал о колено пучки сухих щепок. Конечно, Пфиценмейстер ни разу при этом не улыбнулся. Смеяться он мог, но делал это в тех только случаях, когда ничего не было смешного: собрав лоб в складки, с совершенно хищным выражением лица, выдавливал из себя угрожающие клохтания: кхе-кхе-кхе-кхе.

Сев за стол и ни на кого не глядя, Пфиценмейстер принялся за еду. Несмотря на свою худобу, он ел много и жадно. Карст занял место в конце стола. Он не принимал никакого участия в общем разговоре и украдкой посматривал на Гету. Он закрывал глаза и думал: разве есть слова, которые могли бы передать все, что сейчас делается в этой маленькой, черной головке? Он опять вглядывался в Гету и закрывал глаза. Эти манипуляции не ускользнули от внимания Курганова. Он давно имел основание кое о чем догадываться. В данных обстоятельствах это касалось и его, как возможно-го, в конце концов, вершителя судеб всех ему близких. Слегка откинув голову назад, он серьезно и пристально посмотрел в лицо Геты. Та чуть покраснела, закусилась слегка нижнюю губу, опустила глаза, но не вытерпела и взглянула в сторону Карста. Он в этот момент смотрел на нее и тотчас перевел глаза на Курганова. Перестрелка взглядами произошла в течение одной секунды. Курганову это было достаточно, чтобы понять все.

«Уже», — подумал он и с любезным видом обратился к занятому едой Пфиценмейстеру.

— Коллега, как вам здесь понравилось?

Не торопясь, старик дожевывая кусок, проглотил и, глядя куда-то сквозь затканное хмелем окно, ответил:

— Прекрасно. Очень рад. Прекрасно! — Он перевел глаза на Курганова, поднял брови и еще резче повторил:

— Пре-кра-сно!

Лина подавила смех. Слезы выступили у нее на глазах. Гаро тихонько посмеивался. На другом конце стола шел громкий разговор между Уокером и Биррусом. Последний достал книжку и что-то стал чертить в ней карандашом. Уокер по временам стремительно вырывал у него книжку и карандаш и сам рисовал и исправлял.

Пфиценмейстер бросил в их сторону несколько грозных взглядов. Курганов, улыбаясь углом рта, заметил ему:

— Вы, коллега, не обращайтесь внимания. У нас не существует ни за столом, ни вообще где бы то ни было, этикета. Мы всегда на работе. Много важных и нужных вещей нам удалось выяснить и вывести из общих данных вот за этим

самым столом, за обедом.

— Очень возможно, — отрезал немец.

Негры, во главе с Умо, подали второе. В перерыве между двумя блюдами мужчины, не выходя из-за стола, закурили. Это тоже вызвало несколько острых взглядов гостя. Уокер и Биррус оставили в покое книжку и карандаш и заговорили спокойнее. Курганов некоторое время молча прислушивался к их разговору, затем постучал вилкой о тарелку и сказал:

— Прошу слова для внеочередного заявления.

Спорящие умолкли. Биррус с комической важностью встал и, поклонившись, ответил:

— Пожалуйста.

— Я хотел сказать, что ни раньше, ни теперь не мог и не могу присутствовать при разговорах и спорах о том, что будет через тысячу лет.

— Но мы...

— Знаю, — перебил Курганов, — ты хочешь сказать, что предметом ваших фантазий был живой организм, а так как основные биологические законы известны, то можно... и так далее?

Уокер что-то неопределенно промычал.

Курганов продолжал:

— Я хотел обратить ваше внимание на полную бессмысленность подобных построений. Каждый, знакомый с утопическими сочинениями, знает, что все они прибегают к гиперболизации современного им положения вещей. Если утопист жил в век пушек, весивших до ста пудов и стрелявших на двадцать километров, то он описывает пушку в тысячу пудов с дальностью в пятьсот километров. Конечно, он отчасти прав, но... мало это будущее отличается от современности. Иначе говоря, это различие количественное, а не качественное. Как могли себе представлять войну отдаленного будущего средневековые рыцари еще до изобретения пороха? Они только могли мечтать об удивительно прочных латах, очень далеко бьющих самострелах, сверхъестественно сильных стенобитных орудиях и невероятно толстых стенах. То же самое и с утопическими построениями будущего социаль-

ного строя. Последний в большей части зависит от экономических взаимоотношений, а вся экономика покоится на достижениях материальной культуры. Следовательно, лаборатория и кабинет ученого играют в этом случае не последнюю роль и... нам опять придется вернуться к нашему примеру о рыцарях. Порох — вот чего никак нельзя было предположить. И вообще я не знаю исключений. Когда некоторые пионеры воздухоплавания уже достигли значительных успехов, находились люди, называвшие себя учеными, которые устно и печатно утверждали, что аппараты тяжелее воздуха не имеют никакого будущего. А куда девались все эти ухищрения, все эти тракторы и сеялки, все фантазии о будущем земледелии и казавшаяся незыблемой мысль о существовании даже почти особой породы людей, крестьян? Одно только введение машин в более широком масштабе уже положило начало исчезновению этих различий, а что вы скажете вот об этом? — Курганов взял с тарелки кусочек панита и повертел его в руках. — Сосчитайте, сколько животрепещущих социальных и экономических вопросов разрешил этот кусок. Это — хлеб. Хлеб для всех, почти даровой, как вода и воздух. Мы не можем себе представить его отсутствия или недостатка, но моря крови, пота и слез были пролиты человечеством из-за таких же кусочков. И мы не вправе забывать об этом. Я мог бы до завтра заниматься изысканием примеров, но будет. Заметьте, что вопрос о «хлебе насущном» решила не агрономия, не социальная реформа, а синтетическая химия. Поэтому всегда в рассуждениях о том, что будет, нельзя забывать того, что не сегодня, так завтра, не завтра, так через сто лет станет известным то, о существовании чего мы сейчас и не подозреваем. Всегда может явиться новый фактор, который подчинит себе течение событий, поставит их на основу совсем непредвиденного принципа и сведет на нет все ваши построения. Иначе говоря, была бы справедлива логика, которой вы оперируете, если бы заранее было известно, что наука остановилась в своем движении и все данные условия вашей задачи навсегда останутся неизменны... Но этого, к счастью, не было и не может быть.

— Есть много, друг Гораций, тайн на свете, которые не снились нашим мудрецам, — тихо произнес Гаро, скатывая из панита шарики.

Курганов поморщился. Это была одна из тех общих фраз, которые на известной степени культуры человек уже не решается употреблять. Самое большее, если мельком лишь она придет в голову. Курганов помолчал и все-таки ответил:

— Да, если хотите, так.

Пфиценмейстер, все время не спускавший с Курганова пронизывающего взора, вдруг громко кашлянул и сказал:

— Не согласен. Есть общий закон. Общий закон!

— То, что говорил я, не противоречит общим законам. Я касаюсь лишь условий и способов достижения, которые не являются величинами постоянными, если можно так выразиться.

— Это тоже общий закон?

— Да, тоже общий, — отозвался Карст, — но не поддающийся никакому учету. Курганов именно это и утверждает. На что же вы возражаете?

Гета, сощурилась, посмотрела на Карста. Он был, очевидно, зол и говорил сейчас резко, упруго выталкивая каждое слово.

— Что же вы хотите сказать, — продолжал он, — что закон изменчивости и отзывчивости на все сторонние влияния может служить основой для построений, когда эти внешние и новые факторы не поддаются учету?

Пфиценмейстер холодно на него посмотрел. Лоб его собрался в многочисленные складки. Лицо исказилось, стало зловещим. Раздался его сухой смех.

— Хе-хе-хе-хе! Вот как! Не поддаются. А я думаю, что поддаются. Да-с. Думаю.

— Иначе говоря, вы хотите сказать, — заметил Биррус, — что и порох, и явления атомного распада, и все то, что каждый раз создавало в своей области революцию, могло и должно было быть предвидено? Вероятно, вы лично могли бы много кое-чего сказать о будущем, если...

— Брось, — перебил его Уокер и обратился к гостю: — хотя вы возражаете Курганову и, таким образом, на нашей

стороне, — он ударил слегка Бирруса по плечу, — я должен сказать, что мы оба разделяем точку зрения Курганова. И когда мы вели свой разговор, — он перевел глаза на Курганова, — то строили предположения, относительно одного лишь частного случая из области физиологии. Тут трудно предположить появление какого-либо нового фактора, потому и рассуждения наши не были лишены доли вероятия, хотя... — на устах Курганова появилась легкая усмешка, — хотя, пожалуй, Курганов, да, именно он имел некоторое основание так построиться...

— Да, ты близок к истине, — заметил Курганов, а Пфизценмейстер мог только сухо произнести:

— Вот как!

Завязался общий разговор о недавно обнародованной работе Пу-Хау: «Действие мегурановых излучений на изолированные органы».

Обед кончился. Курганов, вставая из-за стола, предложил отправиться в аэрогараж, чтобы осмотреть, а затем и полетать в новом «Хиле». Всей компанией спустились в парк. Лина и Гета держались вместе. Карст присоединился к ним. Они немного отстали от остальных.

— Ты что, Гета, сегодня какая-то странная? — говорила по дороге Лина. — Знаешь, Карст, сегодня утром меня даже поразило особенное, не счастливое, а скорее... блаженное выражение ее лица. Да, да, блаженное, блаженное! Что ты святая сегодня? Надо тебя расшевелить.

Она принялась тормошить Гету и закружила вокруг себя, как в вальсе. Та не сопротивлялась и заразилась ее смехом.

— Вот какая ты сегодня тихоня, Наверно, мы как-нибудь нечаянно поменялись настроением. Смотрите, Карст, что делается с Линой.

— Ай, пусти, довольно. Ха-ха-ха!

Лина со смехом продолжала ее кружить, пока обе чуть не упали. У Геты заблестели глаза. Все-таки в них не было прежнего мальчишеского задора. Всепроникающая мягкость, казалось, окружала ее и придавала ей новое, незнакомое выражение.

«Блаженное, — повторял про себя Карст; он понимал значение этого слова, и чувство острой радости сжимало его сердце. — Недаром, — думал он, — сердцу приписывали функции любви. Я сейчас не в голове, а в сердце чувствую некоторую боль, сжатие. А когда в первый раз увидел ее в столовой, то этот толчок был так силен, что не хватало даже воздуха. Конечно, это результат изменившегося кровонаполнения. Причина лежит в мозгу, но вполне имели право говорить о “любви от всего сердца”. Можно, значит, и “испытаться от всего сердца”».

Он улыбнулся. Тотчас ему снова пришло на ум слово «блаженная» и вместе с ним почувствовал и трепет сердца.

«Вот беда», — подумал он и, не зная почему, громко рассмеялся. Юркая мысль привычного самоанализа тихонько шепнула: это от избытка радости, держи себя в руках.

— А для чего? — громко спросил он вслух, останавливаясь, и опять не мог удержаться от счастливого, здорового смеха.

Гета и Лина, глядя на него, сделали то же самое и, наконец, одна из них спросила:

— Что «для чего»?

— Это я сам с собой, — ответил Карст и так же быстро про себя подумал: «Мы сейчас все трое без всякой причины смеемся только потому, что молоды и здоровы. Это очень хорошо, это — ценность, это один из розовых лепестков жизни». А другой уголок мозга забеспокоился и шепнул: «А ваша работа? А Курганов? А бессмертные и...» Карст почувствовал новый толчок сердца, но теперь совсем иной, будто его груди коснулось что-то мертвое и холодное.

Он перестал смеяться.

Остальные уже подошли к просторному гаражу. Умо с помощью своих негров выкатил на площадку блестящий «Хиль». В глубине гаража виднелось несколько других маленьких машин.

— Теперь Уокер покажет нам все, — сказал Биррус важно, — он мастер.

Уокер быстро спрятался за спину Пфиценмейстера и, выглядывая оттуда, ответил:

— Увольте. Опять какая-нибудь пуговица или кнопка потеряется... С меня довольно. Вообще после обеда летать не хочется.

— Он любит больше по утрам, — заметил не без ехидства Гаро.

Тем временем Курганов открыл дверцу и вошел в маленькую круглую кабину самолета. Основанный на старом принципе, аппарат этот все же мало походил на аэроплан. Опорная плоскость у него была только одна и имела форму плоского, круглого диска. В центре его находилась кабина и все рычаги управления. Снизу, кроме легких колес, находились три пружинные выдвижные ножки, служившие опорой при вертикальной посадке. Аппараты могли подниматься и опускаться по отвесной линии, без разбега, а также неподвижно висеть в воздухе. Это свойство давало им огромные преимущества перед самолетами старого типа, которые нуждались для взлета или посадки в большой площади на суше или воде.

Внешним видом «Хиль» походил на планету Сатурн, окруженную кольцом. Моторов почти не было видно. У каждого из трех маленьких пропеллеров, поставленных под разными углами, был свой отдельный мотор, величиной не более шапки. На первый взгляд это были обыкновенные электромоторы, причем винт насаживался непосредственно на якорь. Но сбоку каждый из них имел небольшой выступ, куда вставлялась мегурановая батарея, снабжавшая мотор электрической энергией.

Все, за исключением Пфиценмейстера, взобрались на плоскость, окружавшую кабину, и обступили Курганова. Тот подробно объяснял простое устройство и управление аппаратом. Самолет не имел никаких рулей. Изменение направления совершалось приданием различной кривизны единственной круглой плоскости. Она была сделана из множества узких и гибких металлических пластинок, расположенных веером. Аппарат был маленький, одноместный.

Ознакомившись с устройством, все сошли на землю, а Курганов пустил в ход первый вертикальный винт. Мотор работал без шума. Только легкое жужжание, напоминавшее

вибрацию крыльев комара, давало знать, что пропеллер вращается. Совершенно медленно, без единого толчка «Хиль» отделился от земли и, ускоряя свое движение, начал отвесно подниматься вверх. На высоте около ста метров он замедлил движение, почти совсем остановился и понемногу стал забирать в сторону, направляясь по горизонтали. Он темным диском мелькнул сквозь ветви больших деревьев, исчез в стороне моря, показался снова, несясь с большой скоростью, довольно низко пролетел над самой площадкой, как метеор, и, взмыв кверху, накренился, делая крутой вираж на повороте.

— Ха-ха-ха! — нарушил молчание Уокер, — знаете, на что это похоже? Это совсем соломенная шляпа с полями.

— Верно, — заметил Биррус.

Лина и Гета засмеялись. Карст сказал:

— Когда сильный ветер срывает у кого-нибудь с головы такую шляпу, то она летит именно таким образом и очень устойчиво. Интересно, не это ли и навело изобретателя на мысль построить круглую плоскость с центром тяжести посередине.

— Очень возможно.

«Хиль», описав еще один круг, медленно приблизился к площадке, остановился, повиснув в воздухе на высоте не более двадцати метров.

Курганов открыл нижнюю форточку и высунул голову.

— Здравствуйте, — сказал он, улыбаясь.

— Спускайся скорей, — кричал Уокер, — еще заснешь там наверху. Следующим лечу я.

— Он еще покружить хочет, — добавил Гаро. Форточка закрылась. Вслед за тем выдвинулись вниз три пружинные ножки, на которые «Хиль» должен был сесть. Аппарат медленно спускался. Наконец, коснувшись ножками земли, перестал жужжать винтом и, мягко покачиваясь, остановился на месте. Курганов вышел из кабины. Уокер занял его место и понесся кверху. Потом, быстро изменив направление, каким-то толчком бросился в сторону. Слышно было, как вступили в работу горизонтальные моторы. Забирая все выше, он скоро исчез с глаз в стороне материка.

— Как разнесло толстяка! — сказал Биррус, поворачиваясь к гаражу, и добавил: — А что-то и мне хочется полетать, — он посмотрел вверх, — погода хороша.

— И мы, и мы, — закричали наперебой Гета и Лина.

— Ну, лететь, так лететь, — сказал Курганов, — полетим все, надо Уокера поймать. Умо, выкати из гаража машины.

Лина захлопала в ладоши.

Пока негры выкатывали на площадку маленькие блестящие аэроны, Курганов смотрел в стороны и, казалось, думал о чем-то. Он себя чувствовал в последнее время не то как приговоренный к смерти, с новым вниманием присматривающийся и расценивающий всякие проявления жизни, не то как гусеница, собирающаяся свить кокон и окуклиться, когда вся окружающая обстановка становится немного чуждой. Он не испытывал ни сожаления, ни радости. Весь организм его насторожился перед неизвестным.

«Кто-то из нас умрет, — думал он, — и кто останется бессмертным? Я знаю их всех. Никто не откажется от такой игры. Рано или поздно, все равно — конец. А в этом случае есть все-таки на пятьдесят процентов возможность спастись. Да, из них никто не откажется, не откажусь и я, но так ли все это? А что, если дело кончится не бессмертием, а только физическими и психическим уродством?.. Как проверить? Нам самим ждать старости нельзя. На животных установлено, что, чем организм старше, тем труднее достигнуть успеха. На молодых тоже надо много времени, чтобы вполне убедиться в их бессмертии».

Бесчисленные данные, — хотя, правда, побочные, — указывали на истинность этого предположения. Всевозможные исследования внутренних органов и обмена веществ дали картину резких изменений, в особенности гистологических, которые указывали, что организм освободился и прекратил усвоение вырабатываемых им самим ядов. Они уничтожались сильно увеличенной печенью. Оперированные животные мало спали и почти не утомлялись от работы. Они только требовали несколько большего количества пищи. Щелочность крови повысилась. Половые железы прекратили свою продукцию и, так же, как и органы, атрофировались. Это,

однако, не сделало животных кастратами, хотя и исчезли вторичные половые признаки. Все это лишило организмы их большого расхода, и запасы энергии стали уходить куда-то внутрь. Умственные способности оперированных животных повысились. Баран Боб, которому Курганов сделал пересадку три года назад, живший и теперь в питомнике станции, несмотря на феноменальную глупость этих животных, совершенно самостоятельно научился открывать мордой застав питомника. Кроме того, он был чрезвычайно привязан к людям и в этом отношении вполне напоминал собаку.

Все, казалось, оправдывало предположения Курганова. И не было пугающих побочных следствий, кроме исчезновения пола, — он в душе уже примирился с этим, — но все-таки сомнение грызло его. Все-таки точный опыт не был проведен.

«Я должен, — думал он, — передать свою работу моему преемнику, сам околеть, а он уже, если окажется, что мои питомцы не старятся и не умирают, сможет испытать это на человеке». Но вся душа его возмущалась при мысли о смерти. «На каком же человеке, если не на самих себе мы проверим нашу работу?» Ему делалось страшно при мысли о том, что может произойти, когда мир узнает, что личное бессмертие одного достигается ценою жизни другого. Не заставит ли это пролиться моря крови, большие, чем во время самых ожесточенных войн? Он понимал, что нельзя, нельзя даже тонкому слуху проникнуть за стены лаборатории.

«Мы сами, — думал он, — вернее, те из нас, кто останутся жить, — беспредельно жить, без страха смерти и располагая неограниченным временем, — будут продолжать работу. Это только этап. И лишь тогда, когда найден будет способ победы над смертью не столь ужасной ценой, мир должен будет об этом узнать».

А пока? Пока он с хладнокровным лицом и смятенной душой делал все новые и новые опыты. Запершись иногда один в питомнике, целыми часами сидел там и с тоской всматривался в спокойные глаза кроликов и собак.

Прислонившись спиной к стене гаража, стоял теперь Курганов и неопределенным взором смотрел на окружающую

его компанию молодых, жизнерадостных людей, стараясь угадать, кто из них скоро станет трупом и кто...

«А право? Имею ли я право дать им тянуть такой жребий?»

Слишком необычны были обстоятельства дела, чтобы вопрос о праве мог надолго остановить его внимание. Имеет ли он право дать шанс на спасение тому, кто безусловно обречен на гибель? С этой стороны ему все было ясно. Он переводил взгляд с Карста на Гету и с Лины на Гаро и думал: «Две пары, они любят друг друга и такими парами, конечно, садут в свои аэроны». Ему пришло в голову сравнение с брачным полетом муравьев, у которых только к этому времени и ненадолго вырастают крылья. Они летят-летят, а потом почти все погибают. Что чувствует Карст? Он знает все...

Карст разговаривал с Гетой. Курганов, глядя на ее смущенное и проникнутое тихой радостью лицо, почувствовал прилив простого человеческого чувства, острой, щемящей жалости к этой милой девушке. «Если б знала она!» — подумал он, и ему стало не по себе.

Курганов резко тряхнул головой, как бы желая отделаться от тяжелых и докучливых мыслей, и твердыми шагами пошел к своему аппарату. Он, улыбаясь, спросил Карста:

— Ну, как, нашел шляпу?

Карст смутился, но кивнул. Гета опустила глаза.

Выдвинутые на площадку самолеты сильно отличались от нового «Хиля», в общих чертах походили на прежние аэропланы и требовали для подъема некоторого разбега; площадка перед авиагаражом была сделана специально для них. Это были небольшие двухместные монопланы, размерами немного превосходившие «Хиль», и, как прежние, работали на жидком топливе (горючее представляло собой сильно взрывчатое вещество, родственное нитроглицерину, расходовалось его ничтожное количество; моторы при небольшой величине обладали огромной мощностью). Вообще же материал, конструкция и устойчивость самолетов и моторов были таковы, что исключалась всякая возможность падения. Аэрон можно было приравнять к прежнему велосипеду.

— Кто со мной? — спросил Курганов, садясь к рулям.

— Я, — крикнул Пфиценмейстер.

Большими шагами, похожий на циркуль, он направился к самолету и сел рядом с Кургановым.

С площадки одновременно не могли подниматься два аэрона, поэтому остальные ждали, когда Курганов улетит. Чтобы быстро подняться, надо было сразу пустить мотор полным ходом. Первый мотор ринулся вперед, подскочил, повис в воздухе и, круто забрав вверх, вылетел над парком.

— А Уокера все нет, — заметил Биррус, с помощью негров устанавливая второй аэрон. Он улыбнулся: — Ну, со мной, наверно, никто не хочет? Так и быть, полечу один.

Через пять минут после отлета Бирруса один за другим взвились на воздух еще два аэрона. На одном был Карст с Гетой, на другом Гаро и Лина. Курганов и Биррус летали по кругам, ожидая их. В стороне моря виднелась круглая черная точка, несшаяся над самой водой. Это был «Хиль».

Курганов, а за ним и все остальные, направили свой полет тоже к морю. На площадке стало тихо и пусто. Только негры с Умо стояли еще в дверях гаража и смотрели вслед улетевшим. Улыбка обнажила их белые крупные зубы. Немного постояв, они оставили двери гаража отпертыми и пошли к дому.

Уокер увидел четыре взвившихся аэрона. В нем заговорил дух спортсмена, который он вместе с английской кровью унаследовал от своих предков. Новая машина представляла хороший случай испытать ее летные качества и сравнить с простыми аэронами. Он сделал круг, поднялся выше и полетел навстречу друзьям. На «Хиле», как и на аэронах, летать над морем было безопасно. Аэроны, кроме колес, были снабжены и маленькими челноками, как гидропланы, а «Хиль» просто садился на воду и лежал на ней, как спасательный круг.

Повернув крутым виражом, «Хиль» дал полный ход и по прямой линии понесся прочь от берега. На остальных машинах шум моторов усилился и стал тоном выше. Началась гонка. Среди догоняющих впереди всех был Курганов, за ним Биррус, несколько позади — остальные два аэрона. С первой же минуты стало ясно, что «Хиль» уходит. Малень-

кие, легкие аэроны вообще не обладали большой скоростью. Они и строились не для спорта или гонок. Они должны были служить средством удобного, быстрого и безопасного передвижения. «Хиль» же, имея мощные моторы и представляя собой одну рабочую опорную плоскость, летел, как диск, брошенный плашмя. Расстояние между ним и его преследователями быстро увеличивалось. Уокер повернул, взлетел еще выше и направился к берегу. Остальные отказались от погони. Каждый летел, куда ему нравилось.

— Карст, — обратилась к своему спутнику Гета, — спустимся ниже и полетим над самой водой. Мне хочется быстрого, быстрого движения. На высоте этого совсем незаметно.

Они спустились и понеслись, почти касаясь воды, туда, где ровной линией виднелся серый горизонт. На пути им попадались вереницы плоских судов. Выставив на поверхность только гладкие спины, они быстро шли куда-то.

На аэроне, где были Гаро и Лина, шел спор. Лина хотела вернуться обратно, Гаро не соглашался: дома все равно делать нечего.

— Да я вовсе и не хотела домой, — сказала Лина, словно обидевшись.

Гаро взглянул ей в глаза, круто повернул руль и направил машину к берегу. Оба молчали. Мотор шумел так сильно, что приходилось говорить очень громко, хотя это было и не совсем удобно. Когда подлетели к берегу, Лина наклонилась к самому уху Гаро и сказала:

— Сядем здесь на воду и въедем тихонько в канал. Я не хочу возвращаться на площадку.

Гаро кивнул головой. Глухо зарокотали челноки, ударившись о воду. Аэрон, пробежав немного, остановился. Гаро опустил стекло, предохранявшее сидевших от встречного ветра, и на легкой работе мотора тихо въехал в канал.

Лина сама выключила мотор. Ловко выпрыгнув из кабинки, пошла по крылу, конец которого был над сушей, и спрыгнула на берег.

Молча они отошли немного от берега к лесу и сели под деревом. Над морем носились остальные аэроны. Высоко

над ними черным диском парил «Хиль». Он остановился, повис в воздухе, точно маленькая планетка — новый спутник Земли.

Лина сидела, облокотившись о ствол дерева и запрокинув голову. Полная блондинка с несколько вялым выражением лица, она сейчас после полета разгорелась. Глаза ее блестели.

Гаро давно преследует Лину своим чувством, но она до сих пор не может решить, как ей следует к нему относиться. Любовь ее и привязанность к нему по временам переходила в страх и отвращение. Эта двойственность для Лины была чрезвычайно мучительной. Она испытывала не то, что бывает с другими в случаях такого душевного и чувственного разлада. Разговаривая с Гаро, глядя на него, она чувствовала, что любит его, он был ей близок и дорог. Когда же она оставалась одна, ее охватывало беспокойство. Иногда при воспоминании о Гаро ее против воли передергивала нервная дрожь отвращения, какая бывает, когда случается наступить на лягушку. Она не понимала, откуда берется это чувство, испытывала гнетущее беспокойство. Тогда она торопилась увидеть Гаро, проверить, не ошибается ли. И при каждой встрече присматривалась к нему с новым вниманием и любопытством. Она вновь испытывала облегчение и порицала себя за двойственность, но вскоре ловила себя на том, что каждое слово Гаро, его движения, поступки внимательно взвешивает, расценивает и каждый раз с удовлетворением замечает, что Гаро ей дорог, и она на самом деле привязана к нему. Ей казалось странным, почему она так следит за каждым его словом и поступком и все время ждет чего-то скверного. Она засыпала с твердым решением окончательно с ним порвать, но на другой день опять искала встреч, точно желала лишний раз убедиться в его мерзости. И каждый раз кончалось полным переворотом в мыслях и намерениях. Она серьезно стала подозревать себя в ненормальности. В присутствии Гаро она была весела и спокойна, без него скучна и задумчива.

Гаро был маленького, слишком маленького для мужчины роста, черный, как жук, с большими, похожими на ко-

ровьи рога, усами. Его сильно сдавленная с боков голова сидела на тонкой, жилистой шее. Он был француз из Лиона — настоящий южанин. Сквозь его ученость или, говоря вернее, навыки научного ремесла проступала довольно заметно фатоватость. Прием разговора, носившего оттенок иронии и насмешки, не всегда, впрочем, остроумной, был несколько однообразен и недалек. Многим с ним скоро становилось скучно. Из обитателей станции Курганов, Карст и Биррус не вступали в особенно близкие отношения с ним. Остальные не делали никакой разницы, в особенности Уокер, который постоянно попадал Гаро на зуб. Фыркая, пыхтя и улыбаясь, он вступал с ним в бесконечные пререкания. Они были почти друзьями.

Небольшая прогулка с Гаро приподняла нервы Лины. Ей хотелось чего-то страшного, опасного и, тем не менее, приятного, что дало бы встряску натянутым нервам. Вероятно, такого рода мысли отразились на ее лице, потому что Гаро после небольшого молчания спросил:

— О чем вы думаете?

— О чем я думаю? — переспросила Лина, и какой-то чертенок блеснул в ее взоре. Она минуту помолчала, потом, опустив глаза, с самым невинным и благостным видом принялась обстоятельно отвечать.

— Меня занимает вопрос, чем все это кончится. Я сама в курсе дела, но обрывками слышала кое-какие разговоры... Мне кажется, что все вы, «мужская партия», что-то от нас с Гетой скрываете. Я заметила, что в нашем присутствии Курганов не обо всем говорит.

Она помолчала.

— А вчера вечером, когда мы с Гетой ездили в лодке встречать Курганова...

— Откуда встречать?

— Они с Карстом и Биррусом катались здесь в заливе. С Карстом было что-то странное: не то он плакал, не то не знаю что... Из нескольких слов Курганова можно было понять, что у них произошел какой-то разговор.

— А потом?

— А потом, конечно, явилась Гета в роли утешительни-

цы, и все было великолепно. Она вернулась домой почти утром.

— Почему же вы об этом говорите так язвительно? — спросил Гаро, усмехнувшись. — Можно подумать, что вас это задевает.

— Меня? О, нисколько. — Лина зло рассмеялась. — Сидите здесь, пока я не вернусь.

Она повернулась и быстро пошла к берегу канала.

— Вы куда?

Гаро встал и тоже хотел, было, двинуться вслед за нею, но она оглянулась и несвойственным ей повелительным жестом указала Гаро на его место под деревом. Он покорно сел, но сейчас же снова окликнул ее:

— Лина, вы что-то оставили.

— Что оставила?

— Да вот пояс, кажется. — С этими словами Гаро поднял с земли белый шелковый пояс-шнур. Лина подошла, взяла его в руки, посмотрела и вдруг звонко расхохоталась.

— Это пояс Геты.

— Откуда же он тут взялся?

— Вот, подумайте!

Она свернула пояс в моток и положила в карман своего жакетика.

— Сидите здесь, я скоро вернусь.

Она пошла к аэроу. Гаро остался на месте. Он основательно улегся под своим деревом.

«Пусть ее, — подумал, — чешется что-то у “профессорши” в голове».

Он закурил трубку и стал спокойно наблюдать. Лина, упершись плечом в крыло, повернула аэрон носом к морю; через минуту из кабинки виднелась только ее голова.

«Стекла не ставит, ветра хочется барышне, — пусть проветрится».

Мотор заревел сразу на полной скорости. Аэрон резким толчком бросился вперед. Поднимая водяную пыль, он пошел по воде залива.

Гаро с недовольным видом следил за удалявшимся аэроном Лины. Остальные виднелись еще тут и там. Уокер по-

прежнему висел между небом и землей.

«Шляпа, — продолжал ворчать в душе Гаро, — а толстяк наверно в самом деле заснул или вывалился, а, может, опять что-нибудь забыл и не может спуститься. Много бы я дал, чтобы это было так».

Аэрон Лины значительно отдалился и стал сливаться с серым фоном воды, так как летел над самой поверхностью.

«Что только делается в голове у этих людей, которых называют женщинами! Только что летели и попросила спуститься, а теперь минуты не прошло — опять летит... В голове такой же ветер, как наверху».

Гаро делался все мрачнее и сердито грыз мундштук своей трубки. Больше всего его приводило в дурное настроение уязвленное самолюбие. Поступок Лины он не мог объяснить иначе, как желанием отделаться от него и лететь куда-то одной.

«И думает, что я не понимаю. Женская хитрость... Просто нахальство!»

Он выпустил горькое облако дыма, закашлялся и, махнув рукой, решительно поднялся.

Нахмуренный он пошел к дому, надвинув шляпу на самый лоб. Он плевал в воду канала. Сучки, попадавшие на тропинке, он сердито отшвыривал ногой. Мундштук трубки трещал на зубах и грозил расколоться.

Около дома он увидел двух негров, подметавших веранду и пристань. Один из них оскалил зубы улыбкой.

— Масса Пфиценмейстер приказал передать вам это, — сказал он, подавая Гаро конверт.

Тот сунул письмо в карман и, не останавливаясь и не взглянув на негров, прошел дальше.

В своей комнате Гаро швырнул шляпу и трубку на стол, а сам бросился на кровать. Раздражение его начинало проходить. Лежавшее в кармане письмо дало новое направление мыслям. Покусывая усы, он разорвал конверт.

Мсье Гаро!

Желаю с вами говорить. Буду в 11 час. вечера (сегодня) в

беседке у третьего бассейна.

Пфиценмейстер.

Гаро усмехнулся. «Ну что ж, — подумал он, — посмотрим, чего ему надо».

Конечно, Гаро хорошо знал цель приезда немца, но у него были свои соображения и потому он решил действовать без ведома Курганова.

«Я сначала схожу, узнаю, чего ему надо, а потом все передам на усмотрение Курганова, — думал спустя полчаса Гаро, снова выходя из дому и направляясь к питомнику, — да, передам, — повторил он про себя, — если...» Но это «если» так заняло его мысли, что он вовсе перестал думать о своей благородной роли верного сотрудника Курганова, стоящего на страже их тайны.

«Да, да, сначала надо узнать, с чем он ко мне обратится и почему именно ко мне, а не к кому другому, а тогда видно будет. По крайней мере, у меня в руках будет материал. А то с чем же я пойду к Курганову? Он меня все равно пошлет узнать в чем дело. Ну, конечно».

Успокоив себя этими мыслями, Гаро вошел в питомник. Умо в одном конце галереи чистил кроличью клетку. Выпущенные зверьки бегали по всем направлениям. Оперированные утром сидели в особом помещении, устроенном так, что они совсем не могли двигаться... Они нахохлились, закрыли глаза, только временами пошевеливая раздвоенными верхними губами. В других клетках находились здоровые морские свинки, кролики, собаки, кошки. Один баран свободно разгуливал по всему помещению. При входе Гаро он с блеянием бросился к нему навстречу, принялся обнюхивать и тыкать мордой в карманы платья.

— Нет, Боб, сегодня забыл, ничего не принес, — сказал он, смеясь, и вывернул карманы пиджака.

Боб внимательно осмотрел и обнюхал пустые карманы и, быстро помахивая коротким хвостиком, отошел с недовольным видом.

«Умен, бестия», — подумал Гаро. И с новым вниманием присмотрелся к формам его черепа. Лицевой скелет и линия лба сильно отличались от нормы среднего типа, свойственного этому виду овец. Короткая морда, более выпуклый лоб обратили на себя внимание Гаро. Особенно привлекали глаза, умные, красивые, как у породистой собаки.

— Боб! — позвал Гаро.

Тот сейчас же подбежал и так выразительно и осмысленно посмотрел ему в глаза, что Гаро стало не по себе.

Потрепав барана по голове, он вышел из питомника и направился в одну из верхних лабораторий. Везде было пусто и тихо. На дворе начинало смеркаться. Была осень, и дни становились короткими. Гаро опустил целлюлозовые шторы, дал свет и принялся за неоконченную работу.

Аэрон Карста и Геты описал огромный круг и возвращался обратно, когда Гета вытянутой рукой указала куда-то в сторону. Карст взглянул туда и увидел темно-голубой аэрон, несшийся над самой водой прямо к ним.

— Кто-нибудь из наших, — крикнул он на ухо Гете и сразу стал забирать выше. Второй аэрон взмыл кверху и полетел в том же направлении. Расстояние между самолетами стало не более двадцати метров. Сквозь опущенный боковой щит виднелась голова Лины с развевающимися по ветру волосами. Она улыбалась и махала рукой. Самолеты еще более сблизились. Лина кивала головой и размахивала по воздуху какой-то белой лентой.

Карст и Гета взглянули друг другу в глаза: он с усмешкой, она растерянно.

— Мой пояс, — произнесла одними губами Гета. Несмотря на шум мотора, Карст понял ее и болезненно рассмеялся. Смеркалось.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Сделав у двух пар небольших собачек перекрестную пересадку, о которой Курганов говорил утром, он сам, а за ним и все мужчины (только Пфиценмейстер после продолжительной воздушной прогулки чувствовал себя усталым и заявил, что идет спать) собрались в одной из верхних комнат. Вечерело. В комнате горела одна зеленая лампочка. По углам прятались темные тени.

Курганов сел за стол. Он долго молчал. Никто не нарушал тишину. Не поднимая головы, он заговорил тихо, но внятно.

— Завтра утром Пфиценмейстер летит в Берлин. Я тоже с ним улетаю. Прежде чем меня здесь не будет, я должен выяснить вашу настоящую и будущую позицию в том... что всем присутствующим известно.

— Именно? — спросил Гаро.

Курганов не пошевелился. Остальные серьезно и с легким удивлением посмотрели на француза.

— Надеюсь, — продолжал Курганов, — что объяснять в чем дело не приходится; мне надо знать, кто, когда и как. Для этого мы здесь и собрались.

Уокер сквозь нависшие брови тяжело и не отрываясь смотрел в лицо Курганова. Он больше в этот момент был занят наблюдением над учителем, чем размышлениями над своей судьбой. Он еще не раздумывал по-настоящему о своей роли в развязке их работы, но чувствовал, что не сделает ни шагу назад. Он вообще был скор на решения, а теперь за последнее время уже успел свыкнуться и сжиться с мыслью о том будущем, которое Карста, например, леденило своим приближением. Он удивлялся тому самообладанию, с которым Курганов приступает к решительному вопросу.

«Да, — думал он, — опасен противник; сейчас цель нашей атаки — сама смерть».

— Проще говоря, — продолжал тем временем Курганов, — мы должны сейчас выяснить свои силы, свой боевой состав. Я поставлю вопрос прямо: кто из вас согласен принять

участие в некоторой игре? Не забывайте, что нам нужно равное количество мужчин и женщин. А нас здесь пять и две. Поэтому от вашего решения зависит многое.

В комнате стало тихо. Только сквозь открытое окно доносилось бление барана. Вероятно, Боб выпрашивал сухари у своего покровителя Умо. Бление создавало впечатление мирной старой деревни, а сама станция со своими пристройками в сумерках осеннего вечера походила на уютную усадьбу.

Карст, сидевший все время с руками, прижатыми к глазам, первый нарушил молчание.

— Я думаю, — сказал он, — что... (он отнял от глаз руки и устало улыбнулся), что никто из нас не откажется от этой игры. Конечно, это будет нечто вроде лотереи. Так как нас здесь пять мужчин, то потребуется еще столько же женщин. Мы имеем только двух. В случае, если они обе примут участие, придется все же кого-то приглашать.

Он говорил спокойно, как о самых обыкновенных вещах. Только лоб его немного побелел и шрам резче выделялся блестящей, темной полоской. Остальные в знак согласия молча наклонили головы. Биррус, посмотрев на Гаро и Уокера, заметил:

— Пожалуй, и спрашивать не приходится. Мы все готовы. Но как Гета и Лина?

— Предоставьте это мне, — сказал Курганов, — я с ними поговорю особо. Конечно, от их решения зависит количество тех, кого мы должны пригласить. Если согласятся — трех, если нет — пять. Я сомневаюсь, чтобы они отказались. Да, сомневаюсь. Я уверен, что мне придется искать трех женщин. Я вернусь не скоро. Надо найти подходящих. Это не так легко. Задача осложняется необходимостью полной тайны. Во всяком случае план действия таков...

Курганов сдержанным, но резким голосом объяснил своим молчащим товарищам, как проще и удобнее совершить то, что ближе всего касалось человечества, но о чем никто не должен был знать.

— Если мы сейчас дадим проникнуть в мир хоть слуху о том, что делаем, человеческий смерч сметет нас с нашей

дороги. Если же открыто обнарудуюем наше открытие, — море крови и ничего больше... Не забывайте Америку. Сейчас мир между Западом и Востоком, как в добрые старые времена, держится на кончике меча. Клин вышибают клином же. Когда Великий Восточный Союз Республик станет Всемирным, тогда только можно будет громко и открыто выступить, но и то не с тем, что имеем сейчас. Если теперь станет известно, что ценой жизни другого можно приобрести бессмертие, то кроме кошмара, который поднимется здесь, мы должны будем стать лицом к лицу с американским хищником. Он сразу протянет лапу и оценит наше открытие как великолепный, небывалый способ порабощения. Он захочет создать такой человеческий муравейник, где будут бессмертные господа и смертные рабы. Он сделает бессмертие привилегией своего класса, сосредоточит в своих руках и бессмертных мозгах науку, технику и искусство. Тогда поздно будет что-либо сделать. Конечно, он может и не выйти победителем из этой борьбы за жизнь. Но сама борьба при настоящих обоюдных силах может привести к тому, что некому будет воспользоваться желанным бессмертием. Если же победим мы, то эта победа будет куплена слишком дорогой ценой. Бессмертный человек — это страшная сила. Пока человечество еще делится на классы, эту синюю птицу нельзя выпускать из клетки. Не можем мы и тайно выступить с этим здесь, даже за колоннами Всесоюзного Совета, потому что... и стены имеют уши... и... не таково наше открытие, чтобы в его настоящем виде преподносить его кому бы то ни было. Мы только по добровольному жребию получим жизнь или смерть. Пока это дело только биологов. Те, кто останется жить, должны будут употребить свой бесконечный досуг на работу в том же направлении, найти другой, более дешевый способ победы над смертью и лишь тогда с великой осторожностью передать этот дар Великому Союзу и тем самым дать ему могучее средство для осуществления человеческих прав на всей Земле. В этом случае тоже будет борьба, но у нас самих не создается того хаоса, который бы поднялся сейчас.

— Хорошо, — заметил Биррус, — мы все участники работы и можем производить сами над собой эти эксперимен-

ты. Но имеем ли мы право приглашать еще кого-нибудь со стороны? Не слишком ли велик риск выдать тайну? Представьте себе, что хоть одна из особ, которую Курганов намеревается посвятить в наше дело, вдруг раздумает, испугается и разгласит, сделает все известным. Не будет ли это еще хуже нашего открытого выступления?

— Право? Ты говоришь о праве? — спросил Курганов. — В этом случае, как и всегда, наше нравственное право, а другого я не знаю, определяется, во-первых, принципом достаточной причины, а, во-вторых... ну, как сказать, слишком исключительными обстоятельствами дела. Если, не приглашая никого лишнего для участия в нашей жеребьевке, из нашей группы выделить поровну от каждого пола, то при двух женщинах это составит четыре и даст двух бессмертных. А остальные?

— Да, пожалуй, это невозможно, — заметил Уокер.

— Хорошо, будем считать вопрос решенным. Опасения Бирруса, что через наших предполагаемых компаньонов кто-то о чем-то узнает, это... — он засмеялся, — не кажется ли вам, что это вопрос мой?

— Конечно, это я только так сказал.

— Вы, Гаро, молчите, но я полагаю, что можно считать вас в числе участников?

— Разумеется.

Со стороны можно было подумать, что эти спокойно и мирно беседующие люди обсуждают план загородной прогулки, раздумывая о приглашении дам для оживления и без того веселой компании.

— Теперь дальше, — продолжал Курганов, — технически это больших трудностей не представит. Слушайте.

Все ближе сдвинулись вокруг стола и закурили. Момент напряжения и ожидания прошел. То, что каждый знал в одиночку, было названо своим именем, стало несомненной и неотвратимой реальностью. Оно не стало от того менее страшным и волнующим, но потеряло напряжение неизвестности. Кроме того, каждый сознавал, что он не в силах будет отказаться от розыгрыша, хотя риск и равен половине шансов. Слишком высока и заманчива была ставка.

— Мы сделаем просто, — говорил Курганов, — я привезу трех женщин. Вероятно, берлинский биоинститут окажется местом, где я их найду. Шестерых я знаю лично. Они как раз работают в отделении мозга. Это не представит трудностей. Итак, я приеду с тремя, и нас станет десятеро...

— Мы делаем десять билетов, — перебил его Уокер, — и на пяти ставим крест.

— Да, и на пяти ставим крест, — добавил Гаро, — потом кладем в большую ступку и перемешиваем, а потом... подходим и по очереди вытаскиваем.

Все засмеялись.

— Нет, — сказал Карст, — так ничего не выйдет. Может оказаться, что не равное число каждого пола получит разные билеты. Ведь пересадка возможна только между разными полами.

— Конечно. Придется в каждую из пяти ступок положить по два билета, — один с крестом, другой пустой, — и подходить парами. Нас будет пять пар. Тогда обязательно из пары кто-нибудь вытащит крест. В конце концов, весь десяток разделится на две партии.

Все это Курганов проговорил глухим и как будто злобным голосом. Его речь стала похожа на лай. Он смотрел в стол, не поднимая глаз.

Странное дело: эти люди, только что спокойно рассуждавшие о лотерее жизни и смерти, при массовом розыгрыше, услышав о жеребьевке парами, замолчали, пригнулись ниже к столу.

«Не будет ли это слишком похоже на брачные пары? — подумал Биррус. — Зачем это так похоже?»

Он посмотрел на Карста. Тот сидел, закрыв опять лицо руками, и не шевелился. Пока Курганов еще говорил, он успел сообразить, что ни в коем случае не пойдет в паре с Гетой.

«Один из пары должен умереть. Другой останется жить за счет первого... Нет, в этом случае вовсе исключается возможность того, что мы оба останемся жить или оба умрем. Но даже это последнее лучше, чем... Да. А если в разных парах, то все-таки есть возможность получить одинаковую судьбу».

И опять маленький, беспокойный уголок мозга шепнул ему на ухо после ухода:

«А после операции, если кто-нибудь из вас или оба вместе останетесь жить, не все ли равно вам будет? Ведь *бесполы*, не так ли?»

Карст оторвал руки от лица и пустыми, серыми глазами посмотрел на Курганова. Он хотел что-то сказать, но махнул рукой, поднялся и принялся ходить по комнате из угла в угол.

Гаро взглянул на часы, — было около одиннадцати.

— Я думаю, к сказанному нечего прибавить. Все ясно. До завтра. Спокойной ночи.

Он встал и, надвинув шляпу на самый лоб, вышел из комнаты. Оставшиеся почувствовали себя спокойнее. Однако, разговор не клеился. Посидев еще некоторое время, все молча разошлись.

Гаро тем временем спустился в парк. Было темно, сквозь листву на бархатном, черном небе кое-где виднелись звезды. Поднимался ветер, — это обещало дождь. Парк шумел. Его стон сливался с ревом прибоя. Наступал резкий перелом погоды, обычный на севере.

«Ого, будет шторм», — подумал Гаро, потягивая носом и направляясь по узкой аллее вдоль бассейнов к беседке. Навстречу поднялась длинная, темная фигура. Пфиценмейстер уже давно ждал его здесь и успел озябнуть.

— Я вас жду, давно жду! — почти крикнул он, не стесняясь близостью дома и возможностью быть услышанным.

— Да не кричите вы... — Гаро хотел сказать «черт вас возьми», но сдержался и глухо кончил: — пойдём в беседку. Кстати, я вовсе и не опоздал.

Они вошли в павильон. Гаро плотно прикрыл двери. Уселись в плетеные кресла. Гаро молчал. Он ждал, чтобы немец заговорил первым.

— Видите ли, — начал тот, — я хотел бы знать, э... э... ну, одним словом, кое-что знать... — Он замялся, но вдруг решительно сказал:

— Над чем вы работаете?

Гаро в темноте усмехнулся. Огонь трубки освещал его жесткие усы и кончик носа.

«Поистине детская простота, — подумал он, — большой и даже старый ребенок».

— Скажите мне сначала, почему вы именно меня решили вызвать сюда? Почему вы надеетесь, что я вам отвечу?

На этот раз немец оказался словоохотливее. Он даже заторопился. В темноте слышно было, как он ерзает в своем кресле.

— Видите, мсье Гаро, я здесь уже несколько дней, но не достиг ничего. Курганов, да и все остальные, очевидно, от меня скрывают предмет своей работы. В некоторые части станции, я заметил, не хотят меня даже пускать. Я не был в питомнике, в нижних камерах, а полагал, что коллега Курганов окажется гостеприимным хозяином. Мы у себя не делаем тайны из своей работы. Работники других организаций имеют к нам свободный доступ. Мне странно... да, странно...

— Но позвольте...

— Погодите, я не кончил. Вас я вызвал сюда и надеюсь на некоторую откровенность, потому что... ну, вы мне внушаете больше доверия, что ли.

Гаро выколотил трубку о край мраморного стола и задумался. Немец ждал. В беседке стало тихо. В закрытые окна рвался все усиливающийся ветер. Темный парк, казалось, наполнился голосами и криками. Скрип флюгера все чаще тревожил осенний мрак плачущим стоном.

— Мне кажется странным, — заговорил, наконец, Гаро, — почему вам так приспичило узнать о нашей работе. Вы, насколько я знаю, прибыли сюда в качестве гостя. Простите, если я выражусь резко, вы являетесь в роли чуть ли не сыщика. Во мне вы хотите найти сообщника своей работы. Право, мне все это непонятно.

— Нет! Трижды нет! Клянусь честью. Мною руководят совсем иные побуждения. Ничего подобного!

Немец закашлялся.

— Это нужно мне, понимаете, только мне, — продолжал он. — Я знаю, что у вас очень важная и интересная работа. Это по всему видно, но никто еще не знает, что вы делаете. Меня перед отлетом сюда в Берлине предупреждали: напрасно, Курганов ничего не откроет. Но я решил узнать. Мсье Га-

ро, клянусь вам честью, что я ничего никому не скажу. Понимаете, я биолог. И я слышал странные вещи о вашей работе. Скажите мне только в общих чертах суть вашей работы, мсье Гаро.

«Как он бывает, однако, болтлив», — подумал Гаро, но продолжал молчать.

— Да, странные вещи я слышал в Лондоне в одном месте о вашей станции. Как вы ни стараетесь скрыть, все же кое-что просачивается, кое о чем поговаривают.

— О чем именно?

Пфиценмейстер наклонился к нему через стол и зашептал хриплым шепотом.

— Говорят, что Курганову удалась пересадка... перекрестная пересадка головного мозга между человеком и животным. Говорят, что недаром он выписывает из Африки негров. Потом у вас есть баран. Мне говорили даже, как его зовут: Боб, кажется. Он, говорят, умен, как человек...

Гаро откинулся на спинку кресла:

— Это мне нравится. Баран с мозгами человека! Но это все-таки не так интересно, как человек с мозгами барана.

Пфиценмейстер не понял намека, но, сбитый с толку смехом собеседника, замолчал и снова погрузился в кресло, нервно похрустывая суставами пальцев.

«Или он, действительно, простак, и здесь ничего нет кроме наивного любопытства, или... или это — тонкая бестия», — думал Гаро. Он встал.

— Уважаемый коллега, — насмешливо сказал он, — не кажется ли вам самому странным все-таки ваше предложение? Ужели вы думаете, что для удовлетворения вашего пустого любопытства я пойду на риск? Где гарантия, что все это останется между нами, если бы я даже решился посвятить вас во все? И мне не много пользы от такой роли. Как вы думаете? Посею — спокойной ночи.

Гаро медленно, но решительно направился к двери, внимательно прислушиваясь к малейшему движению немца.

«Вернет или нет?» — мелькало у него в голове.

Пфиценмейстер, сначала было упавший духом, под конец понял с кем имеет дело.

— Сколько? — крикнул он, дав дойти Гаро до двери.

— Десять тысяч фунтов.

— Пять!

Гаро издал носом звук, который должен был выразить презрение, и, открыв дверь в парк, нащупывал ногой ступеньку лестницы. Ворвался ветер.

— Восемь!

Не оборачиваясь, Гаро продолжал спускаться. Немец бросился к выходу и поймал его сзади за пиджак.

— Хорошо, я согласен, черт вас возьми.

Глухо смеясь, Гаро вернулся и сел на прежнее место.

— Я тоже согласен, — сказал он, доставая трубку, — но при одном условии: никаких подробностей вы от меня не услышите, только *что*, а не как.

Собираясь посвятить во все нового человека, Гаро вдруг представил себе, насколько это должно показаться фантастичным и невероятным. Вообще сообщение новости доставляет удовольствие; удивление и восторг слушателя отчасти переносятся и на сообщającego. А ведь это была сногшибательная новость! Гаро увлекала мысль, как отнесется к его сообщению Пфиценмейстер. И даже если бы тот отказался от уплаты десяти тысяч, он все равно не удержался бы от удовольствия ошарашить сухопарого ученого.

— Мы работаем над проблемой личного бессмертия.

Гаро зажег мегурановое огниво и, раскуривая трубку, успел рассмотреть напряженный взгляд вытаращенных глаз немца.

— И наша работа, — продолжал он, — увенчалась полным успехом. Вот все, что я могу пока вам сказать... да... пока не увижу гарантии уплаты десяти тысяч.

Гаро был великолепен (он был доволен собой). Да, черт возьми, мы — люди дела и не теряем времени на лишние разговоры.

Слышно было, как в руках Пфиценмейстера шелестит бумага.

— Посветите.

Гаро, заслонив свет полкой пиджака, зажег огонь. Химическим карандашом немец быстро подписал чек и передал

его Гаро. На бланке стоял штамп одного из крупнейших лондонских банков.

Да, это не были коммерческие люди. Вся сделка произошла в три минуты. Когда чек на десять тысяч фунтов очутился на дне бокового кармана Гаро, оба почувствовали смущение. Несмотря на развязный тон и уверенное поведение, Гаро чувствовал, что его пробирает мелкая дрожь.

Дождь и ветер барабанили в стеклянные стены беседки. Разговаривавшие умолкли. Гаро вспомнил Курганова, спокойный взгляд его холодных глаз и тот железный авторитет, каким он пользовался у всех сотрудников.

«Что может сделать этот человек, если каким-нибудь образом откроется, что я не сохранил тайны?» — подумал Гаро. Тысячи, ненужные тысячи давили ему карман. Поступок, только что совершенный с такой легкостью, стал казаться чудовищным и бессмысленным. На кой дьявол ему вообще теперь деньги? Он будет или мертв или бессмертен. Что значили эти тысячи в сравнении с предстоящим? Хорошо еще, если, действительно, Пфиценмейстер только маньяк-ученый, и им руководит безобидное любопытство, но может быть все это не так...

Гаро прислушивался к сопению немца.

«Почему я сделал это?» — спрашивал он себя и не мог ответить. Все произошло с такой молниеносной быстротой, что казалось сном. Или, действительно, прав был старший брат, назвавший его когда-то аморальным человеком?

Пфиценмейстер встал. Обойдя вокруг стола, придвинул свое кресло вплотную к стулу Гаро.

— Это правда? — прошептал он.

Гаро молчал. Помимо воли ему пришла в голову мысль, что было бы хорошо, если бы Пфиценмейстер сегодня ночью умер. Не было бы боязни. Тихо вползла другая мысль. В беседке ему сразу показалось душно.

Убить? Кто же мне мешает отдать ему эти деньги и сказать, что я пошутил? Да, это была шутка. Я хотел испытать его любопытство. Конечно, так и надо сделать. Сейчас расхожусь и скажу: «Возьмите ваш чек. Я сваял дурака. Простите, спокойной ночи».

Гаро сделал усилие, вздрогнул и хрипло произнес:

— Да, это правда.

Помолчав, добавил:

— Это страшная правда: бессмертие одного достигается смертью другого. Мы делаем такую пересадку между животными разного пола, но одного вида, такую пересадку, которая влечет за собой смерть одного из них, а другой, — другой остается бессмертным...

— О!

— Да, чтобы сделать бессмертным мужчину, мы должны убить женщину. И наоборот.

— А от животного?

— Нет, ничего не выйдет. Даже между такими близкими видами, как заяц и кролик, пересадка бывает недействительна. Чтобы обессмертить человека, надо убить человека.

— А вы не...

— Нет, еще не пробовали. В скором времени будет произведен большой опыт.

— Кто?

— Мы все.

Как бы под впечатлением какой-то новой мысли, Гаро вдруг схватил немца за руку и быстро зашептал:

— Слушайте, возьмите ваш чек обратно. Он не нужен мне, — он сунул в руку Пфиценмейстера бумажку. — Совсем не нужен мне. Я совершил мальчишескую шутку... Я вас прошу, заклинаю — никому не говорите о том, что здесь слышали, а я... знаю, вы стары, и вам хочется жить. Вы умирать не хотите, а я могу это сделать. Вы знаете, что я могу сделать? Я могу вам дать жизнь... Какой бы ни был билет, я прилечу к вам, и мы сделаем над собой...

— Какой билет?

— Ну, понимаете, они там хотят пригласить еще троих женщин до полного числа десяти. И устроить нечто вроде лотереи. Я в том числе. Пять останутся жить, а пять умрут. Я сделаю так: если мне достанется жизнь, то, оправившись после операции, найду вас и сделаю тоже... бессмертным... Кого? Найдем кого-нибудь, неужели не сумеем найти женщину, — одна капля ликкила... Не говорите, что это убийство,

ведь она и без того должна же когда-нибудь умереть, днем раньше, днем позже. Да, а если я вытащу билет с крестом, я убегу отсюда. Меня ничто не удержит. Не заставят же они силой. Я слишком люблю жизнь, чтобы...

Гаро вытер платком вспотевший лоб. Его трясла мелкая нервная дрожь.

Пфиценмейстер был первый человек вне стен станции, сознания которого достигла великая весть. Он был стар. Как все люди, он боялся смерти. Он мог с уверенностью сказать, что после смерти ему не придется курить свою послеобеденную сигару. А он ее так любил! Он любил еще тысячу всевозможных вещей, с которыми не хотел расставаться. За семьдесят четыре года он чертовски привык ко всему этому. Бывало, когда среди многих неотложных дел робко вкрадывалась мысль о неизбежной смерти, он, да и не один он, отгонял от себя ее серые щупальцы благополучным соображением: «Конечно, конечно, придется когда-нибудь умирать, все умрем, но только не сейчас; так, когда-нибудь, лет этак через двадцать, тридцать, а может быть и через все пятьдесят»...

С течением времени этот предположительный срок все уменьшался, безжалостно уменьшался. Теперь он мог предложить себе отсрочку лишь в десять, самое большее, лет. Главный враг жизни — склероз захватил всю его кровеносную систему. Иногда, просыпаясь ночью, он брал себя за пульс. И тогда свободный от посторонних мыслей мозг критически останавливался на цифре «десять» и мелькала тревожная мысль: «А не завтра ли?».

Последние годы он решил не думать о смерти. Если и приходила иногда в голову подобная мысль, то он довольствовался тем, что, как и раньше, прибегал к спасительному соображению: «Да, только не сейчас, ну хоть через... полгода, год». А украдкой он думал: «А может быть и пять лет и больше»...

Он жил, как приговоренный к казни, которому сказали: «Момент твоей гибели назначен, можешь идти и заниматься своими делами. Ты свободен. Но вот твой палач: он ни на минуту не оставит тебя одного. Ты можешь работать, путешествовать, бороться, любить, но он всегда будет рядом с

тобой, и когда придет назначенный час, он без всякого предупреждения отрубит тебе голову».

«Когда же?»

Пфиценмейстер закрыл глаза, хотя и без того было совершенно темно. Он хотел собрать разбежавшиеся мысли и справиться с охватившим его волнением.

Гаро встал.

— Больше ни слова, — сказал он, — завтра вы улетаете с Кургановым. Через месяц он вернется, и тогда... во всяком случае ждите меня. И помните — ни слова. Идем.

Внезапно он услышал какой-то всхлипывающий звук и почувствовал, что кто-то охватил его колени руками.

— Что вы делаете?

Пфиценмейстер, почти лежа на полу, держал Гаро за ноги и старчески всхлипывал.

— Не обманите меня, мсье Гаро, не обманите, я хочу жить... жить хочу...

Перед ним был теперь не надменный, сухой ученый, а несчастный, слабый старик, который не желал ложиться в могилу, хотел дышать, видеть, слышать...

«Жить хочу». Казалось, в этих двух простых словах он воплотил извечную страстную мольбу всякой живой протоплазмы.

Парк шумел все сильнее. Бездонная ночь даже твердые тела, казалось, пропитывала своим мраком. Флюгер скрипел и стонал.

— Жить хочу, — повторял старик, все крепче сжимая колени Гаро.

Ужас охватил француза. Ему показалось, что еще кто-то третий находится здесь в беседке. Это он стонет и жалуется и плачет ржавым железным хохотом. Это он бьется черными крыльями о стены беседки. Это он заставил голос старика звучать такой мертвой тоской... Гаро с силой безумия и отчаяния грубо оттолкнул от себя старика. Тот сопротивлялся. Он ударил немца кулаком по голове и с диким криком кинулся из беседки.

Дождь и свежий воздух немного успокоили Гаро. Холодная мелкая дрожь пробирала спину, пока он ощупью про-

бирался в свою комнату.

«Жить хочу» — стояло в его ушах.

Парк шумел.

— Умо, разбуди Пфиценмейстера, — говорил Курганов, одеваясь, — скоро прилетит аэрон.

Он быстро оделся и, поевившись, бегом спустился в столовую. Стеклойные стены были забрызганы дождем. Вода маленькими ручейками стекала вниз. Было холодно. Приближалась зима. Летняя столовая должна была до весны закрыться. Дождливая бурная ночь закончилась серым днем, с небом беспросветным, обложенным тучами. Было семь часов утра. Остальные обитатели станции спали. На столе дымился завтрак, приготовленный для улетающих.

Когда Курганов наливал себе второй стакан какао, в дверях появился Пфиценмейстер. Он шел не так прямо, как вчера, и задумчиво глядел себе под ноги.

«Как он, однако, стар», — подумал Курганов, кивнул ему и приглашающим жестом указал на свободный стул. Они молча принялись пить какао. Каждый думал о своем. Курганову казалось, что время идет слишком медленно. Развязка приближалась. Он не хотел загадывать. Самое главное — довести дело до первого финиша. Годам кропотливой и точной работы, не допускавшей торопливости, должен быть подведен итог через каких-нибудь тридцать-сорок дней. Лотерея должна произойти. Курганов кипел. События последних дней развертывались со сказочной быстротой. Этот вихрь, который начался здесь с приездом Курганова, захватил и приезжего гостя.

Пфиценмейстер сидел осунувшийся и пришибленный. Теперь, после ночной беседы с Гаро, он стал совсем другим человеком. Он чувствовал себя прозревшим. Жажда жизни и злобный, бешеный протест против гибели наполняли его душу, давили его. Усомниться ли в истине слов Гаро? Нет. Он знал, твердо знал, что все правда. Иначе не могло быть. Но страх, что Гаро или обманет его, или что-нибудь помешает осуществлению их плана, держал его в своих лапах. Он

хорошо понимал, что для него гораздо будет выгоднее, если Гаро вытащит билет с крестом; ему придется бежать. «И, конечно, он прибежит ко мне в Берлин, — думал Пфиценмейстер. — Если же иначе, кто его знает, с чего он вспомнит обо мне, я ему не буду нужен».

Так сидели они друг против друга и за все время завтрака не произнесли ни слова. Курганов взглянул на часы: было половина восьмого; через десять минут прилетит аэрон.

— Одевайтесь, пора, — сказал он гостю и быстро вышел из-за стола. Вчерашний разговор и совещание подстегнули его, и он решил действовать иначе и быстрее. «Лина и Гета... — думал он, — нельзя будет заниматься посвящением их в суть дела, когда надо уже будет действовать. Что мы будем делать, если которая-нибудь, а может и обе, откажутся от участия?».

Он говорил себе, «откажутся»: но сам думал: нет, этого не может быть. Но во всяком случае необходимо теперь же узнать их мнение на этот счет. И... может быть, ему придется доставать не трех компаньонов, а больше.

Курганов бегом поднялся в половину ассистенток и сильно постучал в дверь.

— Да, да, это я. Поскорее откройте. Гета? Ну, пусть она ляжет и закроется одеялом.

Бодрый и крепкий, он вскочил в комнату девушек с таким видом, будто пришел сообщить свежие и приятные новости. Лина сидела перед зеркалом в утреннем капотике, Гета лежала. Она была бледна. Черные кудри рассыпанных по подушке волос казались почти синими по контрасту с белоснежным полотном.

— Здравствуйте. Я к вам по делу. В моем распоряжении семь минут и потому ни о чем не спрашивайте и скажите только — согласны или нет.

Его голос стал тверд и резок.

— Вы знаете операции над кроликами. Теперь вы должны знать, что эти кролики бессмертны. Через месяц я вернусь, — не один, нас будет вместе с вами десять человек: пять мужчин и пять женщин. Мы будем попарно тянуть наш жребий. Вы поняли меня?

Девушки молчали.

— Я думаю, поняли? Теперь мне нужно определенно знать: согласны ли вы принять участие в этой лотерее?

Гета и Лина неподвижными, расширенными глазами смотрели на Курганова.

— Я жду.

Лина едва слышно прошептала:

— Да.

— А Карст? — спросила Гета.

Курганова как хлыстом стегнул этот вопрос. Он боялся потерять тон, боялся сомнений и слабости. Чтобы подавить нахлынувшую внезапно острую жалость, крепко стиснул зубы и совсем резко ответил:

— Конечно, и он тоже.

— Хорошо, — тихо сказала Гета, отворачивая лицо к стене, но Курганов видел, как у нее запрыгали губы.

Он круто повернулся на каблуках и выбежал из комнаты. Он прошел прямо в питомник. Оперированные вчера кролики и собачки сидели нахохлившись, как бы в полусне. Баран Боб в компании нескольких больших собак кинулся Курганову навстречу. Животные знали его и любили. Негр, чистивший клетку морских свинок, оскалил улыбкой белые зубы.

— Здравствуй, Боб, Веста, — говорил Курганов, раздавая куски панита, принесенные в кармане.

Он хотел внимательно осмотреть оперированных животных. В это время послышался далекий шум моторов. Летел большой аэрон. Надо было спешить. Курганов направился к площадке. Пфиценмейстер и Умо с чемоданами были уже там. Отлетающие уселись в большую авиэтку. Умо был на рулях. Через минуту громадный аэрон навис над парком и, весь сотрясаясь и рыча, остановился в воздухе, а спустя полминуты Курганов и Пфиценмейстер были уже на борту воздушного корабля. Умо по спирали спускался вниз к авиагаздам. Простая и удобная система подвески маленьких аппаратов к большим давала возможность всегда брать в пути пассажиров, не спускаясь на землю. Большой аэрон двинулся вперед, забирая выше, и скоро исчез в сыром, туманном горизонте.

Внизу, у дверей гаража, Умо встретили два негра. Они никак не могли привыкнуть к суровому северному климату и, несмотря на теплую одежду, сильно зябли.

Убрав авиэтку и заперев гараж, Умо по дороге говорил товарищам:

— Холодно. Масса Курганов сказал мне вчера, что через месяц отпустит нас всех в отпуск домой.

— Надолго?

— Не знаю. Он сказал, что сколько мы хотим, ну, месяц, два. Он еще обещал дать нам аэроны. Во сколько времени, ты думаешь, мы долетим до Каира?

Негры весело загоготали. Им так хотелось пожариться на горячем, родном солнце! Один из них вприпрыжку побежал сообщить новость остальным двум товарищам.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Курганов направлялся в Берлин. В отделении мозга Биоинститута работало много женщин. Некоторых он знал лично.

Он не мог дать себе отчета, почему решил искать нужных ему компаньонов исключительно среди ученых и притом из числа работающих над мозгом.

Вероятно, здесь играло роль профессиональное самолюбие. Никто как биологи, в особенности работники мозга, не мог по достоинству, с научной (не только общественной) точки зрения оценить достигнутые результаты. Он гнал от себя суетные мысли. Но помимо воли предвкушал удовольствие преподнести потрясающую новость тем, кто всю жизнь посвятил работе в этой области.

«Месяц! — думал он, — это очень много времени, но меньше нельзя, — так или иначе мы должны исчезнуть. У многих есть близкие. Да... Успею ли я в такой короткий срок найти, что нужно?..»

Мысль о предстоящем сверлила его мозг. Ему казалось, что аэрон летит слишком медленно. Курганов вышел в длинную галерею корабля и зашагал из конца в конец.

В кабине-ресторане сидела компания англичан; через открытую дверь им виден был шагающий Курганов. Проходя мимо двери в четвертый раз, он услышал свое имя. «Знают, — подумал он не то со скрытым удовлетворением, не то с раздражением. — Как легко я мог, если бы захотел, сделать самым знаменитым человеком в мире! Меня бы и проклинали и благословляли, но имя мое не сходило бы с уст...»

Ему представилось, как он в Берлине сразу отправится к секретарю Западной Ассоциации Биологов и заявит, что завтра намерен сделать чрезвычайно важный доклад. Необходимо присутствие членов Совета Труда и Оборона, Рабочего Совета и представителей всех научных организаций. Их вызовут по радио, за сорок восемь часов они успеют прилететь из Евразии и Африки. Одна только Америка не будет приглашена. Но оттуда явятся и сами, без приглашения.

«Да, — думал он, ускоряя шаги, — я взойду на кафедру, меня встретит гробовое молчание. Все будут ждать, что я скажу. О! Они приготовятся услышать что-нибудь из ряда вон выходящее. Иначе не простят ни моего затворничества, ни чрезмерной экстренности и торжественности собрания. Но никогда, ха-ха-ха, никогда самые смелые их ожидания даже близко не сравнятся с действительностью».

Он вообразил себе тот восторг, смятение и ужас, который тяжким молотом ударит по залу Берлинского Пантеона. Стоголосая молва на бумаге, по кабелям, проводам, по тонким паутинам антенн понесет его слово и, как камень, упавший в воду, встряхнет человеческий водоем.

Курганов почти бегал по галерее из конца в конец. Англичане, оставив коктейль и сигары, серьезно, но не выказывая удивления, следили за мелькавшей перед дверями фигурой. Конечно, и такое безобидное выражение внимания к тому, что их не касалось, было с английской точки зрения предосудительным. Но это были журналисты. Ни один из них не задумался бы над тем, стоит ли спуститься на парашюте в самый кратер Везувия в момент извержения, если бы это было нужно для «London's Telegraph», «Liverpool Herald» и других вполне приличных газет. Они знали, что шагающий по галерее человек — русский, ученик и преемник знаменитого Фора, ученый и великий затворник. И вот этот человек, появившийся сегодня утром на аэроме в компании длинного и сухого старика, шагает почему-то взад и вперед по коридору. Чем же может быть взволнован ученый, занимающийся в уединении таинственными исследованиями? Гм, вероятно Фор, когда нашел свой туберкозь, тоже волновался прежде чем обнародовать свое открытие. Странно...

Замечательно, что журналисты, не произнеся ни слова о своих предположениях, думали об одном и том же.

— Не находите ли вы, — сказал один из них, откусывая кончик сигары, — что шаги этого человека несколько ускорены по сравнению с нормальным?

Остальные враждебно взглянули на юного журналиста. Он был еще совсем щенок. Какой же порядочный журналист будет излагать свои соображения вслух? Ничего кроме

ненависти друг к другу они теперь не чувствовали, ибо были от разных газет. Вместо ответа, они, как по команде, выхватили записные книжки и принялись быстро писать. Молодой секунду глядел на них, вдруг бросил нераскуренную еще сигару и тоже схватился за свой блокнот.

«Да, — продолжал мечтать Курганов, — никакими силами нельзя было бы удержать это известие в стенах здания. Через пять минут уже об этом знала бы вся Евразия, Австралия, Африка. Известно стало бы и в Америке, а потом... потом...»

Нет! Этого не может быть! Он вспомнил, зачем летел в Берлин, как обстоит дело, и сразу остановился, по привычке чуть усмехнувшись углом рта. Остановился он как раз против кабины, где сидели англичане, и спиной к дверям. Сухое щелканье моментальных затворов заставило его обернуться. Маленькие аппараты, величиной не более карманных часов, еще раз протрещали и исчезли в жилетных карманах. Затем англичане быстро встали. Не обращая на Курганова никакого внимания, чуть не сбив его с ног, они быстро пошли куда-то по галерее. Молодой прибавил шагу, другие тоже. С половины пути они бегом ринулись к маленькой двери, которая вела во второй этаж. Первым проскочил в Дверь самый толстый и на вид самый неподвижный.

«Не случилось ли чего-нибудь?» — подумал Курганов и направился следом за ним.

Из второго этажа легкая винтовая лестница вела к кабине, на дверях которой было написано «Aerons-Radio-Poste». Сталкивая друг друга с узкой лестницы, англичане лезли наверх. Молча, со стиснутыми зубами, опередивший всех толстяк брыкал ногами, стряхивая с себя уцепившихся за него джентльменов. Толстому удалось открыть дверь и юркнуть в кабинку. Там места для всех не нашлось. Трое осталось на лестнице. Бешенство было написано на их лицах.

Курганов бесцеремонно наблюдал за происходящим. Неудачники-журналисты решили воспользоваться тем, что есть. Их руки опять потянулись к жилетным карманам, где лежали маленькие аппараты.

«Вот каналы! — подумал Курганов, быстро уходя прочь, — сегодня вечером мои портреты вместе с какими-нибудь нелепыми статейками появятся во всех английских газетах». Ему стало досадно, и он пошел в свою кабину. Там он застал Пфиценмейстера в глубокой задумчивости.

— Я только что подвергся нападению разбойников.

— ?

— Да. И описан и снят спереди и сзади. Этот народ пронырливее всяких сыщиков. Удивляюсь, как они узнали меня! Я слышал, как называли мое имя.

— Это не удивительно, журналисты должны знать в лицо каждого выдающегося человека. Они, вероятно, видели, как мы садились. Вашу станцию все знают. Я тоже когда-то подвергался таким преследованиям.

Пфиценмейстер сказал все это несвойственным ему мягким голосом и даже слегка улыбнулся. Курганов посмотрел на него с любопытством и удивлением. Перед ним не было уже того деревянного ученого, каким все привыкли видеть старика. Чувствовался какой-то душевный надлом, глаза его, всегда пронзительные и злые, приобрели новое, скорбное выражение.

«Как он стар», — подумал Курганов. Но мысли его скоро приняли другой оборот. Он знал назойливость и изобретательность журналистов и понимал, что они теперь его не выпустят из виду. А это было весьма некстати, грозило разрушением его планов. Он становился все серьезнее и мрачнее.

«Наверно эти проныры еще в телеграфной будке. Вероятно, успею...»

Курганов схватил свой чемодан. Не обращая внимания на удивленный взгляд немца, он быстро вышел, опустился в самую нижнюю галерею и прошел на открытый воздушный мостик. По бокам висели маленькие аэронавты; некоторые принадлежали пассажирам, летящим на корабле. Были почтовые авиетки, служившие для связи с Землей во время пути. Внизу широко расстиралось море. Было пасмурно. Турман заволакивал горизонт.

— Где летим? — спросил Курганов у одного из стоявших на мостике. Судя по форме, это были матросы аэрона. У них

на фуражках, как и на корпусе последнего, стояло: «a-Ut-18».

— Прошли Борнгольм, — ответил один из них, — в Штеттине посадка.

— Мне нужно не в Штеттин, а в Кольберг, я не могу терять ни минуты, можете вы отвезти меня туда на авиэтке?

— Можно. Это будет стоить полфунта.

— Хорошо. Только скорее.

Матрос нажал кнопку звонка. Из кабины вышел пилот.

«Только бы не увидели, а то кинутся в погоню», — думал Курганов, усаживаясь в авиэтку. Через минуту громада большого корабля, как черная туча, исчезла в тумане. Авиэтка бабочкой летела к берегу.

«Спасен, — убедился Курганов, — погони нет». Ему удалось обмануть навязчивых репортеров. Спустя полчаса он уже сидел на кольбергском вокзале в вагон магнитной железной дороги.

Метрополитен доставил его к подземным камерам Биоинститута. Курганов не успел оглянуться, как стало вечереть. Ему отвели комнату в самом верхнем этаже здания. Из окна была видна вся западная часть города: верхние этажи высоких, ажурных построек и реющие по всем направлениям тучи летательных машин были позолочены закатом. Солнце село. Город спорил с уходящим светилом блеском и яркостью искусственного света.

Закусив и закулив папиросу, Курганов почувствовал смертельную усталость. Ни о чем не думая, он бросился на кровать и заснул, как убитый.

Утром Курганов спросил английскую газету. На второй странице он нашел два своих портрета. На одном из них был виден только его затылок и рядом крупный заголовок: «Странное поведение русского ученого». Он со злостью отшвырнул от себя газету. Но любопытство превозмогло: «Интересно все же узнать, что настроили эти каналы!» Курганов прочел статейку, в которой говорилось, что известный русский ученый «Кургановф», вероятно, скоро выступит с

важным и интересным докладом о своей работе. Вероятно, неудачи сильно беспокоят его, потому что во время перелета со своей станции в Европу названный ученый обнаруживал признаки глубокого душевного волнения. Курганов не стал дальше читать. Ему стало смешно. Ну, и мастера! Они все выдумали, но близки к истине. Это почти ясновидение, черт возьми! Все-таки лучше им на глаза не попадаться.

Внезапное появление Курганова в Берлине вызвало сенсацию в научных кругах. Первые дни он был центром всеобщего внимания. Но с первых же частных и полуофициальных бесед стало ясно, что Курганов не выскажется. В этом всеобщем мнении менее всего был повинен сам Курганов, если не считать его заключительной фразы на частном банкете в секции краниологов:

— Можно предполагать... мы имеем основание... — поправился Курганов, — что очередные методы решения проблемы продления жизни уже открывают перед нами возможность непосредственного опыта над человеком. Но методы эти и, следовательно, сам опыт угрожает нам по существу своему никогда не выйти из пределов теории.

Не взрыв аплодисментов, а взрыв вопросов покрыл речь загадочного ученого. Курганов отвечал вяло, явно не договаривая, и походил, как потом выразился один молодой доцент, на профессора, забывшего курс и экзаменуемого аудиторией своих слушателей.

«Курганов знает больше всех», — это стало аксиомой и сделало его воплощением тайны, покрыло обаянием сверхчеловечности. Одного намека Курганова было достаточно для того, чтобы все живое и мертвое богатейшее оборудование научного городка оказалось к его услугам. Но Курганов остановился на очень немногом. Он просил предоставить в его распоряжение небольшой рентгенологический кабинет и несколько кроликов и морских свинок. Поселился он в угловой комнате интерната с окнами, выходящими в великолепный ботанический сад.

— Однако, я очень не хотел бы, — говорил Курганов сопровождавшему его на новоселье директору института, —

стать предметом любопытства и послужить приманкой для интервьюеров и... тем самым невольно нарушать ваш порядок.

— Будьте уверены, коллега, что ваш порядок и покой нарушены не будут, — ответил ему директор, худой, бритый, необыкновенно красивый старик.

Потекли дни, потом недели. К удивлению обитателей Биоинститута, Курганов почти не работал. Дни и ночи просиживал он в плющевой, уже оголенной беседке нижнего субарктического отделения сада. Беседка эта навсегда с тех пор сохранила название «беседки Курганова». Скоро обнаружилось, что русский ученый совсем не избегает общества. Открылось большее: старый русский ученый явно предпочитал мужскому обществу женское. И, что греха таить, предпочитал молодых и хорошеньких собеседниц другим. Когда на этот счет исчезли всякие сомнения, Курганов очутился на положении не только курортного, но и таинственного инкогнито-богача.

Действительно, никакой курорт не мог бы похвастать таким загадочным «больным» и столь же богатым. Курганов только раз раскрыл свой научный бумажник, дал одно маленькое наблюдение, собственно, только одну реакцию. И из Берлина по всему миру прокатилась волна окрыленной надежды, бесспорной уверенности в скором решении проблемы лечения одного из стойких психических заболеваний. Ошеломляющее открытие Курганова всецело захватило весь окружавший его мужской мир. Казалось, Курганов скажет еще одно, последнее слово. Этого слова ждали все. Никто не хотел думать, что для творца предложенной реакции есть предел.

Много и много иначе настроился к Курганову женский персонал многолюдного Биоинститута. Разгаданное предпочтение, как лезвие, одним ударом раскололо на два враждующих лагеря мирный круг сотрудниц. Рядом со всемирной славой ученого в ботаническом саду Биоинститута свила себе гнездо злая, пошлая птица передраг, сплетен, ревности и клеветы. Только громадный авторитет Курганова удерживал не одну из заслуженных матрон ученого заведения

от публичного признания его ловеласом. Знал ли об этом сам Курганов? Несомненно, знал. И, казалось, не обращал внимания. Это обстоятельство более всего удивляло мужчин.

В самой природе Курганова творилось что-то странное, во всяком случае для него самого неожиданное. Бесповоротное решение подвергнуться уничтожению или чему-то вроде загробного существования без перемены места, сознание выпавшего на его долю научного мессианства, всеобщее поклонение — вызвало в организме Курганова резкую реакцию. Он сам себе признавался, с какой радостью встретил давно забытый им час жизнерадостной бодрости, особой мужской энергии, когда тело кажется спаянным из упругих пружин, легкие неудержимо и ненасытно поглощают воздух, все блюда кажутся необыкновенно вкусными, хочется быть хорошо и ловко одетым, а без музыки жизнь становится бесцветной и скучной...

Здесь не было самообмана. Курганов поражал давно знавших его своим внешним видом. Звучный голос, хороший рост, статная фигура все неизменные признаки врожденной красоты делали Курганова чрезвычайно привлекательным носителем выпавшей на его долю славы. Обаяние, окружавшее его личность, во многих, очень многих женских сердцах претворилось в нечто более сложное, более интимное. Курганов отдался течению, как пловец, для которого не существовало больше берегов спасения от душевных бурь. Самая буря казалась ему лишь попутным вихрем в им же созданную роковую неизвестность.

Берлинский — лучший в Европе — ботанический сад праздновал свой второй в году праздник — осень. Вся сила природы и человеческих знаний была использована здесь. Подвигаясь с севера на юг, посетитель проникал на протяжении всего девяти километров из одной растительной зоны в другую, начиная приполярной флорой и кончая тропической. Переходы от одной зоны к другой выполнены были с такой тщательностью и постепенностью, что у путешественника создавалась неотразимая иллюзия необыкновен-

ной быстроты передвижения: мнилось, каждый шаг уносил очарованный взор навстречу чащам, веселым цветочным полянам или дебрям, где встреча с носорогом или слоном не показалась бы странной.

Сам институт был расположен среди нормального среднегерманского пейзажа. Дубовая восточная аллея соединяла его с меридиональной. По ней в обе стороны между двумя помещенными один над другим рельсами двигались странного вида вагонетки. Очертаниями своими они несколько напоминали велосипеды, но оба колеса их достигали четырех метров в диаметре каждое. В промежутке между колесами могли удобно поместиться в кабине человек восемь. Биксты, — так назывались эти механизмы-автоматы, — являлись настоящим идеалом техники. Они двигались с максимальной скоростью, при полной плавности и беззвучности, а главное — абсолютной безопасности. Управлять бикстом мог каждый, даже ребенок. Вожатого не было. Столкновения исключались, бикст не мог приблизиться к другому ближе известного, предельного, расстояния. Все биксты, а их было четыре, двигались одновременно и с одинаковой скоростью. С любой станции (их было тоже четыре) можно было остановить в пути любой бикст, следовательно и все машины. Достигнуть того же можно было с любого из них, останавливая свой. Весь круг в двадцать километров длиной бикст мог покрыть в три минуты. Эта скорость не была предельной, так как путь не представлял прямой. С любой станции можно было послать бикст без провожатого. Он автоматически останавливался там, где это было желательно посланному. Несмотря на колоссальную скорость движения, бикст никакими предостерегающими сигналами снабжен не был. Это было излишне. Его ведущий нижний рельс был подвешен на высоте роста человека. Кроме того, всякое прикосновение к нему вызывало чувствительный разряд и тем делало путь автоматически «неприкосновенным». При незакрытых дверях бикст не трогался с места; а во время движения двери бикста нельзя было открыть.

Вопреки ожиданиям, среди глубокой осени установилась ясная и теплая погода. Волна нарядной публики, как

морской прилив, каждый день с вечера и до поздней ночи заливала ботанический сад Биоинститута. Только по пятницам посторонние в сад не допускались. В этот день там кипела очередная работа, производился генеральный осмотр и т. д., а вечер посвящался интимно-профессиональной беседе на полукрытой веранде концертгауза. В этом месте ни разу никто не пожаловался на то, что ему помешала при обсуждении самых серьезных вопросов хорошая квартетная соната или добрая кружка пива. Нечего и говорить о том, что Курганов оказался в центре этих в равной мере остроумных и веселых собраний. Пил он немного. Какого-либо возбуждения, разговорчивости не проявлял. Только лицо его заметно бледнело, глаза становились большими. Курганов только слушал и отвечал на вопросы, пристально глядя в лицо одного из присутствующих. Манера Курганова фиксировать свой взгляд на первом попавшемся лице вызывала немало комичных историй. Место перед Кургановым оказывалось слишком ответственным постом. Желающих занимать его становилось все меньше. И, наконец, этот пост всеми и охотно был уступлен на монопольных правах одной брюнетке из лаборанток. Только она была в состоянии выдерживать глубокий, неподвижный взор Курганова. И мера ее в этом отношении оказалась бездонной. В том, как вообще занимали места женщины на пятничных собраниях, скоро была замечена известная система. Почти кольцом, поближе к Курганову, размещались более пожилые, замужние. Менее красивые девушки рассаживались среди мужчин. А те, чья красота открыто могла торжествовать и к которым бесспорно принадлежали японка Ай и неразлучная с ней мисс Лилэнд, держались в сторонке. Однако, в тот день, на котором мы остановимся, очаровательная, нестерпимо изящная Ай оказалась рядом, по левую сторону от Курганова. Еще левее, стул к стулу, поместилась возле японки Лилэнд. Ее голова почти все время покоилась на плече подруги, и светлые локоны переплетались с лепестками алой хризантемы, «зиявшей», — по выражению подруг, — на груди Ай. Другая хризантема белоснежным солнцем сияла на темно-синем смокинге Курганова. Никто не знал, при каких обстоятельствах

она очутилась на своем месте. Теперь, при виде Ай и Курганова рядом, мысль каждого из присутствующих невольно сплетала с главной тайной Курганова тайну двух хризантем. Многим невольно казалось, что ученое учреждение нашло в лице Ай своего чрезвычайного представителя, обладающего ключом к разгадке сокровенных тайн Курганова. Одних это радовало, другие просто примирялись с фактом, иным казалось обидным. Большинство мужчин, в особенности заслуженная профессура, молчаливо сходилась на том, что по-русски выражается поговоркой: «Седина в бороду, бес в ребро». Но личность Курганова сама по себе ставила его и умственно и физически как бы выше закона и критики, а потому вряд ли бы кто признал получаемый Кургановым приз чрезмерным. Не мог казаться этот приз и специфически женским, подчеркивающим «слабость» Курганова. Ай была талантливой племянницей знаменитого физиолога Сакуши. Тайной близостью веяло на всех от Ай и Курганова, особенно, когда он опускал свою тяжелую руку на поручень кресла Ай и как бы добродушно разглядывал очутившуюся под его рукой руку Ай.

Было за полночь, когда собрание стало расходиться. Курганов, по своему обыкновению, один отправился домой. Он шел парком, залитым ночью — черной и теплой. Можно было пройти к себе ярко освещенной крытой аллеей, но Курганов свернул в окружающий мрак. Не без труда, почти ощупью, больше руководствуясь серым просветом над головой, достиг стадиона. Привыкший к темноте глаз уловил ряд тусклых кругов — это были гигантские колеса спящих бикстов. Курганов поднялся на перрон, занял место в переднем биксте и, захлопнув за собой со звоном дверцу, дал полный ход молниеносной машине. Как разбуженная ночная птица, она бесшумно снялась с места, плавно и стремительно понеслась с вибрирующим звуком напряженных крыльев все вниз куда-то, вниз... Курганов мчался на север. Вот впереди просвет. Дальше, он знал уже, начинается за поляной бело-мошный бор, древний, могучий. Плавный поворот рычага влево, потом вниз и — птица окунулась во что-то вязкое. Курганова с силой прижало к пружинной опоре. Бикст ос-

тановился.

Что это? Не успел Курганов отойти от машины на несколько шагов, как за ним послышалось характерное роко-тание, и в тот же миг белые кольца колес растаяли в темноте. Машина Курганова умчалась дальше, и в то же время растущий со стороны поляны свист объяснил Курганову, в чем дело. Белый силуэт другого бикста, как призрак, вынырнул из-за черной колоннады бора и остановился на том самом месте, где несколькими секундами ранее стоял бикст Курганова. Мягкий звон открываемой дверцы, легкий шорох шагов по трапу, затем секунда тишины, и перед прислонившимся к стволу сосны Кургановым выросла тень. Хорошо знакомый белый шарф Ай окаймлял эту тень...

Прошло несколько долгих секунд. Курганов не шевелился. Он чувствовал, что нужно переступить черту, сделать шаг назад в далекое прошлое, когда так же билось сердце в виски, жизнь была без вопросов и тайн, исполненной сладостных и реальных чудес...

Неподвижной остается тень. Кто знает, не отделяет ли и ее та же черта от человека в трех шагах? И не кажется ли ей эта черта роковой? Не думает ли она над своим, быть может, первым шагом вперед? Курганов отделился от сосны, снял шляпу, низко поклонился Ай и, взяв ее под руку, бережно вывел на знакомую ему тропу. Пошли медленно и молча. «Два мира, два мира, — навязчиво просилась в сознание Курганова мысль, — два мира!» Но он не мог и не хотел осознать ее. В смолистый запах осеннего бора вторгалась струя особенного, присущего только Ай, аромата духов, едва уловимого и непреодолимого, как осязаемая воля прекрасной, любящей женщины.

— Вас это... удивляет? — тихо, строго нарушила молчание Ай.

— Нет, — тоном раздумья ответил Курганов, освобождая руку Ай и вынимая портсигар, — я вижу, что я вам кажусь, так же, так и самому себе, много моложе своих лет... Впрочем, я надеюсь, что вы меня и не собирались удивлять.

— А вы?

— То есть, собирался ли удивлять вас я?

— Да, — коротко ответила Ай.

Курганов помолчал, потом остановился; остановилась и Ай.

— Вы, — начал Курганов, — вы, Ай, знаете все. Вряд ли я ошибаюсь. Помолчим минутку... Вы слышите, как тих этот бор, как тих его предзимний, быть может, последний в жизни сон... Скоро рушатся под напором бури один за другим гиганты. Кто раскинулся выше, в ком силы больше, тот будет повержен первым и увлечет за собой, раздавит все, что окажется ближе... Прислушайтесь к бору, прислушайтесь, Ай, к себе... Быть может, только сегодня, здесь я достаточно слаб, чтобы вас... пожалеть.

— Пожалеть?

— Да. Сегодня, здесь я равен вам. Сейчас я могу думать о том, о чем не думал вчера и не буду думать завтра. Нет, впрочем, не так... Сегодня я вовсе не способен думать.

— Так же, как и я?

Долго Ай оставалась неподвижной. Молчали оба. Наконец, Ай заговорила устало, заметно дрожащим голосом.

— Расскажите мне все... Я хочу знать, куда меня влечет... Что-то властвует надо мной...

Она сошла с тропинки и опустилась на шуршавший брусничник.

— Что властвует над вами? — переспросил Курганов, с треском ломая сухие ветки над головой. — Не знаю. Должно быть, то же, что и надо мной. Вы ожидаете от меня всего? Хорошо. Есть еще шестеро, узнавших все до вас. Это мои друзья и сотрудники. Их шестеро, я седьмой. Когда нас будет всех десять, когда все десятеро себя обрекут, — из них останется пять бессмертных... пять, — повторил Курганов таким тоном, как будто сам не был уверен, велика ли эта цифра или мала.

Он замолчал, но тот же надорванный голос Ай звал его дальше.

— Я хочу все знать... все!

Ай как будто уже решала вопрос о восьмом обреченном.

Долго и просто говорил Курганов. Долго, без вопросов и удивлений, слушала его сжавшаяся в комочек Ай. И, мни-

лось, понимал его молчавший в тяжелой, старческой дреме предзимней ночи многовековой бор... О чем думают они, эти живые колонны?

Четыре дня сеял мелкий дождь. Пустынный парк заволокло холодным туманом. Серый день незаметно переходил в сумерки. Курганов сидел на крытой галерее и смотрел, как бродит по клумбам обмокшая лошадь, обнюхивает почерневшие георгины. Вошла Ай. Курганова поразило ее лицо: строгое, бледное, приспущенные веки. Шла она, как будто стараясь не упасть, и в то же время подвигалась настойчиво, уверенно к невидимой цели. Ее холодная детская рука задержались в руке Курганова. Перемена, совершавшаяся на его глазах с Ай не по дням, а по часам, казалась чрезмерной. Хризантема алой раной по-прежнему зияла на ее груди. «Обреченная», — улыбнулся кому-то бесконечно большому и сильному Курганов и стал равнодушно ждать, что будет.

— Я вам хочу сказать, — начала, как скучный, ненужный урок, кусая запекшиеся губы, Ай, — что Лилэнд решилась... тоже умереть. Иттли не расставалась с ней после припадка... Я... мне нужно... — Ай беспомощно взглянула на Курганова, — мне необходима уверенность... поймите вы... они не оставляют меня одну, они... решили меня провожать до конца! — Последние слова Ай буквально прокричала тоном безысходного горя и отчаяния. — Дайте мне... дайте мне оправдание! — продолжала она, приближая полные слез глаза к лицу Курганова, и вдруг: — Слушайте! — крикнула Ай со странной для нее энергией, поднимаясь со стула и застывая в позе мучительного ожидания, затем тихо и едва шевеля губами: — вы... любили меня?

Курганов не смотрел вдаль в туманы парка. Потом перевел глаза на Ай и заговорил с расстановкой:

— Боюсь, что не удовлетворю вас. Могу говорить только о том, что мне известно. Но... я знаю столько же, сколько вы. Все это касалось вас, касалось и меня... Я жил своей и вашей жизнью. Как это называется, что значит?.. Вам тоже безразлично.

— Слушайте, — как-то вдруг оседая, с тихой мольбой прошептала Ай, — станьте на один миг человеком... Человеком. Скажите мне один раз, была ли я вашей радостью?

— Зачем это? — пожал плечами Курганов, — вы ищите оправданий себе, потом поищите мне. У кого?

Ай молчала.

— Вы — у меня, а я — у вас?

Короткая улыбка, полная дружбы, озарила суровое лицо ученого. Он отвернулся, брови разделились глубокой складкой.

— Пусть оправдается живущий перед мертвым, мертвец перед живым, бессмертный перед смертным, а пока... я оправдываю, как умею, час своего рождения, и кто меня оправдает и будет ли оправдан сам — не знаю. Я сам себе судья. Но... — Курганов потер себе лоб, — вам почему то нужны слова о том, что было и что есть. Об этом стоит говорить разве тогда, когда стоит говорить о том, что будет. Что будет, вы, Ай, знаете. А что будет с этой... радостью, — это для меня будет безразлично. Мой путь другой.

— Другой? — повторила задумчиво Ай, вглядываясь в глаза Курганова, — вы решили уехать?

— Да.

— Поздно, — так же просто ответила Курганову Ай, опуская ладони на его широкие плечи. Расширенный взор ее, казалось, читал итоги роковой тайны... внезапно сковавшей жизнь ее и всех ей близких.

В Берлине Курганова несколько раз навещал Пфиценмейстер. Это был единственный человек, который знал, для чего сюда явился Курганов. Он приходил обыкновенно вечером, молча просиживал полчаса и прощался. Он не мог говорить о главном, о том, что выбило его из колеи привычной жизни.

За две недели он постарел и осунулся лет на десять. Курганов объяснял эту перемену по-своему: «Старик скоро умрет, перед смертью бывают такие перемены, в особенности пе-

ред смертью от старости, когда насквозь отравленный организм как-то сразу сдает все позиции. Капитуляция...»

Перед смертью! Старик думал наоборот и никогда так не страшился смерти. Он боялся, что не доживет до того дня, когда к нему прилетит Гаро. Он знал, что сердце его может остановиться каждую минуту, и усиленно берегся, избегал быстрых движений, питался отборной пищей, бросил всякую работу. Он спал при огне, заставлял своего слугу, такого же старого, как и он сам, ложиться рядом на постели и будить, толкать его, если его дыхание станет ненормальным. Он целыми часами просиживал в кресле, держась за пульс и считая удары сердца. А пульс был полный и жесткий. Он, как врач, хорошо знал, что значит повышенное давление и склероз. Страх и самовнушение доводили его чуть не до обморока. Он кричал, звал к себе старика Франца и вместе с ним отправлялся на прогулку, но и здесь мрачные мысли не оставляли его. Он был близок к безумию. Иногда ему хотелось броситься Курганову в ноги, попросить, чтобы он принял и его в компанию, но он боялся отказа. Тогда, кроме всего, стало бы известно, что кто-то выдал тайну. Весь план, возможно, полетел бы кувырком. Он больше надеялся на Гаро, и в то же время сильно опасался, что тот обманет его.

В Биоинституте он появлялся редко. Видали только, как он изможденной тенью, медленно и ни на кого не обращая внимания, проходил в комнату Курганова. Многие, пользуясь редким случаем, ловили его на пути и пытались завести разговор. Все знали, что он недавно посетил Балтийскую станцию. Дряхлый ученый бессмысленно взглядывал в лицо встречного и, опустив глаза, торопился обойти вопрошающего, как препятствие на пути. Это поведение еще более укрепляло мнение о его ненормальности.

— Пфиценмейстер скоро умрет, он совсем плох, — говорили знали его. А он жил и считал часы и минуты.

ГЛАВА ПЯТАЯ

С отъездом Курганова на станции потянулись тяжелые дни. Шли дожди. Долгими осенними ночами ревел и стонал старый парк. На поверхности канала желтым узором плавали опавшие листья.

Работы не было никакой. Все ждали Курганова. Не слышно было ни громких разговоров, ни веселого смеха Геты. Карст не разлучался с ней, медовый месяц был во всяком случае последним их месяцем. Никто на них не обращал внимания. Каждый думал о себе. Лина решительно избегала Гаро. Никто ни с кем не разговаривал, избегали даже смотреть друг другу в глаза, а если и говорили, то о посторонних вещах.

Их здесь шестеро. Наверно половина обречена на гибель... Они свободны и могут уйти каждую минуту, но что-то сильное удерживает на месте, заставляет ждать развязки. Это не был страх, потому что никто из этих людей не отказался бы от участия в жребии жизни и смерти. Это была покорность тому, что, несмотря на ужас, влечет к себе и подчиняет.

Один Гаро чувствовал себя несколько легче. Он надеялся спастись, но в то же время понимал, что его план не легок. Неизвестно, что и как будет делать Курганов. Покусывающая жесткие усы, Гаро часами простаивал у окон террасы и пустым взглядом следил за летящими по ветру листьями.

Карст и Гета чувствовали себя, как эфемерные поденки в разгар лета. Оставив воду, где они живут в стадии личинки, эти насекомые роями поднимаются на воздух и, как снежные хлопья, несутся в упоительном танце. Они не имеют даже рта. Те несколько часов жизни, которые им принадлежат, посвящают только любви. К вечеру, когда сядет солнце, они все умирают. Жалкие их трупы и сброшенные шкурки иногда целым слоем покрывают берега рек и дорог. Карст с Гетой горели, сжигали себя. Смерть или бесполое существование, что они могли бы предпочесть? И то и другое одинаково леденило кровь. Но если бы им предложили бежать отсюда, они бы, конечно, решительно отказались. Нормаль-

ное продолжение жизни ничем не соблазняло их. Чем лучше для них была неминуемая старость? Разве могли они и хотели спокойно дожидаться того времени, когда на смену острому, захватывающему чувству придет пресная водица привычки, равнодушие, скука, а за ними разлагающая тело старость и, наконец, неизбежная смерть? Сидя в сумеречные осенние вечера на диване в комнате Карста, они целые часы проводили в молчании. Только руки их цепко сплетались, и до боли сжимал Карст бледные, тонкие пальчики Геты, словно хотел защитить от неумолимого, что надвигалось все ближе. Бурные взаимные ласки, так же, как и украдкой брошенный взор, одинаково были понятны каждому. Казалось, они обладали одним мозгом и одной душой...

Когда настал назначенный Кургановым срок, подавленность и тишина на станции еще более усилились. Каждым ранним утром пролетал большой аэрон с Юга. Никто не спал в этот час. Как приговоренный к смерти прислушивается в предрассветный час, не раздадутся ли шаги его палачей, так каждый со сжавшимся сердцем встречал шум моторов летящего аэрона. В это время все бывали у окон: остановится или нет? И когда, не останавливаясь, аэрон пролетал дальше, все испытывали странное чувство не то радости, не то разочарования...

Наконец, в одно серое утро аэрон не пролетел мимо, а остановился над парком. От него отделилась и скользнула вниз белая авиэтка. Гета и Карст стояли в это время у окна в его комнате. Гета повернулась к Карсту и, охватив его руками, спрятала лицо в складках его пиджака. Большой и сильный, он стоял, не шевелясь. Ему нечего было сказать.

Негры внесли чемоданы в большой вестибюль. Вслед за ними вошел Курганов в сопровождении трех незнакомых женщин в серых дорожных костюмах.

— Знакомьтесь, — сказал Курганов вышедшим его встречать, — мисс Иттли, мисс Ай и Лилэнд.

Передав прибывших на попечение Геты и Лины, Курганов подозвал Бирруса. Несколько минут он серьезно с ним разговаривал, затем вместе отправились в питомник. Две пары кроликов и столько же собачек, оперированных им на-

кануне отлета, сидели поодиночке в разных клетках. Курганов сразу занялся теми, которым была сделана параллельная пересадка, — между животными одного пола. Последняя степень истощения сделала их похожими на трупы.

— Они скоро умрут, — сказал Биррус.

— Да, они умрут от старости, хотя это молодые животные. Пересадив к ним бэтную долю от животных того же пола, мы в величайшей степени усилили результат действия их пола на собственный организм и тем самым ускорили наступление старости и неразлучной с ней «нормальной» смерти. А вот у этих, — продолжал Курганов, переходя к клеткам животных, которым была сделана перекрестная пересадка, — у этих мы нейтрализовали пол. Вся внутренняя секреция их преобразовалась. Они бесполы, но... бессмертны.

— Что мы сделаем с этим зверинцем? — спросил Биррус. — И, кроме того, негры...

— О неграх я уже подумал, — перебил Курганов, — а с питомником придется сделать то же самое, что и со всей станцией, — взорвать.

— Ты думаешь?

— Конечно. У нас будет пять трупов. Остальным тоже нельзя оставаться здесь. Взрыв припишут несчастной случайности и... не будет никаких подозрений. Неграм я дам аэроны, пусть летят домой.

— Жалко мне Боба и собак, — сказал Биррус, глядя обступивших его животных.

— Да, но придется. Никаких следов нашей работы не должно остаться.

Пришел негр и доложил, что завтрак подан.

— Позови Умо, — сказал Курганов, направляясь в дом. Интересно, — продолжал он, обращаясь к Биррусу, — что очень давно замечена была связь между продолжительностью жизни и функцией пола. Первые попытки «омоложения» сводились к операциям над самими органами. Они, конечно, были безуспешны, потому что оставался центр. Мы же добрались до главного хозяина. Мне недавно попала на глаза старая книга «Общая гормонология», кажется, док-

тора Чи-Тсу. Он весьма близко подошел к этому вопросу, но, как это часто бывает, в то время не обратили должного внимания на его работы.

— Ты говорил, что наблюдал излучение бэтной доли каких-то лучей. Интересно было бы знать, отличаются ли чем-нибудь по существу излучения этой части мозга у самцов и самок?

— Отличаются. Иначе не может быть. Действие пересадки я себе представляю именно как результат совмещенного излучения, напоминающего интерференцию. Атрофия и исчезновение половых органов является неизбежным следствием, во всяком случае, их специальная иннервация* тотчас прекращается. Я рассматриваю весь организм как функцию мозга, и только строго придерживаясь такой точки зрения, я не сделал тех ошибок, которые делали напрасной всю работу моих предшественников.

В зимней столовой, внизу, все были уже в сборе. Теперь за стол садилось десять человек. Каждый мужчина имел свою даму. Завтрак прошел в молчании. Никто почти ничего не ел. Все чувствовали себя, как на поминках по умершем. Пришел Умо.

— Завтра утром можете лететь, — сказал ему Курганов, — возьмите два аэрона. Поживите там сколько хотите. Мы обойдемся. Нас теперь здесь много, — он с улыбкой кивнул в сторону прилетевших с ним компаньонов.

— Хорошо, масса, — мы вернемся через два месяца.

— Ну, ну, можете и дольше.

Едва сдерживая радостную улыбку, старый негр повернулся и пошел сначала медленно, для приличия, но, выйдя за дверь, пустился бегом. Он торопился обрадовать своих товарищей.

— Через час будьте все здесь, — сказал Курганов, вставая из-за стола.

Никогда еще на станции не было так тихо, как в этот час. Даже негры не бродили по дому. Они в своей комнате об-

* Влияние нервов на отправления организма.

суждали, как используют отпуск. Курганов заперся у себя. Гаро ушел в парк. Все притаились поодиночке. Только Гета и Карст сидели вдвоем, но и они молчали. Этот час показался всем бесконечным.

Наконец, раздались на лестнице твердые шаги Курганова. Слышно было, как он прошел в столовую. Гета и Карст явились последними. Все были уже в сборе.

— Мы начнем завтра, — говорил Курганов спокойным, жестким голосом, глядя в окно, — тотчас же после отлета негров. В пять ступок будет положено по два билета: пустой и с крестиком. Мы разделимся на пары и будем тянуть свой жребий. Над первой парой пересадку произведем тотчас же. С остальными придется подождать несколько дней, чтобы выяснить первые результаты опыта. Конечно, всем парам сразу брать билеты не обязательно. Мы можем сначала, тоже при помощи жребия, избрать первую пару. Нельзя всем одновременно идти под нож. Для последней пары не осталось бы оператора. Придется подождать выздоровления одного из оперированных. Из нас здесь пересадку делают: Гаро, Биррус, Карст, Уокер и я. Из этого числа, вне сомнения, кто-нибудь останется в живых.

— Не может ли получиться так, — заметил Уокер, — что из каждой пары крест достанется мужчине, и последняя пара не сможет быть оперирована? Наши женщины не умеют...

— Этого не может быть. Не может один случай повториться пять раз. Это маловероятно. Но вообще нежелательно, чтобы бессмертие досталось группе какого-либо одного пола.

— Но если все-таки так случится?

— Будем играть снова.

Курганов задумался.

— Оставшиеся в живых, — сказал он через минуту, — должны будут уничтожить трупы. Их можно сжечь сильными разрядами мегурановых батарей. Станцию, питомник и все постройки надо взорвать теми же батареями. В наших силовых установках — запас энергии на десять лет. Если всю эту энергию освободить сразу, то на месте станции и парка останется пустое место. Бессмертные улетят куда-нибудь подальше. Когда почувствуют себя в силах, должны будут при-

няться за работу. Они займутся изучением излучений бэт-ной доли и поставят себе задачу найти способ достижения личного бессмертия не той ценой, какой собираемся платить мы. Я думаю, что это достижимо. Вообще всех здесь присутствующих я просил бы смотреть на наш предстоящий опыт как на средство продолжать работу, не стесняясь временем и без необходимости передавать дело другим. Моря крови прольются, если наше открытие в своем настоящем виде проникнет в мир. Бессмертные ни на минуту не должны забывать, что в их руках опаснейшее взрывчатое вещество. Пока не решен еще классовый вопрос, бессмертие, выпущенное на свободу, может стать не величайшим благодеянием, а ужасным, кошмарным средством порабощения и насилия. Вот все, что я хотел вам сказать. До завтра!

Курганов ушел. Остальные тоже расходились. По дороге Биррус остановил Карста. Когда они остались одни, тихо сказал:

— Вообрази, если Курганов не попадет в число бессмертных...

— Да, я давно об этом думаю и, знаешь что... — он наклонился к уху Бирруса и зашептал. Тот серьезно кивнул головой и тотчас куда-то быстро пошел.

Через полчаса все мужчины, за исключением Курганова, собрались в комнате Бирруса. Они сошлись на том, что нельзя лишиться Курганова и остаться без руководителя. Вся игра не стоит свеч, бессмысленны какие бы то ни было жертвы, если слепой случай уничтожит Курганова и даст бессмертие другим. Конечно, и сам Курганов хорошо это понимает, но не может же он, хотя бы для пользы дела, для всего человечества, предъявлять сейчас, здесь свои преимущественные права на жизнь. Карст предложил один выход, сначала всем показавшийся вполне приемлемым.

— Если Курганову достанется билет с крестом, тот из мужчин, у кого билет окажется пустой, поменяется с ним. Кто из нас откажется заплатить за него своей жизнью?

— Нет. Он никогда на это не согласится, — подумав, сказал Уокер.

— Мы заставим его! Иначе вся эта комедия — одна нелепость. Пять бессмертных не стоят одного смертного Курганова...

— Надо сейчас же принять меры, сказать ему. Иначе, попав в последнюю пару, он может погибнуть!

— Поймите, что он не может согласиться. Вы все испортите...

Биррус в волнении встал.

— Неправда. Мы должны стараться, чтобы Курганов обязательно попал в последнюю пару. Вы понимаете меня? — он понизил голос. — Пересадку будет делать один из нас и перед ним будут лежать под ликкилом двое: Курганов и... еще кто-то.

— Тогда вопрос проще решается. Никакого самопожертвования не надо, — заметил Гаро. — Не завидую я той особе, которая будет в паре с Кургановым. Хе-хе-хе!

Карст бросил на него взгляд, заставивший его съежиться и замолчать.

Мужчины больше не спорили. Они поняли Бирруса. Было решено, в случае необходимости, пренебречь решением судьбы и, кем-то пожертвовав, дать жизнь Курганову. Важно было, чтобы тот пока ни о чем не догадывался и чтобы он обязательно попал в последнюю пару. Они боялись противодействия женщин.

— Может быть, на наше счастье, Курганову достанется пустой билет, — говорил Уокер Карсту, выйдя на террасу, — все-таки это насилие то, что мы решили, — и насилие над женщиной.

— Выход есть, но, пожалуй, верно, что Курганов никогда не согласится на замену. Самопожертвование! — вспомнил Карст слова Гаро — я все равно не мог бы оставить у себя билет с жизнью, зная, что у Курганова крест.

— Я тоже, — глухо ответил Уокер.

— Но что же мы потом скажем Курганову?

Уокер молчал.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Во всем здании все двери были наглухо заперты.

Все десять собрались в верхней большой и светлой лаборатории. На столе стояли две белые фарфоровые ступки. В одной — два билета, в другой — четыре. Четыре, а не пять, потому что Курганова мужчины заставили согласиться пойти без розыгрыша в последней паре. Он, как самый опытный из них, нужен был для производства первых операций над другими. Против этого Курганов ничего не возражал. Сейчас должно было решиться, какая пара пойдет на операцию первой. Все стояли. Никто не решался взять себе партнера. Курганов твердо подошел к маленькой Ай и взял ее за руку.

— Вы согласны со мной?

Та молча кивнула головой.

— Делитесь! — резко сказал он остальным.

Произошло легкое движение. Карст быстро отошел от Геты, стал рядом с Иттли, бросил ее и перешел к Лине. Несколько минут все двигались по комнате, одни медленно, другие почти бегом. Это движение прекратилось так же внезапно, как началось. Курганов, не смотревший на эту сцену, поднял глаза. Все стояли парами. Казалось, вот-вот грянет музыка, и они поплывут в легком вальсе. Все были бледны. Гета едва стояла на ногах. Их было пять пар: Курганов с Ай, Гета с Гаро, Биррус с Иттли, Карст с Линой и Уокер с Лилэнд.

— Идите.

И они пошли. Выстроились перед белой ступкой, в которой было четыре билета. Это было похоже на старинный обряд конфирмации. Мужчины предоставили своим дамам брать билеты.

— Мы первые, — чуть слышно пролепетала Гета, развернув свой билет.

Гаро почернел. Он понял: если сейчас ему достанется крест, побег почти невозможен. Взглянул на окна. Рамы еще не вставлены. Рядом с одним окном проходит водосточная труба. «Можно, — подумал он, — я умею лазить, как кошка».

Его вывел из задумчивости твердый голос Курганова.
— Берите билеты.

Четыре пары, взявшись за руки, застыли в полной неподвижности, наблюдая в отдалении за Гаро и Гетой. Прошла томительная минута. Гаро сделал усилие, усмехнулся и, махнув рукой, решительно направился ко второй ступке. Гета опустила на стул. Она не могла стоять на ногах. Пусть Гаро возьмет билет. Все равно исход будет известен. Там только два билета.

Гаро медленно разворачивал небольшую, свернутую в трубочку, бумажку. С минуту он оставался неподвижен. Потом выпрямился и, положив билет на стол, обвел всех пустым, ничего не выражающим взглядом. На билете отчетливо виднелся написанный тушью маленький крестик.

Гаро полез в карман за трубкой и тихонько направился к двери. Быть может, никто не заподозрит его в попытке к бегству? Он пошел так, по своему делу и, конечно, сейчас вернется...

Если б не полная умственная прострация*, Гаро действовал бы не так и, возможно, с большим успехом.

Дорогу ему загородил Биррус.

— Куда?

Гаро остановился и некоторое время, казалось, внимательно рассматривал свою трубку. Потом медленно поднял глаза и, как автомат, бессмысленно повторил:

— Куда?

Он прищурился и хотел еще что-то сказать, но промелькнула отчетливая мысль, что его схватят, и тогда будет поздно. Волна страха и ярости застлала его сознание.

— Куда?.. — крикнул он. — К черту! К дьяволу!! Будьте вы все здесь прокляты!

Кошачьим движением он отскочил от Бирруса и бросился к окну. Догонять его было поздно. Карст молниеносным движением схватил со стола большой микроскоп и со страшной силой запустил в Гаро. Тот успел занести на подокон-

* Полный упадок физической и духовной деятельности, слабость.

ник одну ногу. Карст вообще метил неважно, но теперь попал в цель. Удар пришелся в затылок. Слышно было, как под острым углом штатива хряснул череп. Микроскоп вылетел за окно и со звоном разбился на каменных плитах двора. Сам Гаро, раскинув руки, свалился за окно. Послышался глухой удар упавшего тела.

Все бросились к двери. В лаборатории остались Карст с Гетой и Лина, которая без чувств лежала на полу. На дворе слышались голоса. Карст подошел к окну.

— Он еще жив, — говорил Курганов, осматривая разбившегося, — но скоро умрет. Еще не поздно, несите его в нижнюю камеру. Гета, — крикнул он, вы готовы?

— Да, — ответил за нее Карст.

Гета как бы застыла на своем месте, до боли закусив свою руку. Ее, казалось, не радовало решение судьбы, давшей ей жизнь, и не только жизнь, но и бессмертие.

— Иди, Гета, — сказал Карст, беря ее за руку и собрав все силы, чтобы казаться спокойным.

Гета вдруг вскочила и крепко схватила его за обе руки.

— Слушай, теперь я скажу. Теперь никто не подумает, что я побоялась смерти. Поверь, что если бы у меня на билете был крест, то я бы молчала... Карст, уйдем отсюда сейчас! Вот двери открыты, бросим все это. Я люблю тебя, мне не надо бессмертия... Я не хочу, понимаешь... не хочу! — Пойми, что я уже люблю своего ребенка, мне так хотелось его...

— Так ты...

— Да, я беременна... Я не говорила тебе, не хотела лишних страданий. Карст, ради всего тебе дорогого, ради меня, ради него, ведь это убьет... Уйдем отсюда, уйдем!.. Ответь же что-нибудь...

Полный упадок физической и духовной деятельности, слабость.

— Гета, мы вас ждем!.. — раздался с нижней площадки лестницы резкий голос Курганова.

Колени Геты стукнули о пол. Она упала Карсту в ноги и крепко обхватила его колени руками. Волосы ее рассыпались по спине. Карсту видна была сквозь них на ее шее милая ямка, которую он так любил целовать.

— Еще не поздно, но я одна не уйду, скажи одно слово... ты... останешься?

Карст не делал попытки поднять валявшуюся у него в ногах Гету. Пол медленно плыл у него под ногами. Он чувствовал над собой железную волю Курганова. Он не мог отступить.

— Я не могу с тобой идти, Гета.

Она медленно выпрямилась и встала на ноги. Глаза ее были сухи. Со странной, несвойственной ей величавой серьезностью она попросила Карста наклониться и поцеловала его в лоб.

— Прощай.

И спокойно направилась к выходу.

По лестнице навстречу ей бежал Уокер. Он был красен, волосы его спутались и поднялись кверху смешными хохолками. В другое время наверно Гета не удержалась бы, чтобы подрастить его и посмеяться.

— Скорее. Он может умереть, и тогда будет поздно!

— Да, да, я иду.

Они оба скрылись на лестнице. Карст бесцельно подошел к Лине. Она все еще лежала в обмороке. «Какие у нее красивые руки, — почему-то подумал он, — но у Геты меньше... да, у Геты, моей Геты...»

Карст медленно направился вниз. На лестнице остановился и внимательно прислушался. Из нижней камеры доносился отчаянный крик. В несколько прыжков Карст промчался через столовую и оттуда в подземное помещение.

Гаро очнулся. Его голову уже начали брить. Хорошо видна была рана, заткнутая промокшим кровью ватыным тампоном. Лежа на полу, он неистово бился и кричал в руках навалившихся на него Курганова и Бирруса.

— Ликкил, скорее ликкил! — срывающимся голосом то ролил Курганов женщин, суевившихся у шкапов с инструментами.

Карст отстранил их прочь и быстро нашел нужное. Голову Гаро прижали к полу. Прямо в шею ему была впрыснута двойная доза ликкила. Почти сразу его движения стали слабее. Через полминуты он лежал неподвижно. Гета и

Уокер, стоя в дверях, молча наблюдали за происходящим.

— Еще жив, — сказал Биррус, пощупав у Гаро пульс, — я говорил, что надо было сразу...

Времени терять было нельзя. Автоклавы кипели с сильным свистом. Острые струи пара из клапанов летели до самого потолка.

Все, что происходило дальше, Карст видел, как на экране. Он стоял в уголке и пустым, равнодушным взором смотрел на мелькавшие перед ним фигуры людей. Он видел, как несли Гету и как положили ее на стол, он видел в руках Курганова блестящий шприц с ликкилом и потом на полу такие знакомые, черные кудри. Их кто-то сразу убрал... Он отчетливо помнил сдвинутые столы и две круглые, бритые головы, совсем рядом, и много каких-то фигур в белых халатах, заслонивших от него эти головы. В последний момент он увидел только глаза Курганова, наклонившегося над столом. Белый колпак и марлевая маска на рту скрывали лицо.

«Почему у него черные руки?.. Да, да, это резиновые перчатки, резиновые перчатки...»

Послышался, как из-под земли, звук дрели, сверлящей кость. Или это шумят ртутные лампы? Ах, как от них болит голова! И почему они так гудят? Их много... и все в голове...

«Да, да — резиновые перчатки», — вспомнил Карст, стараясь глубже вздохнуть и чувствуя, как кругом все темнеет. Не стало ног и почему-то сильно хочется лечь на пол.

— Резиновые перчатки! — еще раз повторил он и, как труп, всей мощной фигурой съехал по стене вниз, в глубоком обмороке свалился на пол.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Прозрачная, как восковая фигурка, лежала Гета в большой, светлой лаборатории. Ее голова была сплошь забинтована, глаза закрыты. От длинных ресниц, как и раньше, на все лицо падала тень. Она спала. У ее постели было установлено непрерывное дежурство. Шел четвертый день после операции. Гета все не открывала глаз. Каждый день по утрам Уокер делал ей питательные вливания.

— Этот глубокий сон, — говорил Курганов, — мы должны рассматривать как период восстановления организма. Существо, наделенное полом, насквозь пропитывает себя продуктами распада и, в конце концов, оказывается уже негодной машиной. Недаром у наших бессмертных животных так сильно увеличена печень. Эта, так сказать, «помойная яма» организма должна, пропустить через себя и обезвредить те яды чрезвычайно сложного химического состава, которые наполняют все закоулки и части тела. Ей приходится разлагать их, расщеплять, и эта новая функция неизбежно ведет к увеличению объема органа. Сон Геты — ассенизация организма, но она молода, и потому я думаю, что она скоро проснется. Но если сделать пересадку старику, то, конечно, он будет спать долгое время. А ребенок, вероятно, и совсем не заснул бы.

Курганов не ошибся. На другой день, вечером, Гета открыла глаза. Она хотела пошевелиться, но со стоном опустила голову на подушки. Около нее находилась Лилэнд. Она перепугалась и громким криком стала звать на помощь. Все восемь человек обступили кровать Геты, молча и серьезно. Совершилось великое таинство — перед ними был первый бессмертный человек.

Маленькая, вся забинтованная и неподвижная, лежала среди них Гета. Она переводила спокойный взгляд черных глаз с одного на другого. Так же серьезно взглянула она и на Карста. Курганов подошел и взял ее за руку.

— Как вы себя чувствуете?

— Ничего. Только спать хочется, — одними губами от-

ветила Гета, — оставьте меня.

— И очень хорошо.

Курганов и все остальные вышли на цыпочках из комнаты. Карст на секунду задержался у постели Геты. Спокойный взгляд ставших совсем чужими глаз остановил его. Он ничего не сказал и, стиснув голову руками, пошел прочь.

«Она уже больше не женщина», — неотступно сверлила его мысль. Но он никак не мог себе этого реально представить.

Так шел день за днем. Гета быстро поправлялась. На двенадцатый день она встала и бродила по комнате. Ее трудно было узнать. Спокойствие, уравновешенность, серьезность и замкнутость делали ее непохожей на прежнюю Гету. Она просила не посещать ее, не обращаться ни с какими расспросами. Целыми днями она сидела неподвижно, подперев рукой голову и, казалось, все о чем-то думала. Ухаживала за ней теперь Ай. Но и та не поднималась в ее комнату без надобности. Случилось как-то само собой, что маленькая японка стала фактической хозяйкой дома.

Можно сказать, что все мучительное и напряженное время, которое провели здесь эти люди, занимаясь смертными потерями и окружая себя трупами, среди всех тяжелых нравственных потрясений, когда трещали и гнулись железные характеры — деловитый и спокойно-покорный вид этой хрупкой японки придавал новые силы и твердость.

Ждали полного выздоровления Геты.

— Ее организм подвергается сложнейшим внутренним преобразованиям, — говорил Курганов, — вероятно, через месяц у нее уже атрофируются молочные железы, яичники. А впоследствии произойдет и сужение таза. Она теперь в стадии метаморфозы, своего рода куколка; организм болеет и перестраивается, не будем ее тревожить...

Курганов говорил «ее», но чувствовал, что слово это теперь не подходит. «Вероятно, — думал он, — бессмертные и потом сохраняют костюм и название своего прежнего пола. Не должен общий облик сильно измениться».

Прошла еще неделя. Было холодно и сыро. Ждали зимы. Труп Гаро давно был уничтожен. Его вынесли на берег мо-

ря. Там на дюнах взорвали небольшим мегурановым аккумулятором. Облако пара и горсть золы, перемешанной с мокрым песком, — вот все, что от него осталось.

Первый пробный опыт с Гетой прошел удачно. Теперь очередь была за остальными. Карсту жизнь была в тягость. Он сам просил Курганова поскорее приступить к последнему жребью. Три пары должны были идти к урнам. Курганов и Ай оставались последними. Они сделают пересадки всем остальным, дождутся выздоровления своего будущего оператора, и только тогда решат свою судьбу. После краткого совещания решили завтра же приступить к розыгрышу. Когда Гета узнала, что оперировать хотят сразу три пары, она пришла к Курганову и заявила, что будет помогать.

— Вас с Ай только двое, а я уже совсем здорова.

Гета была серьезна. Курганов внимательно и долго на нее смотрел.

«Теперь можно, — подумал он, — ей одной поручить делать пересадки. Она стала хладнокровнее, серьезнее и, вероятно... умнее».

— Хорошо, пойдем наверх.

В первой паре перед тремя ступками-урнами стояли Карст с Линой.

Все произошло быстро и незаметно. Никто не волновался. Все были измучены ожиданием и жаждали скорейшей развязки.

Билеты взяты и развернуты.

Уокер беспомощно сел на стул. Он тяжело дышал и смотрел куда-то в угол, Иттли странно заплакала. Было похоже, будто она смеется. Она не закрыла лица руками, а так просто стояла и плакала, недоумевающе оглядываясь вокруг.

— А как же моя девочка, моя маленькая Алиса? Как же она?..

Третий крест достался Лине. С вызвавшим удивление самообладанием она подошла к Курганову и протянула ему свой билет. Иттли продолжала рыдать. Плач ее перешел в смех.

— Ха-ха-ха!.. У меня в Бэдфорде есть дочь, маленькая, белая девочка. Жалко, что я не взяла ее с собой. Лилэнд, как

ты думаешь? Правда, ведь, ей нужны новые сапожки? Ну, конечно, ха-ха-ха!..

Курганов быстро подошел к Карсту.

— Она помешалась. Принеси снизу шприц и ликкил.

— Ее сумасшествие не повлияет на...

— Нет. Это в мозговой коре. Нужных нам центров не касается. Скорее...

Карст выбежал. Иттли смеялась все громче. Лицо ее становилось злым.

— Ха-ха!.. Наверно, моя девочка здесь. Вы ее куда-нибудь спрятали? Алиса! Выйди же, покажись маме!

Она ходила по лаборатории и заглядывала под столы. С гневным лицом она подошла к Курганову.

— Отдайте мою девочку! Куда вы спрятали ее? Вы убили ее, подлец! Ха-ха-ха!.. Вы убили!

Прибежал Карст со шприцем. Иттли сразу оставила Курганова и бросилась к нему. С большой силой ухватив его за руки, она начала кричать и биться.

— Отдайте мою девочку, мою Алису! Отдайте! Отдайте!!!

Карст с трудом оторвал ее от себя. Прибежали мужчины. Произошла страшная сцена. Иначе нельзя было поступить. Иттли силой повалили на пол. Загнули ей руки назад. Карст, стоя на коленях, впрыснул ей в спину ликкил.

— Убийцы! — крикнула она. Мышцы ее почти сразу ослабли. Она закрыла глаза и улыбнулась.

— Ну, вот она! Иди ко мне, моя девочка!

Это были ее последние слова. Со счастливой улыбкой она заснула. Курганов не принимал во всем этом никакого участия. Отвернувшись к окну, он стоял и до боли сжимал себе руки.

«Так нужно... Это я делаю для всего человечества, иначе нельзя...»

Но был момент во время этой борьбы, когда и этот железный человек смутился духом. Вторая пара, и второй раз приходится прибегать к насилию...

— Идем вниз, — сказала Лина, когда Иттли утихла, и первая направилась к выходу.

Тяжелые русые косы оттягивали ее голову назад.

Она шла с гордым и уверенным видом. Трудно было, зная ее раньше, предположить в ней присутствие такой большой нравственной силы. Никогда не видели ее столь красивой. Спустя полчаса ее косы валялись на полу в нижней камере.

Уокер больше не смеялся. Он крепко, по-мужски, попросился с Кургановым и долго держал его, обняв и не выпуская. Потом он взял шприц и сам себе впрыснул ликкил. Это разумное, мужское прощание было страшнее всякого крика и слез. Курганов, закусив нижнюю губу, быстро вышел на площадку лестницы. Его железная воля не выдержала, и, став лицом к стенке, он заплакал сухим, кашляющим мужским плачем. «Нельзя!» — подумал он. Огромным усилием воли он заставил себя сдержаться, и, когда снова вошел в операционную, его лицо по-прежнему было строго и холодно.

Их было теперь только трое. Предстояло много работы. Гета была спокойна. Сосредоточенно и не суетясь, она все делала быстро и аккуратно. Ай помогала. Перед ними лежало шесть спящих. Они начали с Карста и Лины. В холодном свете ртутных ламп они молча и быстро работали. Им самим же пришлось в наскоро сооруженных носилках относить оперированных наверх и убирать трупы. Они спешили, и все-таки три пересадки заняли два часа. Курганов очень опасался внезапного прилета незваных гостей. Это было бы большим осложнением.

Смеркалось. В верхней лаборатории, где сначала была положена Гета, теперь лежали в глубоком сне Биррус, Карст и Лилэнд. Гета осталась дежурить возле них. Курганов и Ай принялись за уничтожение трупов. В одну из лодок они перетаскивали тела Уокера, Иттли и Лины и, сев в другую, привязали и потащили на буксире к заливу. Пустой и холодный парк шевелил по ветру оголенными ветвями. Сухие, шуршащие листья взметались и падали. Курганов усиленно греб. Он думал, как недавно по этому самому каналу они ехали веселой компанией и так же вели на буксире...

Он взглянул в лодку. Три фигуры, покрытые белыми халатами, казалось, мирно спали. Их лиц не было видно. Только тонкая нежная рука Лины выставлялась наружу. На мизин-

це был виден маленький золотой перстенок. Ай сидела, сжавшись в комочек и не шевелясь. Выехали на взморье. Курганов отвязал лодку с трупами. Подтянув ее к борту, наклонился и поцеловал мертвую руку Лины. Она была холодна, как лед, и слегка пахла духами.

— Ну что ж, давайте дальше не поедем, — глухо сказал Курганов, складывая весла.

Ай что-то прошептала по-японски, подала ему небольшой круглый предмет. Положив его в лодку с трупами, Курганов соединил провода и взялся за весла. Глядя на сжавшуюся фигурку японочки, прикорнувшей на корме, он, чуть не разрывая себе мышцы, гнал лодку стараясь отдалиться ощущению физического утомления и боли.

«Взрыв через десять минут, — мелькнула мысль, — успею»... Он бросил весла и перешел в лодке к Ай. Она сжалась еще больше.

— Ай, — сказал Курганов, — один из нас скоро умрет...

Ай стремительно бросилась к нему. Они застыли в тесном, крепком объятии. В этот момент они прощались со всеми человеческими надеждами и желаниями. Здесь, в маленькой лодке, рядом с трупами тех, кто погиб за идею бессмертия, сами накануне разлуки и гибели, эти люди познали высшую меру слияния духа...

Курганов и Ай уже въезжали в канал. Оставленная далеко от берега, лодка одиноко виднелась темным пятном, когда глухой удар потряс воздух. Высоко взлетевший столб воды, разбившись на мелкие брызги, медленно, как пар, оседал вниз.

Курганов поднял глаза: лодки не было. По-прежнему мелкие, холодные волны бороздили темную поверхность моря. Ночь, долгая осенняя ночь спускалась и скрывала из виду темный морской горизонт.

Стало холодно.

Первой проснулась Лилэнд. Она была самая молодая из оперированных. Гета и Ай попеременно дежурили и ухаживали за поправлявшимися. Когда Карст первый раз открыл

глаза, Гета подошла к нему и спросила:

— Здравствуй. Ну, как ты?

Перед ним была Гета, его Гета. Он видит ее всю ясно, но как будто у него из головы вынули осколок кости, давно мучивший его и заставлявший все видеть в превратном, ложном свете. Это ощущение свободы и независимости восприятия было похоже на некоторое прозрение, как, например, если бы человек, всю жизнь смотревший одним глазом, вдруг получил и другой. Все приобрело бы выпуклость, ясность, вышло бы из плоскости и стало живой, осязаемой реальностью. Карст равнодушно взглянул на Гету.

— Голова немного болит, но в общем ничего. Долго ли я спал?

— Десять дней.

— Так. Жалко, что есть нельзя. Мне так хочется пирожного! Я посплю еще, — и он снова закрыл глаза.

Через два дня очнулся и Биррус. К этому времени Лилэнд уже совсем оправилась и помогала Гете и Ай. Спустя две недели все трое оперированных окончательно покинули свои постели. Выпал снег, и в комнатах стало светло. Курганов и Ай чувствовали себя как-то неловко среди бессмертных. Организм оперированных еще не успел перестроиться. Что-то чуждое было во всем их облике. У Карста быстро стали выпадать усы и борода. Биррус совсем лишился волос. У женщин эти изменения были не столь заметны. Может быть, потому, что они не имеют столь резко выраженных вторичных половых признаков. Конечно, было еще слишком рано ожидать каких-либо серьезных перемен. Курганов, однако, с глубоким удовлетворением замечал, что его товарищи не обещают стать похожими на кастратов. Тут происходило нечто совсем иное. Их черты стали выразительнее и тоньше. Глаза приобрели новое, непередаваемое выражение. Особенная, им одним свойственная красота отличала их от смертных. Это обещало с течением времени еще усилиться. В частых беседах с Кургановым они говорили, что их нынешнее самочувствие сильно отличается от прежнего, которое, хотя с трудом, они могли себе представить. Они потеряли всякий интерес к лицам другого пола. Их прежняя

этика и мораль им кажутся рабскими и слишком зависящими от полового состояния. Им приходится, так сказать, переоценивать все ценности...

Время шло. Настала очередь Ай и Курганова. Был пасмурный день. Мокрый снег залеплял окна. В последний раз собрались все обитатели станции в верхней лаборатории. Ай наверху не было. Она задержалась в столовой. Бессмертные неподвижными фигурами застыли вдоль стен. Курганов стоял у окна; он смотрел сквозь оголенные ветви парка на потемневшее море и чувствовал полное равнодушие к своей судьбе. Только бы поскорей...

Через минуту на лестнице слышались легкие шаги. Как всегда, спокойная и аккуратная Ай, не задерживаясь, той же деловитой походкой прошла прямо к урне.

— Здесь все готово?

— Да, все, — не оборачиваясь, ответил Курганов.

Быстрым движением Ай вытащила из урны один билет и сразу его развернула. Она задержалась всего на секунду. Бросив молниеносный, выразительный взгляд на бессмертных, едва уловимым движением сунула свой билет обратно в ступку и схватила другой.

— Крест... — чуть слышно прошептала она, поворачиваясь к Курганову лицом.

Лилэнд сделала какое-то движение, будто собираясь что-то сказать, но Биррус, стоявший рядом, с силой схватил ее за руку, сжав, как клещами. Она слабо вскрикнула.

Курганов отошел от окна.

— У вас крест? — переспросил он, — покажите...

Взяв из рук Ай бумажку с написанным тушью черным крестиком, он одновременно обвел глазами присутствующих. У Ай заметно дрожали руки. Она смотрела на Курганова, даже слегка улыбаясь. От внимания Курганова не ускользнула некоторая напряженность поз и замешательство. Он подошел к ступке и вынул оттуда второй, пустой билет. Он был развернут и смят. Прошла секунда мертвой тишины.

Бросив билеты на пол, Курганов прислонился к столу и поднял глаза на Ай. Она не опустила ясного взора, будто

хотела сказать: «Ну что ж, суди меня. Я перед тобой вся...»

— Так, — глухо сказал он, наконец. Окинув равнодушным взором лабораторию, закурил папиросу и направился к выходу.

— Идем. Кончайте скорей... Ай остается, это воля судьбы, но главное — и моя.

.

Пересадку должен был делать Карст. Помогал Биррус, Гета и Лилэнд подавали инструменты. Когда на хрустальном столе перед операторами очутились две тесно сдвинутые бритые головы Ай и Курганова, Карст взглянул на женщин и твердо спросил:

— Вы понимаете, что мы должны сделать?

Лилэнд и Гета молчали.

— Вы понимаете, что в этом случае неприложим обычный нравственный закон? Теперь мы имеем дело только с законом логики и не можем сделать нелепости. Вам ясно это?

— Этого хотела и сама Ай, — тихо сказала Лилэнд.

Гета серьезно кивнула головой. Они понимали друг друга. Больше не разговаривая, приступили к работе.

.

Ночью труп маленькой Ай был взорван на дюнах.

Курганов спал целый месяц. Хотя ему еще до операции сбрили бороду и усы, его физиономия сильно изменилась. Нельзя было сказать, что он помолодел или стал женственнее. Это был он, прежний Курганов, но особая выразительность и острота черт придали ему новое выражение.

Проснувшись, он ни о чем не спрашивал. Он понял, что произошло. Биррус и Карст молча смотрели ему в глаза. В

их взорах можно было прочесть: «Мы все понимаем. Иначе мы не могли поступить».

Не было таких слов, которыми Курганов мог бы выразить то, что чувствовал. Ему так же, как и им, было все известно. Не менее пяти минут провели они так, глядя друг другу в глаза. Между ними произошел разговор беззвучный, но вполне понятный. Очевидно, он закончился каким-то договором и примирением с фактом, потому что и впоследствии между ними не было сказано об этом ни одного слова.

Курганов поправлялся медленно. Через месяц он, наконец, начал вставать с постели. В большом доме стало пусто. Число обитателей уменьшилось наполовину. И заброшенными, осиротевшими казались затихшие лаборатории, в которых теперь никто не работал. Станция была похожа на корабль, который с большими трудами был проведен опытной рукой через неведомое море и, наконец, пришел к своей пристани. Команда готовилась съехать на берег. Тихо стало везде. Машины остыли. Топки погашены. Путь корабля кончен...

Шли приготовления к полету и к уничтожению станции и всех построек. Курганов боялся неминуемых подозрений и всего того, что возникло бы в связи с их непонятным исчезновением. Лучше, если все будет приписано взрыву. Поговорят и забудут.

Целыми днями Биррус и Карст разбирали на дворе мегурановые батареи. Они разносили их всюду, куда только можно было поставить. Ток пришлось выключить. В доме стало холодно и темно. Курганов торопил все настойчивее. Он боялся возвращения негров. Ему хотелось поскорее покинуть это место, где, казалось, еще не умолкли шаги и голоса тех, кто ценой своей жизни заплатил за их бессмертие.

Курганов спешил, но если бы он знал, какая над ними надвигается гроза, то не стал бы медлить и минуты.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Давно прошли все сроки, а Пфиценмейстер все ждал. Он таял, как свечка, и можно с уверенностью сказать, что жизнь в нем держалась благодаря надежде. Внимательно следя за Кургановым, пока тот оставался в Берлине, он, конечно, хорошо заметил связь между его исчезновением и отъездом трех работниц из отделения мозга. Чтобы не было сомнений, он сам побывал у секретаря и справился, куда выбыла Иттли. На другой день получил из Чельтенгамского Института справку, что никакой Иттли у них не значится. Он понимал, что это значит. И с этого дня начал ждать. Его угнетало вынужденное бездействие. Он ничего не мог сделать, чтобы ускорить движение дела, и чувствовал себя, как голодный человек, случайно попавший в гости в незнакомый дом и дожидаящийся, когда позовут обедать. По временам он прямо доходил до отчаяния. «На какого черта этот Гаро полетит именно ко мне! — думал он, похрустывая суставами пальцев. — Кто же откажется? Любой врач...»

Он казался себе выжившим из ума, обманутым стариком. Он в миллионный раз перебирал все подробности беседы с Гаро в ту памятную ночь. И снова начинал надеяться на приезд его. Переходя от уверенности к полной потере надежды, он считал дни и часы. Каждый звонок, шаги представляли его вздрагивать и прислушиваться. Сидя закутанный по вечерам на крыше дома в голое и пустынном саду, он внимательно следил за летящими с Севера аэронами и старался отгадать, на котором из них летит Гаро.

А тот все не прилетал. После отлета Курганова прошел месяц. Тяжелая тревога закралась в душу старика. Ужас и протест против гибели, всю жизнь сдерживаемые соображением о неизбежности и всеобщности этого закона, властно выступили и требовали жизни. Он не мог найти никакого утешения или оправдания своей смерти, когда знал, что ее можно избежать. Присоединялось еще нестерпимое любопытство к будущему. За последнее время он, несмотря на сомнения, настолько успел свыкнуться с мыслью о бес-

смерти, что, пробуждаясь от своих мечтаний, сначала долго не мог понять, где находится. Только вспомнив все, он с новой силой чувствовал свое беспомощное и жалкое положение. Да и как было не помечтать! Он воображал, что уже стал бессмертным, переносился на сотни лет вперед...

Но приходила действительность. Он подходил к зеркалу, сам не зная, почему так делал. Какая-то ассоциация толкала его. На него глядело лицо египетской мумии и впавшие воспаленные глаза с помутневшими зрачками. Он пугался, но не мог оторваться и сам себя гипнотизировал, простаивая подолгу перед зеркалом, пока, шаркая туфлями, не приходил старый Франц и не уводил его в кресло.

Шли дни, целые вереницы дней, а Гаро все не было. Однажды, после того, как ночью с ним случился сердечный приступ, Пфиценмейстер понял, что это первое предупреждение. Им овладела решимость отчаяния. Нельзя же спокойно дожидаться смерти! Может быть, он что-нибудь все-таки успеет сделать... Вряд ли он мог дать себе отчет, что из всего этого получится, но делать что-нибудь надо было обязательно. Возможно, его особенно подталкивала уверенность, что Гаро его обманул, и теперь опасаться раскрытия секрета не приходится. Не все ли равно ему!

Секретарь института еще спал, когда к нему явился Пфиценмейстер. У старика был совсем безумный вид. Секретарь стал все внимательнее прислушиваться к его сбивчивой, торопливой речи.

— Они там на своей станции делают ужасные вещи. Я все знаю... Перекрестные пересадки. Бессмертные и в то же время бесполое. Он обещал прилететь ко мне, если вытащит крест, да все равно и без этого. Но прошли все сроки. Или погиб, или просто посмеялся надо мной... Надо их задержать. Курганов увез к себе этих ваших сотрудниц. Вот у меня справка из Чельтенгама. Это заговор...

— Вы говорите, Ай, Иттли и Лилэнд улетели с Кургановым?

— Да, я давно знал, зачем он появился здесь, я с ним вместе...

Секретарь жестом заставил его замолчать и задумался. Последнее появление здесь Курганова ему самому казалось довольно странным, и, вспоминая некоторые подробности пребывания затворника-ученого в Берлине, он все более убеждался, что в словах старика есть доля правды. История с исчезновением Ай, Иттли и Лилэкд стала ему казаться весьма серьезной. Он заставил старика принять успокоительное и попросил подробно и обстоятельно рассказать все, что ему известно. Несколько раз секретарь внимательно и пытливо всматривался в лицо своего собеседника и с тяжелым чувством все более убеждался, что тот не в своем уме. Однако, необходимо было проверить все то, что, сообщал старик, тем более, что его конкретное указание на связь между отъездом Курганова и трех сотрудниц из института заслуживало внимания. Секретарь института был умный человек и притом настоящий ученый. Он решил действовать осторожно. Взяв со старика обещание пока молчать, он справился об ушедших сотрудницах. Из всех мест, указанных ими при отлете, в тот же день был получен отрицательный ответ. Дело становилось серьезным. Надо было что-то предпринять. Кто знает, может быть, старик и о другом, самом главном, не бредит? Может, и в том есть доля правды? Не решаясь предавать огласке эти странные новости, секретарь в тот же день вечером созвал экстренное собрание деканов всех отделений. Собралось человек двадцать. Под условием строжайшей тайны он посвятил их в дело, умолчав только о главном — о цели работ Курганова. Он почему-то не решался произнести слово «бессмертие». Собрание узнало лишь, что Курганова подозревают в каких-то опытах над людьми, небезопасных для жизни последних, а также и об исчезновении трех сотрудниц из отделения мозга. Присутствующие сами не добивались подробностей. В общем сразу стало ясно, что этого нельзя оставить без внимания, но и выбирать нечего было. Само собой явилось решение лететь на Кургановскую станцию для разведки. Конечно, было предусмотрено, чтобы в случае ошибки не оскорбить Курганова насильственным посещением.

Спустя два часа большой голубой аэрон, принадлежащий институту, поднялся с крыши навстречу холодному северному ветру. Вместе с Пфиценмейстером, обязательно пожелавшим лететь, в полете участвовало двадцать два человека. Это была целая толпа ученых, биологов, врачей. Они летели спасать трех женщин, но мнения по существу у них расходились. Одни считали, что вообще нельзя вмешиваться в это дело, если улетевшие сотрудницы сами пожелали принять участие в опытах Курганова. Большинство же признавало недопустимым и безнравственным самое приглашение на самопожертвование, хотя бы и во имя науки. В конце концов, почти все в первый же час путешествия успели перессориться.

Пфиценмейстер сидел, забившись в угол. Он казался себе посторонним зрителем. Он ни на что не надеялся. Действительно, рассудок его, долгое время поработанный сверлящей, чудовищной мыслью, был не в порядке. Все было необыкновенно и сверхъестественно. По временам ему казалось, что это не он рассказал все секретарю, что это сделал за него кто-то другой, против его воли...

Никто не спал в эту ночь. Все ждали рассвета, когда предполагалось прибыть на место. Все были недовольны друг другом. Теперь большинство говорило, что эта поездка предпринята напрасно. Они не имеют права вмешиваться в работу Курганова. Как это всегда бывает, к утру головы стали работать более рассудительно и критически. Но раз дело было начато, надо его кончать.

Занимался рассвет. Внизу проплывали занесенные снегом огромные пространства и фосфорически светящиеся пятна разбросанных тут и там городов. Аэрон шел на большой высоте, вне зоны снежных бурь. Вдали показалось море. Все вышли на нижнюю галерею.

— Все ли готово? — спрашивал Курганов, обходя пустые помещения станции, — все ли предусмотрено?

Казалось, ничего не забыли. В каждой комнате, в подвалах, на чердаке, во всех пристройках были расставлены ме-

гурановые батареи. Не рассчитывая на полную детонацию, их всех соединили тонкими проводами. В главной лаборатории они все сходились у маленького минутного взрывателя-реле. Так же минирован был и питомник. Обреченные на гибель животные ничего не подозревали. Боб, слыша на дворе голоса людей, бегал взад и вперед в проходе между клетками и, помахивая хвостиком, настойчиво блеял.

— Пора, — сказал Курганов, бросив последний, прощальный взгляд на свою станцию.

Все собрались на дворе. Не было только Бирруса. Он задержался в своей комнате и, несмотря на мороз, настужь распахнул окно. Оттуда в сумерках зимнего рассвета доносились звуки рояля. Бессмертные остановились и молча слушали. Рояль — этот старый, знакомый инструмент заговорил на новом, странном языке. Это была импровизация, но эта музыка не была похожа на музыку людей. Она воплощала песнь торжествующей жизни и неопределенное, тоскующее искание теперь потерянной, навсегда забытой идеи человеческого чувства любви. По форме это напоминало музыку Скрябина. И в то же время она была чем-то совсем иным.

Биррус кончил. Бессмертные не обменялись ни одним словом. Курганов сквозь прозрачный теперь, оголенный парк смотрел в ту сторону берега, где был уничтожен труп маленькой Ай. Пришел Биррус. Все пошли к площадке. Гета первая принялась за работу, — надо было выкатить на площадку аэроны. В первом летели она, Курганов и Биррус. Карст и Лилэнд должны были подождать, пока они улетят. На площадке не хватало места для одновременного взлета двух машин.

Когда первый аэрон готовился уже тронуться, Курганов обернулся и спросил своих спутников:

— Не кажется ли вам, что будь мы смертны, не с таким легким чувством мы покидали бы все это? Я сейчас совсем спокоен и... право, не знаю, хорошо ли это.

Ему никто не ответил. Из питомника доносилось блеяние Боба.

— Аминь, — поворачиваясь к рулям, глухо кончил Курганов. — В открытом море сядем на воду. Я хочу посмотреть,

как взорвется наша станция.

Один за другим поднялись, взметая снег, два аэрона и круто повернули к морю. Через несколько минут они, как чайки, с распростертыми крыльями, покачивались на свободной ото льда воде, километрах в пяти от берега.

Было раннее утро. Станция на берегу выделялась в морозном воздухе белым пятном. На расстоянии казалось, что она стоит у самого берега. Из-за горизонта показался край холодного солнца. Курганов с часами в руках наблюдал.

— Через три минуты взрыв, — сказал он, — держитесь. Здесь тоже толкнет.

Все молча ждали. Из-за леса, окаймляющего парк, показалась темная точка. Она быстро росла и увеличивалась.

— Аэрон! — крикнул Карст, — смотрите, как низко.

Голубой аэрон приближался к покинутой Кургановской станции. С моря видно было, как он сделал над ней крутой поворот и пошел по спирали вниз. Очевидно, летевшие искали места посадки.

— Это к нам, — тихо сказал Курганов.

Гета кивнула головой.

Голубой аэрон, планируя к площадке и сильно снизившись, пролетал над самым домом, когда внезапно на месте станции вырос колоссальный букет черно-красного дыма, основанием своим далеко охвативший старый парк и вознесшийся на страшную высоту.

Спустя несколько мгновений донесся длительный, нестерпимый, ревущий гул. Могучий толчок воздуха чуть не перевернул аэрона.

Никто не произнес ни слова.

Еще слышался далекий грохот падающих обратно на землю масс земли, снега, камней, деревьев, вырванных с корнем и силою взрыва выброшенных вверх. Потом все стихло. Черная туча дыма, перемешанная с облаками пыли, медленно оседала и меняла свои очертания, окрашиваясь по краям в зеленый цвет.

Когда, спустя час, она рассеялась и обнажила под собой выжженную, мертвую поверхность земли, на которой нельзя было найти и признаков каких-либо построек или расти-

тельности, — два небольших аэрона далеко от этого места и на громадной высоте темными крестиками неслись на Восток.

Им навстречу поднималось холодное, зимнее солнце.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.